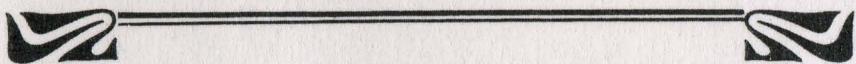

КИР БУЛЫЧЕВ

КИР БУЛЫЧЕВ

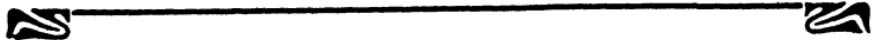
ПУТЕШЕСТВИЕ АЛИСЫ

КИР БУЛЫЧЕВ

КИР
БУЛЫЧЕВ
ПУТЕШЕСТВИЕ
АЛИСЫ

КИР
БУЛЬЧЕВ

ПУТЕШЕСТВИЕ
АЛИСЫ

Москва 1995

ББК 84Р7
Б90

Б90 **Булычев Кир**
Полное собрание сочинений. Серия «Детская фантастика». Т. 2: Путешествие Алисы.— М.: «Хронос», 1995.— 416 с.

ISBN 5-85482-006-4

В данный том серии «Детская фантастика» полного собрания сочинений Кира Булычева включены повести: «Девочка, с которой ничего не случится», «Ржавый фельдмаршал» и «Путешествие Алисы», а также рассказы.

ISBN 5-85482-006-4

ББК 84Р7

© «Хронос», 1995
© Кир Булычев, 1995

ДЕВОЧКА,
С КОТОРОЙ НИЧЕГО
НЕ СЛУЧИТСЯ

Фантастическая повесть

Рассказы о жизни маленькой девочки в XXI веке, записанные ее отцом

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Завтра Алиса идет в школу. Это будет очень интересный день. Сегодня с утра видеоняня ее друзья и знакомые, и все ее поздравляют. Правда, Алиса и сама уже три месяца, как никому покоя не дает — рассказывает о своей будущей школе.

Марсианин Бус прислал ей какой-то удивительный пенал, который пока что никто не смог открыть — ни я, ни мои сослуживцы, среди которых, кстати, было два доктора наук и главный механик зоопарка.

Шуша сказал, что пойдет в школу вместе с Алисой и проверит, достаточно ли опытная учительница ей достанется.

Удивительно много шума. По-моему, когда я уходил в первый раз в школу, никто не поднимал такого шума.

Сейчас суматоха немного утихла. Алиса ушла в зоопарк попрощаться с Бронтей.

А пока дома тихо, я решил надиктовать несколько

историй из жизни Алисы и ее друзей. Я перешлю эти записки Алисиной учительнице. Ей полезно будет знать, с каким несерьезным человеком ей придется иметь дело. Может быть, эти записки помогут учительнице воспитать мою дочку.

Сначала Алиса была ребенок как ребенок. Лет до трех. Доказательством тому — первая история, которую я собираюсь рассказать. Но уже через год, когда она встретилась с Бронтей, в ее характере обнаружилось умение делать все не как положено, исчезать в самое неподходящее время и даже случайно делать открытия, которые оказались не по силам крупнейшим ученым современности. Алиса умеет извлекать выгоду из хорошего к себе отношения, но тем не менее у нее масса верных друзей. Нам же, ее родителям, бывает очень трудно. Ведь мы не можем все время сидеть дома; я работаю в зоопарке, а наша мама строит дома, и притом часто на других планетах.

Я хочу заранее предупредить учительнице Алисы — ей тоже будет, наверно, нелегко. Пускай же она внимательно выслушает совершенно правдивые истории, случившиеся с девочкой Алисой в разных местах Земли и космоса в течение последних трех лет.

Я НАБИРАЮ НОМЕР

Алиса не спит. Десятый час, а она не спит. Я сказал:

— Алиса, спи немедленно, а то...

— Что «а то», папа?

— А то я провидефоню бабе-яге.

— А кто такая баба-яга?

— Ну, это детям надо знать. Баба-яга, костяная но-

га — страшная, злая бабушка, которая кушает маленьких детей. Непослушных.

— Почему?

— Ну, потому что она злая и голодная.

— А почему голодная?

— Потому что у нее в избушке нет продуктопровода.

— А почему нет?

— Потому что избушка у нее старая-престарая и стоит далеко в лесу.

Алисе стало так интересно, что она даже села на кровати.

— Она в заповеднике работает?

— Алиса, спать немедленно!

— Но ты ведь обещал позвать бабу-ягу. Пожалуйста, папочка, дорогой, позови бабу-ягу!

— Я позову. Но ты об этом очень пожалеешь.

Я подошел к видеофону и наугад нажал несколько кнопок. Я был уверен, что соединения не будет и бабы-яги «не окажется дома».

Но я ошибся. Экран видеофона просветлел, загорелся ярче, раздался щелчок — кто-то нажал кнопку приема на другом конце линии, и еще не успело появиться на экране изображение, как сонный голос сказал:

— Марсианское посольство слушает.

— Ну как, папа, она придет? — крикнула из спальни Алиса.

— Она уже спит, — сердито сказал я.

— Марсианское посольство слушает, — повторил голос.

Я повернулся к видеофону. На меня смотрел молодой марсианин. У него были зеленые глаза без ресниц.

Я подошел к видеофону и наугад нажал несколько кнопок

— Простите, — сказал я, — я, очевидно, ошибся номером.

Марсианин улыбнулся. Он смотрел не на меня, а на что-то за моей спиной. Ну конечно, Алиса выбралась из кровати и стояла босиком на полу.

— Добрый вечер, — сказала она марсианину.

— Добрый вечер, девочка.

— Это у вас живет баба-яга?

Марсианин вопросительно посмотрел на меня.

— Понимаете, — сказал я, — Алиса не может заснуть, и я хотел провидефонить бабе-яге, чтобы она ее наказала. Но вот ошибся номером.

Марсианин снова улыбнулся.

— Спокойной ночи, Алиса, — сказал он. — Надо спать, а то папа позовет бабу-ягу.

Марсианин попрощался со мной и отключился.

— Ну, теперь ты пойдешь спать? — спросил я. — Ты слышала, что сказал тебе дядя с Марса?

— Пойду. А ты возьмешь меня на Марс?

— Если будешь хорошо себя вести, летом туда полетим.

В конце концов Алиса уснула, и я снова сел за работу. И засиделся до часу ночи. А в час вдруг приглушенно заверещал видеофон. Я нажал кнопку. На меня глядел марсианин из посольства.

— Извините, пожалуйста, что я побеспокоил вас так поздно, — сказал он, — но ваш видеофон не отключен, и я решил, что вы еще не спите.

— Пожалуйста.

— Вы не могли бы помочь нам? — сказал марсианин. — Все посольство не спит. Мы перерыли все энциклопедии, изучили видеофонную книгу, но не можем найти, кто такая баба-яга и где она живет...

БРОНТЯ

К нам в Московский зоопарк привезли яйцо бронтозавра. Яйцо нашли чилийские туристы в оползне на берегу Енисея. Яйцо было почти круглое и замечательно сохранилось в вечной мерзлоте. Когда его начали изучать специалисты, то они обнаружили, что яйцо совсем свежее. И поэтому решено было поместить его в зоопарковский инкубатор.

Конечно, мало кто верил в успех, но уже через неделю рентгеновские снимки показали, что зародыш бронтозавра развивается. Как только об этом было объявлено по интервидению, в Москву начали слетаться со всех сторон ученые и корреспонденты. Нам пришлось забронировать всю восьмидесятиэтажную гостиницу «Венера» на Тверской улице. Да и то она всех не вместила. Восемь турецких палеонтологов спали у меня в столовой, я поместился в кухне с журналистом из Эквадора, а две корреспондентки журнала «Женщины Антарктиды» устроились в спальне Алисы.

Когда наша мама провидеофонила вечером из Нукуса, где она строит стадион, она решила, что не туда попала.

Все телеспутники мира показывали яйцо. Яйцо сбоку, яйцо спереди; скелеты бронтозавра и яйцо...

Конгресс космофилологов в полном составе приехал на экскурсию в зоопарк. Но к тому времени мы уже прекратили доступ в инкубатор, и филологам пришлось смотреть на белых медведей и марсианских богомолов.

На сорок шестой день такой сумасшедшей жизни яйцо вздрогнуло. Мы с моим другом профессором Якатой сидели в этот момент у колпака, под которым

хранилось яйцо, и пили чай. Мы уже перестали верить в то, что из яйца кто-нибудь выведется. Ведь мы больше его не просвечивали, чтобы не повредить нашему «младенцу». И мы не могли заниматься предсказаниями хотя бы потому, что никто до нас не пробовал выводить бронтозавров.

Так вот, яйцо вздрогнуло, еще раз...треснуло, и сквозь толстую кожистую скорлупу начала просовываться черная, похожая на змеиную, голова. Застрекотали автоматические съемочные камеры. Я знал, что над дверью инкубатора зажегся красный огонь. На территории зоопарка началось что-то весьма напоминающее панику.

Через пять минут вокруг нас собирались все, кому положено было здесь находиться, и многие из тех, кому находиться было совсем не обязательно, но очень хотелось. Сразу стало очень жарко.

Наконец из яйца вылез маленький бронтозавренок.

— Папа, как его зовут? — услышал я вдруг знакомый голос.

— Алиса! — удивился я. — Ты как сюда попала?

— Я с корреспондентами.

— Но ведь детям сюда нельзя.

— Мне можно. Я всем говорила, что я твоя дочка. И меня пустили.

— Ты знаешь, что пользоваться знакомствами для личных целей нехорошо?

— Но ведь, папа, маленькому Бронте, может быть, скучно без детей, вот я и пришла.

Я только рукой махнул. У меня не было ни минуты свободной, чтобы вывести Алису из инкубатория. И не было вокруг никого, кто согласился бы это сделать за меня.

— Стой здесь и никуда не уходи, — сказал я ей, а сам бросился к колпаку с новорожденным бронтозавром.

Весь вечер мы с Алисой не разговаривали. Поссорились. Я запретил ей появляться в инкубаторе, но она сказала, что не может меня послушаться, потому что ей жалко Бронтю. И на следующий день она снова пробралась в инкубатор. Ее провели космонавты с корабля «Юпитер-8». Космонавты были героями, и никто не мог отказать им.

— Доброе утро, Бронтя, — сказала она, подходя к колпаку.

Бронтозавренок искоса посмотрел на нее.

— Чей это ребенок? — строго спросил профессор Яката.

Я чуть сквозь землю не провалился.

Но Алиса за словом в карман не лезет.

— Я вам не нравлюсь? — спросила она.

— Нет, что вы, совсем наоборот... Я просто подумал, что вы, может быть, потерялись... — Профессор совсем не умел разговаривать с маленькими девочками.

— Ладно, — сказала Алиса. — Я к тебе, Бронтя, завтра зайду. Не скучай.

И Алиса в самом деле пришла завтра. И приходила почти каждый день. Все к ней привыкли и пропускали без всяких разговоров. Я же умыл руки. Все равно наш дом стоит рядом с зоопарком, дорогу переходить нигде не надо, да и попутчики ей всегда находились.

Бронтозавр быстро рос. Через месяц он достиг двух с половиной метров длины, и его перевели в специально выстроенный павильон. Бронтозавр бродил по огороженному загону и жевал молодые побеги бамбука и бананы. Бамбук привозили грузовыми ракетами из

Индии, а бананами нас снабжали фермеры из Малаховки. В цементном бассейне посреди загона плескалась теплая солоноватая вода. Такая нравилась бронтозавру.

Но вдруг он потерял аппетит. Три дня бамбук и бананы оставались нетронутыми. На четвертый день бронтозавр лег на дно бассейна и положил на пластиковый борт маленькую черную голову. По всему было видно, что он собирается умирать. Этого мы не могли допустить. Ведь у нас был всего один бронтозавр. Лучшие врачи мира помогали нам. Но все было напрасно. Броня отказывался от травы, витаминов, апельсинов, молока — от всего.

Алиса не знала об этой трагедии. Я ее отправил к бабушке во Внуково. Но на четвертый день она включила телевизор как раз в тот момент, когда передавали сообщение об ухудшении здоровья бронтозавра. Я уж не знаю, как она уговорила бабушку, но в то же утро Алиса вбежала в павильон.

— Папа! — закричала она. — Как ты мог скрыть от меня? Как ты мог?..

— Потом, Алиса, потом, — ответил я. — У нас совещание.

У нас и в самом деле шло совещание. Оно не прекращалось последние три дня.

Алиса ничего не сказала и отошла. А еще через минуту я услышал, как рядом кто-то ахнул. Я обернулся и увидел, что Алиса уже перебралась через барьер, скользнула в загон и побежала к морде бронтозавра. В руке у нее была белая булка.

— Ешь, Броня, — сказала она, — а то они тебя здесь голодом заморят. Мне бы тоже на твоем месте надоели бананы.

Теперь Бронтя стал вполне ручным

И не успел я добежать до барьера, как случилось невероятное. То, что прославило Алису и сильно испортило репутацию нам, биологам.

Бронтозавр поднял голову, посмотрел на Алису и осторожно взял булку у нее из рук.

— Тише, папа, — погрозила мне пальцем Алиса, увидев, что я хочу перепрыгнуть через барьер. — Бронтя тебя боится.

— Он ей ничего не сделает, — сказал профессор Яката.

Я и сам видел, что он ничего не сделает. Но что, если эту сцену увидит бабушка?

Потом ученые долго спорили. Спорят и до сих пор. Одни говорят, что Бронтя нуждался в перемене пищи, а другие — что он больше, чем нам, доверял Алисе. Но так или иначе, кризис миновал.

Теперь Бронтя стал вполне ручным. Хотя в нем около тридцати метров длины, для него нет большего удовольствия, чем покатать на себе Алису. Один из моих ассистентов сделал специальную стремянку, и, когда Алиса приходит в павильон, Бронтя протягивает в угол свою длинную шею, берет треугольными зубами стоящую там стремянку и ловко подставляет ее к своему черному блестящему боку.

Потом он катает Алису по павильону или плавает с ней в бассейне.

ТУТЕКСЫ

Как я обещал Алисе, я взял ее с собой на Марс, когда полетел туда на конференцию.

Долетели мы благополучно. Правда, я не очень хо-

рошо переношу невесомость и поэтому предпочитал не вставать с кресла, но моя дочка все время порхала по кораблю, и однажды мне пришлось снимать ее с потолка рубки управления, потому что она хотела нажать на красную кнопку, а именно: на кнопку экстренного торможения. Но пилоты на нее не очень рассердились.

На Марсе мы осмотрели город, съездили с туристами в пустыню и побывали в Больших пещерах. Но после этого мне некогда было заниматься с Алисой, и я отдал ее на неделю в интернат. На Марсе работает много наших специалистов, и марсиане помогли нам построить громадный купол детского городка. В городке хорошо — там растут настоящие земные деревья. Иногда ребятишки ездят на экскурсии. Тогда они надевают маленькие скафандры и выходят вереницей на улицу.

Татьяна Петровна — так зовут воспитательницу — сказала, что я могу не беспокоиться. Алиса тоже сказала, чтобы я не беспокоился. И мы попрощались с ней на неделю.

А на третий день Алиса пропала.

Это было совершенно исключительное происшествие. Начать с того, что за всю историю интерната никто из него не пропадал и даже не терялся больше чем на десять минут. На Марсе в городе потеряться совершенно невозможно. А тем более земному ребенку, одетому в скафандр. Первый же встречный марсианин приведет его обратно. А роботы? А Служба безопасности? Нет, потеряться на Марсе невозможно.

Но Алиса потерялась.

Ее не было уже около двух часов, когда меня вызвали с конференции и на марсианском вездеходе-

прыгуне привезли в интернат. Вид у меня был, наверно, растерянный, потому что, когда я появился под куполом, все собравшиеся там сочувственно замолчали.

А кого там только не было! Все преподаватели и роботы интерната, десять марсиан в скафандрах (им приходится надевать скафандры, когда они входят под купол, в земной воздух), звездолетчики, начальник спасателей Назарян, археологи...

Оказывается, телестанция города уже час, как через каждые три минуты передавала сообщение о том, что пропала девочка с Земли. Все видеофоны Марса горели тревожными сигналами. В марсианских школах были прекращены занятия, и школьники, разделившись на группы, прочесывали город и окрестности.

Исчезновение Алисы обнаружили, как только ее группа вернулась с прогулки. С тех пор прошло два часа. Кислорода же в ее скафандре — на три часа.

Я, зная свою дочку, спросил, осмотрели ли укромные места в самом интернате или рядом с ним. Может быть, она нашла марсианского богомола и наблюдает за ним...

Мне ответили, что подвалов в городе нет, а все укромные места обследованы школьниками и студентами марсианского университета, которые эти места знают назубок.

Я рассердился на Алису. Ну конечно, сейчас она с самым невинным видом выйдет из-за угла. А ведь ее поведение натворило в городе больше бед, чем песчаная буря. Все марсиане и все земляне, живущие в городе, оторваны от своих дел, поднята на ноги вся спасательная служба. К тому же мной всерьез овладело

беспокойство. Это ее приключение могло плохо кончиться.

Все время поступали сообщения от поисковых партий: «Школьники второй марсианской прогимназии осмотрели стадион. Алисы нет», «Фабрика марсианских сладостей сообщает, что ребенка на ее территории не обнаружено»...

«Может быть, она в самом деле умудрилась выбраться в пустыню? — думал я. — В городе ее бы уже нашли. Но пустыня... Марсианские пустыни еще толком не изучены, и там можно потеряться так, что тебя и через десять лет не найдут. Но ведь ближайшие районы пустыни уже обследованы на прыгунах-вездеходах...»

— Нашли! — вдруг закричал марсианин в синем хитоне, глядя в карманный телевизор.

— Где? Как? Где? — заволновались собравшиеся под куполом.

— В пустыне. В двухстах километрах отсюда.

— В двухстах?!

«Конечно, — подумал я, — они не знают Алису. От нее этого можно было ждать».

— Девочка себя хорошо чувствует и скоро будет здесь.

— А как же она туда забралась?

— На почтовой ракете.

— Ну конечно! — сказала Татьяна Петровна и заплакала. Она переживала больше всех.

Все бросились ее утешать.

— Мы же проходили мимо почтамта, и там загружались автоматические почтовые ракеты. Но я не обратила внимания. Ведь их видишь по сто раз на дню!

А когда через десять минут марсианский летчик ввел Алису, все стало ясно.

— Я туда залезла, чтобы взять письмо, — сказала Алиса.

— Какое письмо?

— А ты, папа, сказал, что мама напишет нам письмо. Вот я и заглянула в ракету, чтобы взять письмо.

— Ты забралась внутрь?

— Ну конечно. Дверца была открыта, и там лежало много писем.

— А потом?

— Только я туда залезла, как дверь закрылась, и ракета полетела. Я стала искать кнопку, чтобы ее остановить. Там много кнопок. Когда я нажала последнюю, ракета пошла вниз, и потом дверь открылась. Я вышла, а вокруг песок, и тети Тани нет, и ребят нет.

— Она нажала кнопку срочной посадки! — с восхищением в голосе сказал марсианин в синем хитоне.

— Я немного поплакала, а потом решила идти домой.

— А как ты догадалась, куда идти?

— Я забралась на горку, чтобы посмотреть оттуда. А в горке была дверца. С горки ничего не было видно. Тогда я вошла в комнатку и села там.

— Какая дверца? — удивился марсианин. — В том районе только пустыня.

— Нет, там была дверца и комната. А в комнате стоит большой камень. Как египетская пирамида. Только маленькая. Помнишь, папа, ты читал мне книжку про египетскую пирамиду?

Неожиданное заявление Алисы привело в сильное волнение марсиан и Назаряна, начальника спасателей.

— Тутексы! — закричали они.

— Где нашли девочку? Координаты!

И половину присутствующих как языком слизнуло.

А Татьяна Петровна, которая взялась сама накормить Алису, рассказала мне, что много тысяч лет назад на Марсе существовала таинственная цивилизация тутексов. От нее остались только каменные пирамидки. До сих пор ни марсиане, ни археологи с Земли не смогли найти ни одного строения тутексов — только пирамидки, разбросанные по пустыне и занесенные песком. И вот Алиса случайно наткнулась на строение тутексов.

— Вот видишь, тебе опять повезло, — сказал я. — Но все-таки я немедленно увожу тебя домой. Там теряйся сколько хочешь. Без скафандра.

— Мне тоже больше нравится теряться дома, — сказала Алиса.

...Через два месяца я прочел в журнале «Вокруг света» статью под названием «Вот какими были тутексы». В ней рассказывалось, что в марсианской пустыне удалось наконец обнаружить ценнейшие памятники тутесской культуры. Сейчас ученые заняты расшифровкой надписей, найденных в помещении. Но самое интересное — на пирамидке обнаружено изображение тутекса, великолепное по сохранности. И тут же была фотография пирамидки с портретом тутекса.

Портрет показался мне знакомым. И страшное подозрение охватило меня.

— Алиса, — очень строго сказал я, — признайся честно, ты ничего не рисовала на пирамидке, когда потерялась в пустыне?

Перед тем как ответить, Алиса подошла ко мне и внимательно посмотрела на картинку в журнале.

— Правильно. Это ты нарисован, папочка. Только я не рисовала, а нацарапала камешком. Мне там так скучно было...

ЗАСТЕНЧИВЫЙ ШУША

У Алисы много знакомых зверей: два котенка; марсианский богомол, который живет у нее под кроватью и по ночам подражает балалайке; ежик, который жил у нас недолго, а потом ушел обратно в лес; бронтозавр Броня — к нему Алиса ходит в гости в зоопарк; и, наконец, соседская собака Рекс, по-моему, карликовая такса не очень чистых кровей.

Еще одним зверем Алиса обзавелась, когда вернулась первая экспедиция с Сириуса.

Алиса познакомилась с Полосковым на встрече этой экспедиции. Я не знаю, как она это устроила: у Алисы широкие связи. Так или иначе, она оказалась среди ребят, которые принесли космонавтам цветы. Представьте мое удивление, когда я вижу по телевизору — бежит Алиса по летному полю с букетом голубых роз больше ее самой и вручает его самому Полоскову.

Полосков взял ее на руки, они вместе слушали приветственные речи и вместе ушли.

Алиса вернулась домой только вечером с большой красной сумкой в руках.

— Ты где была?

— Больше всего я была в детском саду, — ответила она.

— А меньше всего где ты была?

— Нас еще возили на космодром.

— И потом?

Алиса поняла, что я смотрел телевизор, и сказала:

— Еще меня попросили поздравить космонавтов.

— Кто же это тебя попросил?

— Один человек, ты его не знаешь.

— Алиса, тебе не приходилось сталкиваться с термином «телесные наказания»?

— Знаю, это когда шлепают. Но, я думаю, только в сказках.

— Боюсь, что придется сказку сделать былью. Почему ты всегда лезешь, куда не следует?

Алиса хотела было на меня обидеться, но вдруг красная сумка у нее в руке зашевелилась.

— Это еще что такое?

— Это подарок от Полоскова.

— Ты выпросила себе подарок! Этого еще не хватало!

— Я ничего не выпрашивала. Это Шуша. Полосков привез их с Сириуса. Маленький шуша, шушонок, можно сказать.

И Алиса осторожно достала из сумки маленького шестилапого зверька, похожего на кенгурунка. У шушонка были большие стрекозинные глаза. Он быстро вращал ими, крепко вцепившись верхней парой лап в Алисин костюм.

— Видишь, он меня уже любит, — сказала Алиса. — Я ему сделаю постель.

Я знал историю с шушами. Все знали историю с шушами, а мы, биологи, в особенности. У меня в зоопарке было уже пять шуш, и со дня на день мы ожидали прибавления семейства.

Полосков с Зеленым обнаружили шуш на одной из планет в системе Сириуса. Эти милые, безобидные зверушки, которые ни на шаг не отставали от космо-

— Видишь, он меня уже любит, — сказала Алиса

навтов, оказались млекопитающими, хотя по повадкам больше всего напоминали наших пингвинов. То же спокойное любопытство и вечные попытки залезть в самые неподходящие места. Зеленому даже пришлось как-то спасать шушонка, который собирался потонуть в большой банке сгущенного молока. Экспедиция привезла целый фильм о шушах, который прошел с большим успехом во всех кинотеатрах и видеорамах.

К сожалению, у экспедиции не было времени как следует понаблюдать за ними. Известно, что шуши приходили в лагерь экспедиции с утра, а с наступлением темноты куда-то исчезали, скрывались в скалах.

Так или иначе, когда экспедиция уже возвращалась обратно, в одном из отсеков Полосков обнаружил трех шуш, которые, наверно, заблудились в корабле. Правда, Полосков подумал сначала, что шуш протащил на корабль контрабандой кто-нибудь из участников экспедиции, но возмущение его товарищей было таким искренним, что Полоскову пришлось отказаться от своих подозрений.

Появление шуш вызвало массу дополнительных проблем. Во-первых, они могли оказаться источником неизвестных инфекций. Во-вторых, они могли погибнуть в пути, не выдержать перегрузок. В-третьих, никто не знал, что они едят... И так далее.

Но все опасения оказались напрасными. Шуши отлично перенесли дезинфекцию, послушно питались бульоном и консервированными фруктами. Из-за этого они нажили себе кровного врага в лице Зеленого, который любил компот, а последние месяцы экспедиции ему пришлось отказаться от компота — его съели «зайцы».

Во время долгого пути у шушихи родилось шесть

шушат. Так что корабль прибыл на Землю переполненный шушами и шушатами. Они оказались понятливыми зверушками и никаких неприятностей и неудобств никому, кроме Зеленого, не причиняли.

Я помню исторический момент прибытия экспедиции на Землю, когда под прицелом кино- и телевизионных камер открылся люк и вместо космонавтов в его отверстии показался удивительный шестилапый зверь. За ним еще несколько таких же, только поменьше. По всей земле прокатился вздох удивления. Но оборвался в тот момент, когда вслед за шушами из корабля вышел улыбающийся Полосков. Он нес на руках шушонка, перемазанного сгущенным молоком...

Часть зверьков попала в зоопарк, некоторые остались у полюбивших их космонавтов. Полосковский шушонок достался Алисе. Бог уж ее знает, чем она очаровала сурогового космонавта Полоскова.

Шуша жил в большой корзине рядом с Алисиной кроватью, мяса не употреблял, ночью спал, дружил с котятами, боялся богомола и тихо мурлыкал, когда Алиса гладила его или рассказывала о своих удачах и бедах.

Шуша быстро рос и через два месяца стал ростом с Алису. Они ходили гулять в садик напротив, и Алиса никогда не надевала на него ошейника.

— А вдруг он кого-нибудь испугает, — спрашивал я. — Или попадет под машину.

— Нет, он не испугает. А потом, он обидится, если я на него надену ошейник. Он ведь такой чуткий.

Как-то Алисе не спалось. Она капризничала и требовала, чтобы я читал ей про доктора Айболита.

— Некогда, дочка, — сказал я. — У меня срочная работа. Кстати, тебе пора читать книжки самой.

— Но это же не книжка, а микрофильм, и там буквы маленькие.

— Так он звуковой. Не хочешь читать — включи звук.

— Мне холодно вставать.

— Тогда погоди. Я допишу и включу.

— Не хочешь — Шушу попрошу.

— Ну попроси, — улыбнулся я.

И через минуту вдруг услышал из соседней комнаты нежный микрофильмированный голос: «...И еще была у Айболита собака Авва».

Значит, Алиса все-таки встала и дотянулась до выключателя.

— Сейчас же обратно в постель! — крикнул я. — Простудишься.

— А я в постели.

— Нельзя обманывать. Кто же тогда включил микрофильм?

— Шуша.

Я очень не хочу, чтобы моя дочка выросла лживой. Я отложил работу, пошел к ней и решил серьезно поговорить.

На стене висел экран. Шуша орудовал у микро-проектора, а на экране несчастные звери толпились у дверей доброго доктора Айболита.

— Как ты умудрилась так его выдрессировать? — искренне удивился я.

— Я его и не дрессировала. Он сам все умеет.

Шуша смущенно перебирал передними лапами перед грудью.

Наступило неловкое молчание.

— И все-таки... — сказал наконец я.

— Извините, — раздался высокий хрипловатый го-

лос. Это говорил Шуша. — Но я в самом деле сам научился. Это ведь не трудно.

— Простите... — сказал я.

— Это не трудно, — повторил Шуша. — Вы сами позавчера показывали Алисе сказку про короля бого-молов.

— Нет, я уже не о том. Как вы научились говорить?

— Мы с ним занимались, — сказала Алиса.

— Ничего не понимаю! Десятки биологов работают с шушами, и ни разу ни один шуша не сказал ни слова.

— А наш Шуша и читать умеет. Умеешь?

— Немного.

— Он мне столько интересного рассказывает...

— Мы с вашей дочкой большие друзья.

— Так почему же вы столько времени молчали?

— Он стеснялся, — ответила за Шушу Алиса.

Шуша потупил глаза.

ОБ ОДНОМ ПРИВИДЕНИИ

Мы летом живем во Внукове. Это очень удобно, потому что туда ходит монорельс и от него до дачи пять минут ходу. В лесу, по другую сторону дороги, растут подберезовики и подосиновики, но их меньше, чем грибников.

Я приезжал на дачу прямо из зоопарка и вместо отдыха попадал в кипение тамошней жизни. Центром ее был соседский мальчик Коля, который славился на все Внуково тем, что отнимал у детей игрушки. К нему даже приезжал психолог из Владивостока и написал потом диссертацию о мальчике Коле. Психолог изучал

Колю, а Коля ел варенье и ныл круглые сутки. Я привез ему из города трехколесную фотонную ракету, чтобы он поменьше хныкал.

Кроме того, там жила Колина бабушка, которая любила поговорить о генетике и писала роман о Менделе, бабушка Алисы, мальчик Юра и его мама Карма, трое близнецов с соседней улицы, которые пели хором под моим окном, и, наконец, привидение.

Привидение жило где-то под яблоней и появилось сравнительно недавно. В привидение верили Алиса и Колина бабушка. Больше никто в него не верил.

Мы сидели с Алисой на террасе и ждали, пока новый робот Щелковской фабрики приготовит манную кашу. Робот уже два раза перегорал, и мы вместе с Алисой ругали фабрику, но самим приниматься за хозяйство не хотелось, а бабушка наша уехала в театр.

Алиса сказала:

— Сегодня он придет.

— Кто — он?

— Мой привидений.

— Привидение — оно, — автоматически поправил я, не сводя глаз с робота.

— Хорошо, — не стала спорить Алиса. — Пускай будет мой привидение. А Коля отнял у близнецов орехи. Разве это не удивительно?

— Удивительно. Так что ты говорила о привидении?

— Он хороший.

— У тебя все хорошие.

— Кроме Коли.

— Ну, кроме Коли... Я думаю, если бы я привез огнедышащую гадюку, ты бы с ней тоже подружилась.

— Наверно. А она добрая?

— С ней еще никто не смог об этом поговорить. Она живет на Марсе и брызгается кипящим ядом.

— Наверно, ее обидели. Зачем вы увезли ее с Марса?

Тут я ничего ответить не смог. Это была чистая правда. Гадюку не спрашивали, когда увозили с Марса. А она по пути сожрала любимую собаку корабля «Калуга», за что ее возненавидели все космонавты.

— Ну, так что же привидение? На что оно похоже? — переменил я тему.

— Оно ходит, только когда темно.

— Ну разумеется. Это испокон века так. Наслушалась ты сказок Колиной бабушки...

— Колина бабушка мне только про историю генетики рассказывает. Какие были на Менделея гонения.

— Да, кстати, а как реагирует твоё привидение на крик петуха?

— Никак. А почему?

— Понимаешь, порядочному привидению положено исчезать со страшными проклятьями, когда на рассвете прокричит петух.

— Я спрошу его сегодня про петуха.

— Ну хорошо.

— И я сегодня лягу попозже. Мне нужно поговорить с привидением.

— Пожалуйста. Ладно, пошутили и хватит. Робот уже кашу переварил.

Алиса села за кашу, а я — за ученые записки Гвианского зоопарка. Там была интереснейшая статья об укусах. Революция в зоологии. Им удалось добиться размножения укусов в неволе. Дети рождались темно-зелеными, несмотря на то, что у обоих родителей панцирь был голубым.

Стемнело. Алиса сказала:

— Ну, я пошла.

— Ты куда?

— К привидению. Ты же обещал.

— А я думал, что ты пошутила. Ну, если тебе так нужно в сад, то выйди, только надень кофточку, а то холодно стало. И чтоб не дальше яблони.

— Куда же мне дальше? Он меня там ждет.

Алиса убежала в сад. Я краем глаза следил за ней. Мне не хотелось вторгаться в мир ее фантазий. Пускай ее окружают и привидения, и волшебницы, и отважные рыцари, и добрые великаны со сказочной голубой планеты... Конечно, если она будет ложиться спать вовремя и нормально есть.

Я потушил свет на веранде, чтобы он не мешал мне присматривать за Алисой. Вот она подошла к яблоне, старой и ветвистой, и встала под ней.

И тут... От ствола яблони отделилась голубая тень и двинулась ей навстречу. Тень будто плыла по воздуху, не касаясь травы.

В следующий момент, схватив что-то тяжелое, я уже бежал вниз по лестнице, перепрыгивая через три ступеньки. Это мне уже не нравилось. Либо это чья-то неостроумная шутка, либо... Что «либо», я не придумал.

— Осторожнее, папа! — сказала громким шепотом Алиса, услышав мои шаги. — Ты его спугнешь.

Я схватил Алису за руку. Передо мной растворялся в воздухе голубой силуэт.

— Папа, что ты наделал! Ведь я его чуть не спасла.

Алиса позорно ревела, пока я нес ее на террасу.

Что это было под яблоней? Галлюцинация?..

— Зачем ты это сделал? — ревела Алиса. — Ты же обещал...

— Ничего я не сделал, — отвечал я, — привидений не бывает.

— Ты же сам его видел. Зачем ты говоришь неправду? А он ведь не выносит движений воздуха. Разве ты не понимаешь, что к нему надо медленно подходить, чтобы его ветром не сдуло?

Я не знал, что ответить. В одном был уверен: как только Алиса заснет, выйду с фонарем в сад и обыщу его.

— А он тебе письмо передал. Только я его тебе теперь не дам.

— Какое еще письмо?

— Не дам.

Тут я заметил, что в кулаке у нее зажат листок бумаги. Алиса посмотрела на меня, я на нее, и потом она все-таки дала мне этот листок.

На листке моим почерком было написано расписание кормления красных крумсов. Я этот листок искал уже три дня.

— Алиса, где ты нашла мою записку?

— А ты переверни ее. У привидения бумаги не было, и я ему дала твою.

На обратной стороне незнакомым почерком было написано по-английски:

«Уважаемый профессор!

Я беру на себя смелость обратиться к Вам, ибо попал в неприятное положение, из которого не могу выйти без посторонней помощи. К сожалению, я не могу также и покинуть круг радиусом в один метр, центром которого является яблоня. Увидеть же ме-

ня в моем жалком положении можно только в темноте.

Благодаря Вашей дочери, чуткому и отзывчивому существу, мне удалось наконец установить связь с внешним миром.

Я, профессор Кураки, являюсь жертвой неудачного эксперимента. Яставил опыты по передаче вещества на далекие расстояния. Мне удалось переправить из Токио в Париж двух индошек и кошку. Они были благополучно приняты моими коллегами. Однако в тот день, когда я решил проверить эксперимент на себе, пробки в лаборатории перегорели как раз во время эксперимента, и энергии для перемещения оказалось недостаточно. Я рассеялся в пространстве, причем моя наиболее концентрированная часть находится в районе Вашей уважаемой дачи. В таком прискорбном состоянии я нахожусь уже вторую неделю, и, без сомнения, меня считают погибшим.

Умоляю Вас, немедленно по получении моего письма пошлите телеграмму в Токио. Пусть кто-нибудь починит пробки в моей лаборатории. Тогда я смогу материализоваться.

Заранее благодарный
Кураки».

Я долго вглядывался в темноту под яблоней. Потом спустился с террасы, подошел поближе. Бледно-голубое, еле различимое сияние покачивалось у ствола. Приглядевшись, я различил очертания человека. «Призидение» умоляющее, как мне показалось, вздымало к небу руки.

Больше я не стал терять время. Я добежал до монорельса и со станции провидеофонил в Токио.

Вся эта операция заняла десять минут.

Уже на пути домой я вспомнил, что забыл уложить Алису. Я прибавил шагу.

Свет на террасе не был потушен.

Там Алиса демонстрировала свой гербарий и коллекцию бабочек невысокому изможденному японцу. Японец держал в руках кастрюльку и, не сводя глаз с Алисиных сокровищ, деликатно ел манную кашу.

Увидев меня, гость низко поклонился и сказал:

— Я — профессор Кураки, ваш вечный слуга. Вы и ваша дочь спасли мне жизнь.

— Да, папа, это мой привидение, — сказала Алиса. — Теперь ты в них веришь?

— Верю, — ответил я. — Очень приятно познакомиться.

ПРОПАВШИЕ ГОСТИ

Подготовка к встрече лабуцильцев проходила торжественно. Еще ни разу Солнечную систему не посещали гости со столь далекой звезды.

Первой сигналы лабуцильцев приняла станция на Плутоне, а через три дня связь с ними установила Лондельская радиообсерватория.

Лабуцильцы были еще далеко, но космодром Шереметьево-4 был полностью готов к их приему. Девушки из оранжереи «Красная роза» украсили его гирляндами цветов, а слушатели Высших поэтических курсов отрепетировали музыкально-литературный монтаж. Все посольства забронировали места на трибунах, и корреспонденты ночевали в буфете космодрома.

Алиса жила неподалеку, на даче во Внукове, и собирала гербарий. Она хотела собрать гербарий лучше,

чем собрал Ваня Шпиц из старшей группы. Таким образом, Алиса не принимала участия в подготовке торжественной встречи. Она даже ничего не знала о ней.

Да и я сам к встрече не имел прямого отношения. Моя работа начнется потом, когда лабуцильцы приземлятся.

А тем временем события развивались следующим образом.

8 марта лабуцильцы сообщили, что выходят на круговую орбиту. Примерно в это время и произошла трагическая случайность. Вместо лабуцильского корабля станции наведения засекли потерянный два года назад шведский спутник «Нобель-29». Когда же ошибка была обнаружена, оказалось, что лабуцильский корабль исчез. Он уже пошел на посадку, и связь с ним временно прервалась.

9 марта в 6.33 лабуцильцы сообщили, что произвели посадку в районе $55^{\circ}20'$ северной широты и $37^{\circ}40'$ восточной долготы по земной системе координат, с возможной ошибкой в $15'$, то есть неподалеку от Москвы.

В дальнейшем связь прервалась, и восстановить ее, за исключением одного случая, о котором я скажу потом, не удавалось. Оказывается, земная радиация пагубным образом воздействовала на приборы лабуцильцев.

В тот же момент сотни машин и тысячи людей бросились в район посадки гостей. Дороги были забиты желающими найти лабуцильцев. Космодром Шереметьево-4 опустел. В буфете не осталось ни одного корреспондента. Небо Подмосковья было увешано вертолетами, винтокрылами, орнитоптерами, вихрелетами и прочими летательными аппаратами. Казалось, тучи громадных комаров нависли над землей.

Если бы даже корабль лабуцильцев ушел под землю, его все равно обнаружили бы.

Но его не нашли.

Ни один из местных жителей не видел, как спускался корабль. А это тем более странно, потому что в те часы почти все жители Москвы и Подмосковья смотрели в небо.

Значит, произошла ошибка.

К вечеру, когда я вернулся с работы на дачу, вся нормальная жизнь планеты была нарушена. Люди боялись, не случилось ли чего-нибудь с гостями.

— Может быть, — спорили в монорельсе, — они из антивещества и при входе в земную атмосферу испарились?

— Без вспышки, бесследно? Чепуха!

— Но много ли мы знаем о свойствах антивещества?

— А кто тогда радиовал, что совершил посадку?

— Может быть, шутник?

— Ничего себе шутник! Так, может быть, он и с Плутоном разговаривал?

— А может быть, они невидимы?

— Все равно их обнаружили бы приборы...

Но все-таки версия о невидимости гостей завоевывала все больше сторонников...

Я сидел на веранде и думал: а может, они приземлились рядом, на соседнем поле? Стоят сейчас, бедные, рядом со своим кораблем и удивляются, почему это люди не хотят обращать на них внимание. Вот-вот обидятся и улетят... Я хотел было уже спуститься вниз и отправиться на то самое поле, как увидел цепочку людей, выходящих из леса. Это были жители соседних дач. Они держались за руки, будто играли в детскую игру «каравай, каравай, кого хочешь выбирай».

Я понял, что соседи предугадали мои мысли и ищут на ощупь невидимых гостей.

И в этот момент внезапно заговорили все радиостанции мира.

Они передавали запись сообщения, пойманного радиолюбителем из Северной Австралии. В сообщении повторялись координаты и затем следовали слова: «Находимся в лесу... Выслали первую группу на поиски людей. Продолжаем принимать ваши передачи. Удивлены отсутствием контактов...» На этом связь оборвалась.

Версия о невидимости немедленно приобрела еще несколько миллионов сторонников.

С террасы мне было видно, как цепочка дачников остановилась и затем снова повернула к лесу. И в этот момент на террасу поднялась Алиса с корзинкой земляники в руке.

— Зачем они все бегают? — спросила она, не поздоровавшись.

— Кто «они»? Надо говорить «здравствуй», если не видела с утра своего единственного отца.

— С вечера. Я спала, когда ты уехал. Зздравствуй, папа. А что случилось?

— Лабуцильцы потерялись, — ответил я.

— Я их не знаю.

— Их никто еще не знает.

— А как же они тогда потерялись?

— Летели на Землю. Прилетели и потерялись.

Я чувствовал, что говорю ерунду. Но ведь это была чистая правда.

Алиса взглянула на меня с подозрением:

— А разве так бывает?

— Нет, не бывает. Обычно не бывает.

— А они космодрома не нашли?

— Наверно.

— И где они потерялись?

— Где-то под Москвой. Может быть, и неподалеку отсюда.

— И их ищут на вертолетах и пешком?

— Да.

— А почему они не придут сами?

— Наверно, они ждут, пока к ним придут люди. Ведь они первый раз на Земле. Вот и не отходят от корабля.

Алиса помолчала, будто удовлетворенная моим ответом. Прошлась раза два, не выпуская из рук корзиночки с земляникой, по террасе. Потом спросила:

— А они в поле или в лесу?

— В лесу.

— А откуда ты знаешь?

— Они сами сказали. По радио.

— Вот хорошо.

— Что хорошо?

— Что они не в поле.

— Почему?

— Я испугалась, что я их видела.

— Как так?!

— Да никак, я пошутила...

Я вскочил со стула. Вообще-то Алиса большая выдумщица...

— Я не ходила в лес, папа. Честное слово, не ходила. Я была на полянке. Значит, я не их видела.

— Алиса, выкладывай все, что знаешь. И ничего от себя не добавляй. Ты видела в лесу странных... людей?

— Честное слово, я не была в лесу.

— Ну хорошо, на поляне.

Она поднесла мне корзиночку к самым глазам...

— Я ничего плохого не сделала. И они вовсе не странные.

— Да отвешь ты по-человечески: где и кого ты видела? Не мучай меня и все человечество в моем лице!

— А ты человечество?..

— Послушай, Алиса...

— Ну ладно. Они здесь. Они пришли со мной.

Я невольно оглянулся. Терраса была пуста. И если не считать ворчливого шмеля, никого, кроме нас с Алисой, на ней не было.

— Да нет, ты не там смотришь, — Алиса вздохнула, подошла ко мне поближе и сказала: — Я их хотела оставить себе. Я же не знала, что человечество их ищет.

И она протянула корзинку с земляникой. Она поднесла мне корзиночку к самым глазам, и я, сам себе не веря, ясно разглядел две фигурки в скафандрах. Они были измазаны земляничным соком и сидели, оседлав вдвоем одну ягоду.

— Я им не делала больно, — сказала Алиса виноватым голосом. — Я думала, что они гномики из сказки.

Но я уже не слушал ее. Нежно прижимая корзиночку к сердцу, я мчался к видеофону и думал, что трава для них должна была показаться высоким лесом.

Так состоялась первая встреча с лабуцильцами.

СВОЙ ЧЕЛОВЕК В ПРОШЛОМ

Испытание машины времени проводилось в Малом зале Дома ученых. Я зашел за Алисой в детский сад, а там обнаружил, что, если поведу ее домой, опоздаю на испытание. Поэтому я взял с Алисы клятву, что она будет себя вести достойно, и мы пошли в Дом ученых.

Представитель Института времени, очень большой и очень лысый человек, стоял перед машиной времени и объяснял научной общественности ее устройство. Научная общественность внимательно слушала его.

— Первый опыт, как вы все знаете, был неудачен, — говорил он. — Посланный нами котенок попал в начало двадцатого века и взорвался в районе реки Тунгуски, что положило начало легенде о Тунгусском метеорите. С тех пор мы не знали крупных неудач. Правда, в силу определенных закономерностей, с которыми желающие могут познакомиться в брошюре нашего института, пока мы можем посыпать людей и предметы только в семидесятые года двадцатого века. Надо сказать, что некоторые из наших сотрудников побывали там, разумеется, совершенно тайно, и благополучно возвратились обратно. Сама процедура перемещения во времени сравнительно несложна, хотя за ней скрывается многолетний труд сотен людей. Достаточно надеть на себя хронокинний пояс... Я хотел бы, чтобы ко мне поднялся доброволец из зала, и я покажу на нем порядок подготовки путешественника во времени...

Наступило неловкое молчание. Никто не решался первым выйти на сцену. И тут, разумеется, на сцене появилась Алиса, которая только пять минут назад поклялась вести себя достойно.

— Алиса, — крикнул я, — немедленно вернись!

— Не беспокойтесь, — сказал представитель института, — с ребенком ничего не случится.

— Со мной ничего не случится, папа! — весело сказала Алиса.

В зале засмеялись и начали оборачиваться, ища глазами строгого отца.

Я сделал вид, что совершенно ни при чем.

Представитель института надел на Алису пояс, прикрепил к вискам что-то вроде наушников.

— Вот и все, — сказал он. — Теперь человек готов к путешествию во времени. Стоит ему войти в кабину, как он окажется в тысяча девятьсот семьдесят пятом году.

«Что он говорит! — мелькнула у меня в мозгу паническая мысль. — Ведь Алиса немедленно воспользуется этой возможностью!»

Но было поздно.

— Куда ты, девочка? Остановись! — крикнул представитель института.

Алиса уже вошла в кабину и на глазах у всего зала испарилась. Зал хором ахнул.

Побледневший представитель института размахивал руками, пытаясь унять шум. И, видя, что я бегу к нему по проходу, заговорил, склонившись к самому микрофону, чтобы было слышнее:

— С ребенком ничего не случится. Через три минуты он окажется снова в этом зале. Я даю слово, что аппаратура совершенно надежна и испытана! Не волнуйтесь!

Ему хорошо было рассуждать. А я стоял на сцене и думал о судьбе котенка, превратившегося в Тунгусский метеорит. Я и верил и не верил лектору. Сами посудите — знать, что ваш ребенок находится сейчас в отдаленном прошлом...А если она там убежит от машины? Или заблудится?

— А нельзя ли мне последовать за ней? — спросил я.

— Нет. Через минуту... Да вы не беспокойтесь, там ее встретит наш человек.

— Так там ваш сотрудник?

— Да нет, не сотрудник. Просто мы нашли человека, который отлично понял наши проблемы, и вторая кабина стоит у него на квартире. Он живет там, в двадцатом веке, но в силу своей специальности иногда бывает в будущем.

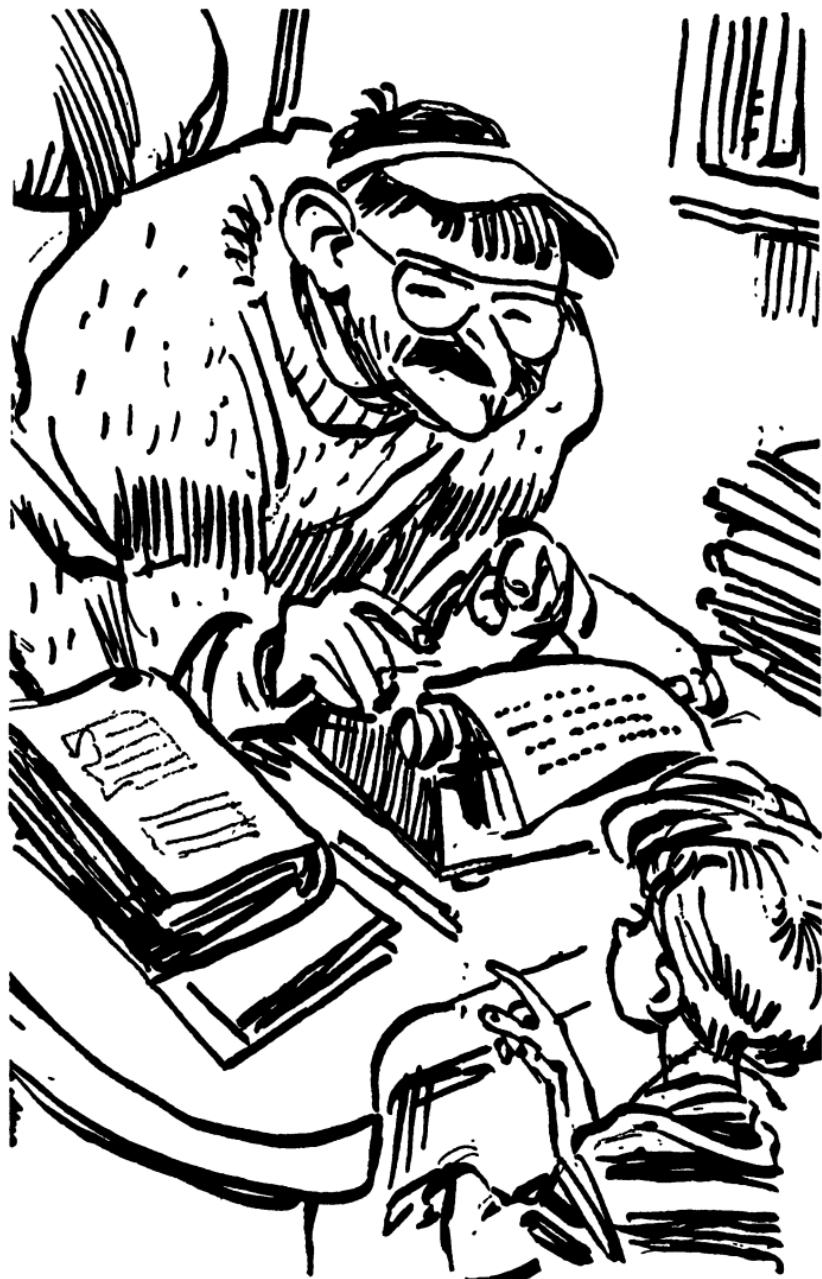
В этот момент в кабине показалась Алиса. Она вышла на сцену с видом человека, который отлично выполнил свой долг. Под мышкой она держала толстую старинную книгу.

— Вот видите, — сказал представитель института.

Зал дружно зааплодировал.

— Девочка, расскажи, что ты видела? — сказал лектор, не давая мне даже подойти к Алисе.

— Там очень интересно, — ответила она. — Бах! — и я в другой комнате. Там сидит за столом дядя и пишет что-то. Он меня спросил: «Ты, девочка, из двадцать первого века?» Я говорю, что наверно, только я наш век не считала, потому что еще плохо считаю, я хожу в детский сад, в среднюю группу. Дядя сказал, что очень приятно и что мне придется вернуться обратно. «Хочешь посмотреть, какая была Москва, когда твоего дедушки еще не было?» Я говорю, что хочу. И он мне показал. Очень удивительный и невысокий город. Потом я спросила, как его зовут, а он сказал, что Аркадий, и он писатель, и пишет фантастические книжки о будущем. Он, оказывается, не все придумывает, потому что к нему иногда приходят люди из нашего времени и рассказывают о нашей жизни. Только он не может об этом рассказать никому, потому что это страшный секрет. Он мне подарил свою книжку... А потом я вернулась.

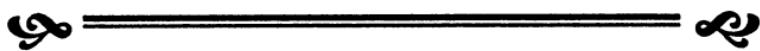
Потом я спросила, как его зовут, а он сказал, что Аркадий, и он писатель...

Зал встретил рассказ Алисы бурными аплодисментами.

А потом с места поднялся почтенный академик и сказал:

— Девочка, вы держите в руках уникальную книгу — первое издание фантастического романа «Пятна на Марсе». Не могли бы вы подарить мне эту книгу? Вы все равно еще не умеете читать.

— Нет, — сказала Алиса. — Я скоро научусь и сама прочту...

РАССКАЗЫ

НАСТОЯЩЕЕ КИНО

Наш дед — стихийное бедствие. Но не сам по себе, а только вместе с кинокамерой. Мне кажется, что он даже ночью во сне не выпускает ее из рук — а вдруг понадобится снимать Алисочку? Кроме Алисы он ничего не снимает и снимать не хочет. Притом деду не важно, что и как получилось — была бы Алиса в кадре, остальное приложится.

В комнату к деду в последний год входить не хочется — ногу сломаешь! Даже домашний робот старается убираться там как можно реже, чтобы не заблудиться в лабиринте кассетных холмов, утесов, сложенных из штативов и запасных объективов, гор оборудования для подземной, подводной и космической съемок. И на все протесты родственников дед с терпеливой улыбкой отвечает: «Вот подрастет Алисочка, и ей будет интересно. Я же для нее снимаю эту летопись».

Но пока что смотреть фильмы приходится ни в чем не повинным жильцам нашего дома — куда же денешься, если свет потушен и дед шипит на нас: «Не шумите! Не ходите! Смотрите, смотрите!»

Алиса смотрит все фильмы, но утверждает, что они

получаются куда менее интересными, чем было на самом деле.

— Как так? — возмущается дед. — Ведь это документальное кино!

— Значит не очень документальное, — возражает Алиса. — А где та баба-яга, которую мы встретили, когда летели над Воробьевыми горами?

— Какая баба-яга? — удивляется дед. — Ты имеешь в виду пожарный флаер?

Алиса пожимает плечами и уходит к себе. Каждый из них остается при своем мнении. Дедушка не верит в бабу-ягу, но верит в пожарные флаеры. А Алиса кричит ему из своей комнаты:

— Вот буду сама снимать кино, и сниму дракона или гнома!

Дед смеялся слыша эти слова, пока не случилось невероятное событие.

В тот день Алиса с дедом вернулись с прогулки позже обычного. Погода была такая хорошая, что они даже слетали в Хиву, чтобы посмотреть на весеннюю пустыню и собрать там тюльпанов. Еще Алиса привезла оттуда рыжий черепок, позеленевшую монету и три бусинки.

После обеда дедушка заявил:

— Попрошу не расходиться. Будем смотреть новый фильм.

— Только не это! — воскликнула мама. — У меня срочная работа.

— Я в следующий раз посмотрю, — сказала бабушка.

— Мне еще посуду надо чистить, — сказал домашний робот.

А я хотел уйти, ничего не сказав.

И вдруг к нашему удивлению Алиса сказала:

— Пожалуйста, останьтесь, посмотрите. Это будет самое настоящее кино!

— Конечно, — согласился дедушка. — Как всегда.

— Совсем не как всегда, — сказала Алиса, и в голосе ее прозвучало что-то такое, что заставило нас всех вернуться в комнату и усесться перед экраном.

— Мы въезжаем в пустыню! — объявил дед.

На экране был виден нос вездехода. Потом из машины вылезла Алиса и отправилась к каким-то пыльным развалинам. Послышался голос деда: «Алиса, смотри под ноги. Весной скорпионы очень опасны».

Алиса, будто не слыша, продолжала идти к развалинам. И тут у нас на глазах развалины начали странным образом изменяться. Будто кто-то невидимый принялся достраивать и починять башни, заново возводить минареты и купола мечетей. На склоне холма ниже крепости выросли деревья с зелеными листьями и золотыми плодами, и откуда-то издалека донеслась нежная восточная музыка...

— Это еще что такое? — рассердился дед. — Я этого не видел.

— Это настоящее кино, — ответила Алиса. Мне показалось, что она улыбается.

— Ой! — воскликнула бабушка. — Это что такое? Алиса!

Из-за крайней башни, невидимый Алисе, выполз громадный черный скорпион, ростом со слона. Он лениво покачивал хвостом, на конце которого был ядовитый коготь, и его глаза размером с блюдце каждый зловеще сверкали.

— Прекрати! — закричала бабушка. — Не смей угрожать ребенку!

— Сейчас, — отвечал дед, — одну минутку...

Он хотел выключить проектор, но руки тряслись, и он не попадал пальцем на кнопку.

— Не мешайте смотреть, — сказала мама. — Алисе ничего не угрожает.

— Что ты говоришь! — возмутилась бабушка, показывая на приближающегося к Алисе скорпиона. — Разве ты не видишь?

— Я вижу, что Алиса сейчас сидит в этой комнате, — сказала мама.

Я услышал тихий смех Алисы.

На экране Алиса наклонилась и вдруг вытянула из песка сверкающий меч, страшно тяжелый и длинный. Но это ее не смутило. Привычно, словно всю жизнь сражалась с драконами и скорпионами, она замахнулась мечом и смело шагнула навстречу чудовищу. Чудовище раскрыло черные клешни...

— Алиса! — не выдержала бабушка.

Но Алиса уже ударила по скорпиону и отрубила правую клешню...

Тут дед все же отыскал кнопку и выключил проектор. Зажегся свет.

Дед был смертельно бледен.

— Алиса, — спросил он, — что это было?

— Не знаю, — сказала Алиса. — Ведь это ты снимал.

— Я этого не видел! К тому же я никогда бы не позволил тебе драться со скорпионами. Они же ядовитые.

— Погодите, — сказала мама, — может посмотрим, что там еще не пленке?

— Конечно, — сказала Алиса. — Наверно, там будет самое интересное.

— Я ухожу! — сказала бабушка. — Я не могу больше смотреть, как издеваются над ребенком.

Но она никуда не ушла, а дед послушался нас и включил проектор.

Мы увидели, что, размахивая единственной клешней, скорпион бежит прочь по барханам, а в крепости раскрывается позолоченная дверь. Оттуда выходит маленький принц в короне и голубом камзоле. Он идет к Алисе, протягивая руки.

— Спасибо тебе, отважная девушка! — кричит он. — Ты спасла наше царство от власти скорпиона. Из-за него мы мучаемся без воды.

Из дверей крепости между тем выходили люди, молодые и старые, они подходили к Алисе, кланялись ей и благодарили ее.

А принц поцеловал Алису в щеку.

— Еще чего не хватало! — ахнула бабушка. — Это же совершенно незнакомый мальчик! Лучше бы он сам защищал свою крепость, чем ждать, пока приедет из Москвы наша Алиса.

— Этого не было! — возмутился дед. — Неужели ты думаешь, что я позволил бы любому мальчишке целовать нашу Алисочку?

— О наша спасительница! — воскликнул между тем принц. — Мы изнемогаем от жажды. Ты не знаешь, где добыть воды? Наши колодцы пересохли.

Алиса поглядела вокруг, подошла к отвесной скале и вдруг резко ударила концом меча по камню в основании скалы. И оттуда начал бить фонтан чистой голубой воды.

— Ура! — закричал домашний робот.

— Ура! — закричали обитатели пустынного города.

И тут фильм закончился.

Но дед и не думал бежать

Дед зажег свет.

Все смотрели на Алису.

— Что все это значит? — спросил я.

— Но ведь снимала не я! — ответила Алиса.

— Там была обыкновенная пустыня, — вмешался дед. — Ни крепостей, ни скорпионов.

— Но ведь так лучше! — сказала Алиса. — Правда, мама?

— Так интереснее, — согласилась мама.

— Это самое настоящее кино.

— Художественный фильм, — сказала мама.

— Нет, документальный, — возразила Алиса. — Там документально снято то, что я хотела бы увидеть.

— А теперь, — попросил я, — расскажи, как это было сделано?

— Честно?

— Честно!

— Ты помнишь марсианина Буса, который жил у нас в прошлом году?

— Помню, — сказал я. — Он недавно прислал мне свою новую статью о марсианских насекомых.

— Пока мы с ним дружили, он все сердился на дедушку за то, что тот снимает без фантазии. Ведь жить без выдумки неинтересно. И я с ним согласилась.

— А дальше?

— А дальше он прислал мне кассеты и к ним записку. Можно я наизусть ее прочту?

— Мы внимательно слушаем, — сказал дед строго. Но Алиса его никогда не боялась.

«Дорогая Алиса. — Алиса читала записку, закрыв глаза: так ей лучше было вспоминать. — Посылаю те-

бе пленку для улучшения дедушкиных фильмов. На этой пленке появляется не то, что окружает тебя в обыкновенном мире, а твои фантазии.

Твой друг Бус.»

— Негодяй! — воскликнул дед. — А я с ним в шахматы играл, как с порядочным человеком!

— Он не сделал ничего непорядочного, — сказала Алиса. — Он только улучшил твое кино.

— Улучшил? Он нарушил правду жизни! Он оболгал мою внучку! На самом деле она замечательная послушная тихая девочка и никогда не позволит себе махать ржавым ножиком!

— И целоваться с незнакомыми мальчиками! — добавила бабушка.

— Дедушка, — тихо произнесла Алиса. — Неужели ты сам никогда не фантазировал, не воображал, что ты — смелый рыцарь или путешественник?

— Как ты только могла так подумать!

— Я не только подумала, — ответила Алиса. — Я даже посмотрела. Ты помнишь, как перед возвращением ты дал мне подержать камеру, пока напьешься из термоса холодного лимонада?

— Помню. Ты даже начала меня снимать, а я тебе велел не тратить на меня пленку, — согласился дед.

— Тогда смотри, — сказала Алиса и быстро поменяла в проекторе кассету.

Экран загорелся. Там стоял дед и с наслаждением пил лимонад из пластикового стаканчика. Потом он поднял голову и посмотрел в небо. Кучевые облака медленно плыли над пустыней. Одно из облаков было похоже на женщину, другое — на какое-то чудовище. Облака медленно снижались, как бы сжимаясь и все

больше превращаясь в живых существ. И вот они уже рядом с дедом! Молодая красивая женщина в светлом сарафане оборачивается и с ужасом смотрит на громадного белого медведя, который приближается к ней. Тогда дед отбрасывает в сторону стаканчик, отталкивает молодую женщину и встречает обозленного медведя ударом кулака в нос. Медведь возмущенно ревет и в ответ бьет дедушку лапой в грудь. Бабушка закричала:

— Беги, Алексей!

Но дед и не думал бежать. Он обрушил на медведя серию ударов, потом взлетел в воздух, как заправский каратист, и ударил медведя пятками в живот. Медведь сел на песок и обиженно заревел. Потом попятился и растворился в воздухе. Дедушка обернулся к молодой женщине — та кинулась к нему, обняла и прижалась головой к его груди.

— Вот этого я не позволю! — грозно произнесла бабушка. Она поднялась со стула и сделала шаг к дедушке. Но Алиса закричала:

— Бабушка, неужели ты ее не узнала?

Экран уже погас.

— Бабушка, это же ты! Я твою фотографию видела, когда тебе было двадцать лет, — сказала Алиса.

Все засмеялись, а дедушка сказал:

— Теперь я тоже ее узнал.

Алиса спросила деда:

— Теперь ты веришь, что можно снять на пленку фантазии?

— Можно, — согласился дед, глядя в пол. — Только не надо.

— Ах! — воскликнула бабушка. — У меня же пирожки подгорели!

И она побежала на кухню.

ЭТО ТЫ, АЛИСА?

Корабль «Пегас» летел в соседнюю Галактику. Он только вышел из суперпрыжка, как Алиса Селезнева увидела на экране корабль, который летел навстречу.

— Папа! — воскликнула Алиса. — Я этот корабль где-то видела.

— Странно, — ответил профессор Селезнев. — Здесь еще не бывал ни один земной корабль.

— Не нравится мне это, — заметил капитан Полосков. — Это хорошо не кончится.

Уже через несколько минут стало ясно, что Алиса была права. Всем им уже приходилось видеть этот корабль: на его борту была надпись «Пегас».

Скоро корабли так сблизились, что включилась видеосвязь. И на экране, перед которым стоял капитан Полосков, появилось лицо другого Полоскова. Первый Полосков так удивился, что сначала себя даже не узнал.

— Вы откуда летите? — спросил он своего двойника.

— С Земли, — ответил тот. — А вы?

И тут капитаны оба замолчали и уставились друг на друга.

Все засмеялись и стали прощаться

— Наверное, это оптический эффект, — сказал профессор Селезnev.

— И мы видим самих себя, — продолжал его двойник с экрана. — Но почему мы тогда говорим не одновременно?

— Папа! — воскликнула Алиса. — А может, у тебя был близнец?

— А ты тогда моя близняшка, — сказала с экрана вторая Алиса.

— Приготовиться к стыковке, — сказал первый капитан Полосков.

— Подготовиться к стыковке, — отозвался эхом второй капитан.

Алиса первой подбежала к переходному люку. За ней шел Полосков, который держал в руке пистолет.

— Зачем ты так? — удивилась Алиса.

— Не исключено, что там оборотни, — ответил капитан, — космические пираты. А у меня на борту ребенок.

В этот момент люк открылся. С той стороны люка стояла вторая Алиса, а за ее спиной второй Полосков с пистолетом.

Тут первый профессор Селезnev отобрал пистолет у первого Полоскова, а второй — у второго. Они подошли друг к другу и поздоровались.

— Папа, — хором воскликнули обе Алисы. — Скажи, что это значит?

— Вернее всего, — ответил профессор, — в этом виновато искривление пространства. В этой точке соприкоснулись два параллельных мира. В них все одинаково... или почти все.

Алиса уже все поняла и сказала своей двойняшке:

— Пошли ко мне.

— Нет, — сказала та, — пошли ко мне.

— У них даже характеры одинаковые, — засмеялись Селезневы.

Когда Алиса попала в каюту другой Алисы, она больше всего удивилась тому, что на таком же, как у нее, столике там были разложены такие же подарки для ребят из ее класса. Она подняла голубую раковину и спросила:

— Это ты для кого везешь?

— Разумеется, для Пашки Гераскина, — ответила вторая Алиса.

И девочки рассмеялись.

— Интересно, — спросила потом вторая Алиса, — у нас все точно совпадает или есть разница? Давай проверим.

И они начали исследовать оба корабля, чтобы найти разницу. В это время профессора Селезневы обсуждали проблемы изогнутости пространства, а капитаны Полосковы жаловались друг другу на непослушных Алис.

За час, пока корабли летели вместе, девочки облизали оба корабля.

И тут зазвучал сигнал компьютера. Кораблям пора было расставаться, иначе они затеряются в пространстве и никогда не вернутся домой.

— Прошу всех собраться у переходной камеры, — раздался голос профессора Селезнева.

Через минуту оба экипажа стояли там.

— Я нашла, — воскликнула Алиса, — у нас в камбузе зеленая кастрюля, а у вас синяя!

— И я нашла! — откликнулась вторая Алиса. — У нашего Полоскова усы длиннее.

— Давайте прощаться, — сказал Селезнев. — Оста-

лось две минуты. В будущем мы наладим постоянную связь между нашими мирами. Надеюсь, никто не перепутал корабль?

Все засмеялись и стали прощаться. Было немного грустно — встретились с самими собой, а надо расставаться.

Потом люк закрылся, и Алиса вслед за старшими перешла на капитанский мостик. Они видели на экранах лица новых друзей. Потом связь прервалась, и второй «Пегас» превратился в зеленую звездочку на дисплее.

Алиса ушла к себе в каюту, чтобы записать в дневник события этого невероятного дня.

«С нами случилось удивительное приключение», — написала она и остановилась. Что-то неладно.

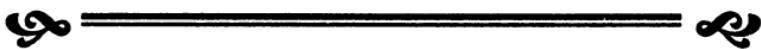
И тут она поняла: вся страница до последней фразы была написана черной пастой, а последняя фраза — синей.

Какой ужас! — подумала Алиса. Значит теперь она — не она, и ее папа — чужой. Она не заметила в беготне, что осталась на чужом корабле. Надо немедленно сказать... Но какое это будет горе для отца! И для капитана Полоскова! И для мамы! Нет, придется хранить тайну всю жизнь.

Тут открылась дверь, и в каюту вошел отец.

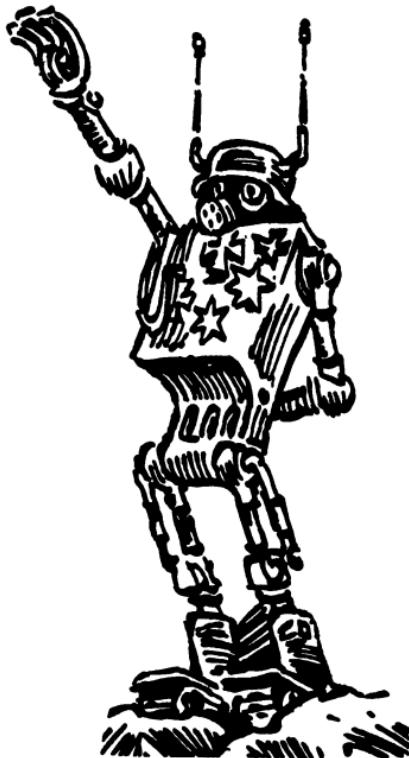
— Алиса, — сказал он, — ты не взяла случайно мою синюю ручку? А то я гляжу — у меня ручка с черной пастой. Наверное, твоя.

— Ой, моя! Как ты меня обрадовал. Значит, я — твоя дочь!

РЖАВЫЙ ФЕЛЬДМАРШАЛ

Фантастическая повесть

Новости будущего века

Утром будильник становится на цыпочки, выглядывает в окно. Хоть он и помнит, какую обещали погоду, но проверить никогда не мешает. Если не учтешь погоду, можно ошибиться с пробуждением ребенка.

Будильник видит: за окном дует ветер, сгибаются березки, быстрые серые облака бегут по небу. Но дождя нет и не предвидится. Тогда будильник подключается к домашнему компьютеру и запрашивает следующие данные: какие уроки сегодня у Алисы в школе, причем очень важно узнать — какие из них Алиса любит, а какие только терпит? Что сегодня домработник приготовил на завтрак? Не поссорилась ли вчера Алиса с кем-нибудь из друзей?

Это все не пустые вопросы. Будильник должен знать: каким звуком ему сегодня будить свою хозяйку?

Наконец информация собрана. Оказывается, к пасмурной погоде Алиса относится терпимо, уроков на сегодня не задали, потому что скоро начинаются летние каникулы, домработник приготовил геркулесовую кашу, которую Алиса не выносит, но с вишневым

вареньем, которое Алиса обожает. Вчера Алиса ни с кем не ссорилась, если не считать чисто научного спора с Аркашой Сапожковым и беспокойства за Пашку Гераскина, который сразу после последнего урока умчался в Эквадор, потому что выменял в соседнем классе тайную карту клада, зарытого в 1560 году конкистадором Хуаном Монтанья, а вернулся домой, весь исцарапанный, искусанный москитами, только в одиннадцать часов вечера. И, разумеется, без клада.

Обдумав и взвесив всю информацию, будильник повернулся к Алисе и исполнил на кларнете старинный авиационный марш «Все выше, и выше, и выше, стремим мы полет наших птиц!», так как именно эта мелодия, и именно на кларнете, лучше всего подходила для того, чтобы разбудить Алису.

От звука марша Алиса открыла глаза, потянулась и подумала: «Почему же это у меня такое хорошее настроение?» Будильник почувствовал ее настроение и внутренне улыбнулся, потому что внешне улыбаться не умел.

Алиса вскочила, распахнула окно, сделала гимнастику и побежала в ванную. Будильник, довольный собой, заснул до следующего утра.

Марсианский богомол, который чуть ли не с незапамятных времен живет у Алисы под кроватью, услышал, что она поднялась, захрустел суставами и зашагал на кухню, где его уже ждала миска с сушеным горохом. Домработник захлопнул кляссер с марками, до которых был большой охотник, и включил плиту.

Так что когда Алиса, умывшись и одевшись, вернулась к себе в комнату, завтрак стоял на столе.

Первым делом Алиса покормила синиц, что прыгали

по подоконнику, потом подошла к телевизору и попросила рассказать новости.

Телевизор в конце будущего века — не совсем то же самое, что телевизор конца двадцатого века.

Внешне он представляет собой плоский экран, прикрепленный к стене. Если приказать экрану включиться, он начнет двигаться по стене таким образом, чтобы замереть точно перед глазами зрителя.

Потом телевизор начнет показывать, что ему велят. Если ты хочешь услышать новости, начнутся новости, а если у тебя настроение послушать новую модную песню «Моя бабушка летала на Венеру», то телевизор покажет тебе концерт популярных песен. В двадцать первом веке не человек — раб телевизора, который что хочет, то и показывает, а телевизор слуга человека, который показывает то, что ты желаешь видеть.

Алиса хотела узнать, что нового случилось в мире, пока она спала.

Экран сдвинулся ближе к столу, и в стене обнаружилось углубление — будто перед Алисиними глазами была дверь в другую комнату. Оттуда вышла дикторша Нина, села за стол напротив Алисы и сказала ей: «Доброе утро». Стена за ее спиной стала большим окном. Иногда, чтобы не мешать Алисе смотреть на экран, дикторша исчезала.

— Приближается лето, — начала дикторша. — На деревьях в Москве набухли почки, в лесах появились первые подснежники. Снег остался только в старых еловых лесах, а на полянах и в березняках он уже сошел.

Алиса смотрела на деревья, гнувшиеся под ветром, и думала: «И зачем человеку идти в школу, когда можно

вместо этого отправиться в лес за подснежниками? Эх, если бы не эта контрольная по географии, села бы во флаер и полетела в лес!»

— Ешь, Алиса, — сказал домработник, который стоял за спиной. — Многие великие люди ели геркулес.

— Напомни, кто, — попросила Алиса.

Услышав, что Алиса разговаривает с роботом, дикторша Нина замолчала и ждала, пока Алиса не кончит разговор.

— Кто? — Робот немного подумал и заявил: — Александр Македонский — наверняка. Илья Муромец — ничего другого не ел.

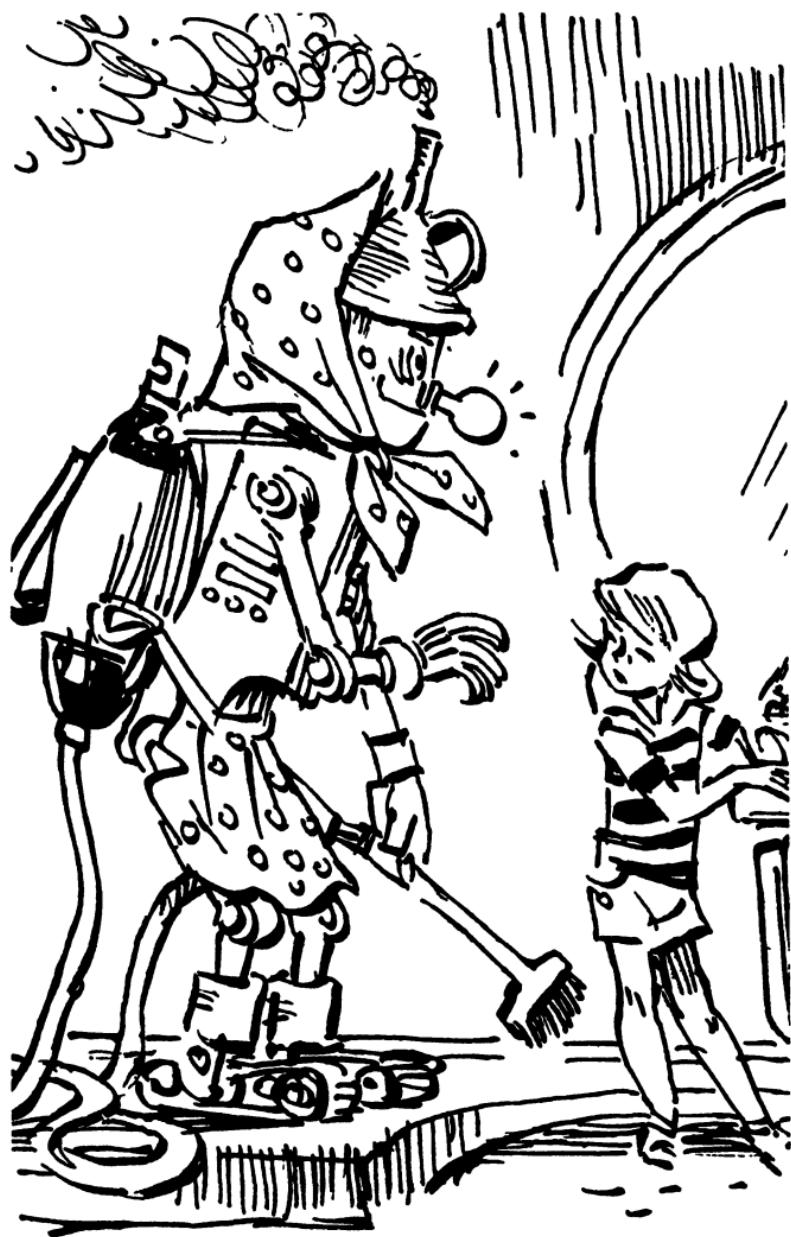
— А Юлий Цезарь? — спросила Алиса. — По-моему, он не выносил геркулеса.

— Проверю, — осторожно ответил робот. — К обеду нужная информация будет в твоем распоряжении.

— Продолжай, Нина, — попросила Алиса.

— Новый рекорд установили вчера строители, — сказала Нина. За ее спиной появилось изображение громадного дома. — Вчера они вырастили двадцатиэтажный дом на триста квартир за два часа тридцать одну минуту. Этот рекорд официально зарегистрирован в Книге рекордов Гинесса. При известии об этом рекорде... — Нина обернулась к стене, на ней возникло изображение веселого черноглазого скуластого человека в оранжевой строительной каске. — При известии об этом рекорде пекинский строитель Вей Цзиньсин решил сегодня же построить дом за полтора часа. В этом доме будет на двенадцать квартир больше. К вечеру будем ждать вестей из Пекина.

— Это несолидно, — сказал домработник. — Дом надо строить не спеша, может быть, два или три дня. Что за спешка! Им некогда подумать о красоте.

— Ешь, Алиса, — сказал домработник, который стоял за спиной...

— А по-моему, красивый дом, — сказала Алиса.

В конце двадцать первого века дома будут строить совсем иначе, чем в двадцатом. Из пластиковых прутьев строители будут возводить «скелет» первого этажа. Потом посыпят основание будущей стены сухими спорами специальных быстрорастущих кораллов. Стоит после этого полить коралловые споры водой, как коралл начнет быстро расти, обволакивая прутья. Через несколько минут первый этаж готов. Туда могут идти отделочники. А строители уже вяжут из пластика следующий этаж...

— Вчера археологи завершили раскопки хранилища боевых роботов под развалинами замка Сан Бонифацио, — сказала дикторша. — Роботы отправлены на переплавку.

— Боевой робот — это немыслимо! — воскликнул домработник. — Это все равно что стройный горбун или круглый кубик.

— С планеты Струкка в системе 45-Б только что вернулась экспедиция Сергеева-Шумского, — говорила между тем Нина. — Пролетая сквозь зеркальное облако в трех парсеках от Земли, корабль экспедиции подвергся действию неизвестных еще лучей, в результате чего все члены экипажа раздвоились. И на землю вернулось вдвое больше космонавтов, чем отправилось в путь. К сожалению, это привело к неприятностям.

Дикторша вздохнула. На экране появилось изображение космического корабля, из которого парами близнецов выходили смущенные космонавты.

Видно было, как по полю к ним бегут родственники: жены, дети, родители... И останавливаются в смущении.

И на землю вернулось вдвое больше космонавтов,
чем отправилось в путь...

— Раздвоившиеся космонавты, — продолжала дикторша, — не знают, кто из них настоящий, а кто — дубль. Мы надеемся, что их женам и матерям удастся решить эту проблему. В ином случае, как заявил нашему корреспонденту начальник космических перевозок, придется отправлять родственников в полет к зеркальному облаку, чтобы они тоже раздвоились.

— Чепуха, — сказал домработник. — Зачем терзаться? У тебя был один сын — стало два сына. Один папа — стало два папы. Один будет летать в космос, а второй останется дома и займется хозяйством.

— Нет, — возразила Алиса. — Ничего не получится. Мама еще переживет, дети еще переживут. А вот с женами плохо.

— Почему?

— А потому, что один из космонавтов захочет поцеловать свою жену, а второй скажет: «Какое ты имеешь право целовать мою жену?»

— Я порой не понимаю людей, — вздохнул робот.

— Как нам сообщили из порта Дарвин в Австралии, — продолжала дикторша, — сегодня дельфин спас девочку, которая пошла купаться в районе большого рифа и чуть не утонула. Дельфин принес ее на спине. Когда взволнованные родители девочки стали благодарить дельфина, он ответил им по-английски: «Не стоит благодарности». Это первый в истории достоверный случай, когда дельфин говорит по-английски.

— Типичная телевизионная утка, — сказала Алиса, — к сожалению, дельфины не говорят. Хотя Берта думает иначе.

Улыбающаяся морда дельфина заняла весь экран. Дельфин молчал.

— Простите, — сказала Нина. — Срочное сообщение.

Перед ней загорелся экранчик. Нина прочла сообщение:

— Из кишиневского зоопарка сбежал дракон, привезенный три года назад экспедицией на корабле «Пегас» под руководством профессора Селезнева.

— Ой! — ахнула Алиса. — Кузя сбежал!

— Вопрос в том, куда сбежал, — сказал робот. — Если он сбежал к нам, то скажите, чем я буду его кормить? Совершенно не представляю, что жрут эти драконы. Может быть...

Робот посмотрел на марсианского богомола, и от его холодного взгляда перепуганный богомол спрятался под стол. Богомол тоже не знал, чем питаются драконы, но не исключал, что марсианскими богомолами.

— Передаем описание сбежавшего дракона, — продолжала Нина. — Длина — сорок пять метров. Цвет красный, переходящий в зеленый. Отзывается на кличку Кузя.

На экране возникло изображение дракона. Дракон казался очень страшным.

— Знающих о его местопребывании, — сказала Нина, — просят сообщить в общество охраны животных или в пожарную команду.

— Почему в пожарную? — спросил робот.

— Потому что он огнедышащий, — ответила Алиса, отодвигая тарелку с геркулесом и наливая себе чаю.

— Посмотрите теперь сюжет, — сказала Нина, — о соревнованиях рыболовов на реке Сырдарья.

На экране показалась полноводная широкая река, по берегам которой росли финиковые пальмы. Под

пальмами сидели рыбаки. Вот они засуетились, начали перекликаться, сбежались к толстому мальчику, который тянул что-то очень большое и тяжелое. Общими усилиями рыбаки вытащили на берег двухметрового осетра.

— Ничего особенного, — сказал робот.

— Ты не знаешь, — возразила Алиса. — Сто лет назад этой реки почти не было — ее всю разобрали на орошение. А теперь есть река и есть рыба. Разве плохо?

Тем временем дикторша продолжала рассказывать новости.

— В городе Вавилоне, — сказала она, — закончена реставрация Вавилонской башни. Несколько лет реставраторы из сорока стран по кирпичику сооружали это древнее здание. Несмотря на то, что они говорили на разных языках, им удалось найти общий язык — язык науки и искусства.

Работу Вавилонская башня не понравилась. Он вообще был против увлечения людей древними постройками. Он был убежден, что хорошие вещи — это новые вещи. А старые никому не нужны. Но эта точка зрения характерна только для роботов.

Когда в Москве восстановили Сухаревскую башню, храм Христа Спасителя и стену Китай-города, он написал возмущенное письмо в газету и подписался «Доброжелатель», но газета письмо не напечатала, потому что нельзя печатать анонимки.

— Разгорелась жаркая дискуссия, — продолжала дикторша, — в среде биологов. Как известно, на ферме в Караваеве выведено стадо коров, которые дают сливки вместо молока. Тамошний зоотехник Ремеслин решил сделать шаг вперед — его любимая корова

Зорька дает в день три килограмма сметаны. Многие ученые осуждают действия Ремеслина, потому что Зорька питается теперь только кислой капустой и солеными огурцами. Вот что сказал нашему корреспонденту профессор Редькин...

На экране появился худенький, лохматый профессор, который взмахнул руками и закричал:

— Ремеслин, остановись! Кислую капусту надо есть как она есть! Соленые огурцы нужны человеку, а не корове! Что будет, если ты завтра изобретешь корову, которая вместо молока дает кефир? Ты оставишь народ без клюквы? Ты авантюрист, Ремеслин!

Профессор исчез с экрана, а дикторша сказала:

— Теперь о спорте.

На экране появился шахматный столик, за ним сидели два пожилых человека.

— Сегодня началась три тысячи восемьсот двадцатая партия в борьбе за шахматную корону между Анатолием Карповым и Гарри Каспаровым. В партии разыграна защита Грюнфельда. До сорокового хода партия повторила позицию, уже встречавшуюся в четырнадцати предыдущих партиях. На сорок первом ходу партия отложена. Мы пользуемся случаем поздравить ветеранов шахмат со столетием начала их эпохального сражения.

— Ты за кого болеешь? — спросил домработник.

— Я, как и мой дедушка, — за Каспарова.

— А теперь о погоде, — сказала дикторша. — В Москве облачно, дует ветер. Эта погода заказана сельскохозяйственным управлением, которое считает, что посевы получили уже достаточно солнечного света и тепла. После обеда облака уйдут на Украину, где нужны дожди. Бюро прогнозов приносит извинения

жителям села Хивино, на которое сегодня ночью выпал снег. Это произошло из-за того, что компьютер перепутал Хибины, где требовался снег для проведения лыжных соревнований, с Хивиным, где снег не требуется, потому что там уже посадили рассаду клубники.

— Эти компьютеры совершенно распустились, — проворчал домработник. — Делают, что хотят.

Алиса поднялась из-за стола. Начинался первый день каникул, и предстоял сложный день.

БЕРТА И ДЕЛЬФИНЫ

Алиса прошла к отцу в кабинет.

На письменном столе лежал миелофон. Он был похож на небольшой фотоаппарат, в кожаном футляре, с ремешком.

Рядом с ним была записка, которую Алисаин папа, профессор Селезнев, директор космического зоопарка, оставил, словно догадался, что Алиса обязательно туда заглянет:

«Алиска, не уноси миелофон из дома! Это уникальный прибор! Отец.»

Алиса вздохнула. Плохо не слушаться родителей. Но интересы науки важнее.

Дверь медленно отворилась, и в комнату втиснулся марсианский богомол. Богомол был совсем ручным и ласковым. Сначала, когда первых богомолов привезли с Марса, некоторые люди их боялись, но богомолы оказались послушными и полезными в домашнем хозяйстве. Например, они могли колоть орехи своими твердыми челюстями. А кроме того, богомолы любили

жонглировать разными предметами и умели долго стоять на одной ноге.

— Ой, я даже испугалась! — сказала Алиса богомолу. — Разве можно входить без стука?

Богомол сложился, как складная линейка, и ушел под стол. Переживать. Он считал, что Алиса была неправа.

Алиса включила видеофон и позвонила Берте Максимовне. Та сидела в кресле и читала толстую книгу. На Берте был зеленый парик «северная русалка», зеленые чешуйчатые рейтзузы и желтая распашонка.

— Здравствуй, коллега, — сказала Берта Алисе. — Что нового?

— У меня каникулы начались, — сказала Алиса. — Как себя чувствует Руслан?

— Лучше. Вчера прилетал врач из Черноморского центра и сказал, что к вечеру все будет в порядке. Он, наверно, объелся треской. Кстати, девочка моя, ты не говорила со своим отцом?

— Говорила. Но вы же знаете, Берта Максимовна, как он относится к нашей проблеме.

— Значит, они не дадут миелофон?

— Папа сказал, что Черноморский институт дельфиноведения получит аппарат, когда до него дойдет очередь.

Алису так и подмывало сказать, что аппарат у нее в руках. Но она отлично понимала, что Берта — человек ненадежный. Она растрюбит на всю Москву, что заполучила миелофон, и, даже если ничего не получится, будет говорить, что получилось.

— Ну ладно, заходи ко мне, крошка, — сказала Берта. — Наши красавицы тебя с утра ждут не дождут-

ся. Только не сейчас, а через часок, там чистят бассейн.

Алиса терпеть не могла, когда ее называли крошкой, малюткой, чижиком или цыпленком. Такое обращение можно еще понять, если ты дошкольница. Но Берта все равно бы не поняла, если ей сказать про это. Может быть, даже и засмеялась. И стала бы рассказывать общим знакомым: «Знаете, эта Алисочка просто прелесть. Я ее зову крошкой, а она дуется». И так далее.

Алиса взяла синюю сумку, спрятала туда миелофон, чтобы робот не стал задавать лишних вопросов, и пошла к Берте. По дороге она вела себя не лучшим образом. Во-первых, съехала с третьего этажа вниз по перилам; во-вторых, вызвала такси, хотя надо было пройти всего два квартала; в-третьих, пока ждала машину, съела две порции мороженого в автомате у подъезда.

Машина выскочила из-за угла, фыркнула, разгоняя воздушную подушку, и легла пузом на бетон. Алиса усилась на белое сиденье и, вместо того чтобы набрать адрес Берты, наиграла кнопками сложный и длинный маршрут с таким расчетом, чтобы проехать мимо бассейна у Института времени, заглянуть в Кунцевский ботанический сад и посмотреть, смонтировали ли уже в Филях экспериментальные дорожки. О них говорила вчера дикторша Нина.

Был уже одиннадцатый час, и улицы почти опустели. Москвичи разошлись кто в детский сад, кто в школу, кто на работу, только на бульварах сидели бабушки и роботы с детскими колясками.

У марсианского посольства остановился длинный автобус с герметическими дверями. Марсианские туристы

Машина выскоцила из-за угла, фыркнула, разгоняя воздушную подушку, и легла пузом на бетон...

в нем надевали дыхательные маски, собираясь выйти на улицу. Один марсианин в маске стоял на земле и ждал, когда можно будет открыть дверь. Само посольство было похоже на мяч, зарытый до половины в землю. Там, под куполом, у марсиан свой воздух и свои растения. Когда Алиса была на Марсе, она тоже ходила в маске. Только богомолам все равно, каким воздухом дышать.

Навстречу на четырех автомобилях ехал свадебный кортеж. Машины были украшены разноцветными лентами и ехали медленно, покачиваясь на воздушных подушках. Невеста была в длинном белом платье, и на голове у нее была фата. Наверно, невеста из тех, кто пишет в газетах статьи, что надо возрождать добрые традиции, подумала Алиса.

В бассейне, несмотря на предупреждение дикторши Нины, что купаться холодно, было довольно много народа. Алиса и сама подумала, не выкупаться ли, но машина уже повернула к мосту, к Ботаническому саду. У сада Алиса остановила машину и заглянула в киоск у входа. Робот в венке из одуванчиков дал ей букет сирени, и Алиса положила его рядом с собой на сиденье. Один цветок, пятилепестковый, Алиса оторвала и съела. На счастье.

Машина ехала по окружному шоссе, по обе стороны которого поднимался густой лес. Такси замедлило ход и потом совсем остановилось. Из леса вышло стадо маралов и, поцокав копытами по шершавой пластиковой поверхности дороги, перешло на другую сторону, к кедровой роще.

— Они в виноградники не забредут? — спросила Алиса у такси.

— Нет, — ответила машина. — Там барьер.

Маралы вдруг подняли головы, принюхались и мгновенно исчезли в чаще.

— Чего они испугались? — расстроилась Алиса. Ей хотелось еще посмотреть на оленей.

Такси не ответило, да и не надо было отвечать — по шоссе, пригнувшись к рулям, неслись велосипедисты. Они были в таких ярких разноцветных майках, что у маралов, наверно, в глазах пошли круги.

После того как машина проехала молодые посадки каучуковых деревьев, похожих на осины, Алиса попросила на минутку остановиться в роще финиковых пальм.

В роще было светло и спокойно. Только белки прыгали по земле, разыскивая меж мохнатых стволов залявшиеся с осени финики. По краю рощи тянулся невысокий барьер сложенного пластикового купола, который автоматически накрывал рощу, как только погода портилась. Алиса села под пальмой и вообразила, что она в Африке и что белки — вовсе не белки, а мартышки или даже павианы. Одна из белок подбежала к ней и встала на задние лапки.

— Не попрошайничай! — укоризненно сказала Алиса. — Ты дикое и вольное животное.

Белка ничего не поняла и постучала себя передними лапками по животу.

— Теперь в Филевский парк, — сказала Алиса.

Машина осторожно гуднула.

— Ты чего? — удивилась Алиса.

— Я подумало, что вы забыли о своих делах.

— У меня каникулы, — сказала Алиса. — И кроме того, с каких это пор машины указывают, как себя вести людям?

— Прошу прощения, — сказало такси, — но, во-

первых, я не указывало, а напоминало, а во-вторых, насколько я могу судить, вы еще далеко не совершен-нолетняя, потому в данном случае я выступаю и в качестве воспитателя. Если бы вы были дошкольницей, я бы вообще вас не повезло без разрешения или сопровождения родителей.

Произнеся такую длинную тираду, такси умолкло и больше до самого конца не сказало ни слова.

Машина въехала в жилой пояс. Когда-то здесь стояли довольно скучные пятиэтажные дома, потом их снесли и поставили вместо них восемнадцать игл-небоскребов, каждый из которых был не только жильем для нескольких тысяч человек, но и включал в себя несколько магазинов, мастерских, станций обслуживания, гаражей, посадочных площадок для флаеров, театр, бассейн и клубы. Можно было прожить всю жизнь, не выходя из такого дома, хотя это, наверно, было бы очень неинтересно.

Небоскребы стояли на широких полянах и были окружены березовыми рощами, среди которых росло множество грибов подберезовиков, семена которых и грибницы привозили каждый год с севера, так что можно было собрать за день сто корзин, но на следующее утро грибы вырастали снова. Подберезовики были гордостью жителей этого района, но сами они грибами обелились уже давно и потому всегда приглашали знакомых собирать грибы вокруг своих домов и даже посмеивались над грибниками.

За небоскребами начинался Филевский парк.

На широкой поляне человек сто любопытных смотрели, как работает экспериментальная дорожка. Техник в синем комбинезоне стоял посреди серебряной ленты, которая изгибалась, направляясь в ту сторону,

в которую техник велел ей направляться. На груди техника висел микрофон, и он объяснял любопытным, как дорожка работает:

— Если мне хочется, чтобы дорожка привела меня к тому вон большому кусту, я мысленно говорю ей: направо. И дорожка поворачивает направо.

Все засмеялись, потому что дорожка так резко повернулась, что техник не удержался и упал на траву. Дорожка пробежала вперед и замерла.

Алиса хотела было покататься на новой дорожке, но желающих было так много, что пришлось бы стоять в очереди полдня, прежде чем удалось бы покататься самой. Алиса решила лучше подождать, пока такие дорожки построят во всех парках.

На соседней полянке тренировались космонавты, вернее, юные космонавты из ДОСКОСа — Добровольного общества содействия космонавтике. Люк в учебную ракету был открыт, и ребята по очереди спускались из него на траву по тросу. Они, наверно, воображали, что динодуки с Юпитера сожрали их трап. Алиса вернулась к машине. Пора было ехать к Берте.

Некоторое время машина шла под трубой монорельса, потом повернула к набережной Москвы-реки и через старый Бородинский мост выехала на Смоленскую. Солнце спряталось за тучу; наверно, метеорологи опять ошиблись — даже в двадцать первом веке им верить нельзя. Под тучей висел воздушный велосипед регулировщика. Велосипед был синий, и регулировщик был в синем, и туча была синей. Алиса сразу придумала сказку о том, что регулировщик — сын тучи, и, если станет жарко, он превратится в дождь.

Вот и зеленые арбатские переулки. Алиса почти вернулась домой. Она оставила такси на стоянке, устланной разноцветными плитами, забрала букет сирени, проверила, на месте ли миелофон, и поднялась к Берте Максимовне.

— Чего же ты так долго? — удивилась Берта.

— Вы же сами сказали, чтобы через час.

— Ах да, я совсем забыла! Я думала, мне позвонят из Монтевидео. Там, знаешь, говорят, достигнут контакт. Видела последний номер нашего журнала?.. Спасибо за цветы.

Берта была немного сумасшедшая. Так думала Алиса, но, конечно, никому об этом не говорила, а перед ребятами даже иногда хвасталась немного своей дружбой с вице-председателем общества «Дельфины — наши братья». Берте уже лет пятьдесят, хотя она довольно молодая и носит парики «русалка» или «гавайский бриз». Она раньше была чемпионом Москвы по подводному плаванию, а потом вступила в общество «Дельфины — наши братья» и стала в нем вице-президентом. У нее во дворе дома большой дельфиний бассейн, и она все время старается найти с ними общий язык. Папа говорил Алисе, что Берта скоро разучится говорить с людьми и если достигнет взаимопонимания с дельфинами, то только потому, что будет обходиться без человеческого языка. Папа, конечно, шутил, но, по правде говоря, они с Бертой — научные противники. Папа — биолог и директор зоопарка, и он не верит в то, что дельфины — наши братья. А Алисе очень хотелось в это верить, и из-за этого у нее с папой были даже настоящие научные споры.

— Знаешь что, деточка? — сказала Берта, резким

движением откидывая на плечо зеленый локон. — Ты иди к дельфинам, а я потом подойду. Может, все-таки позвонят из Монтевидео.

— Хорошо, — сказала Алиса.

Ей только этого и надо было. Она хотела испытать миелофон без Берты. А потом положить его на место, чтобы папа не узнал, что она пробовала его на дельфинах.

Папа принес миелофон вчера из зоопарка и объяснил, что миелофон экспериментальный. Он может читать мысли. Конечно, если эти мысли выражены словами. Папе дали аппарат для опытов с обезьянами, но сегодня он поехал не в зоопарк, а на совещание и оставил аппарат дома.

Вчера вечером они с папой испытывали аппарат друг на друге, и Алиса слышала собственные мысли. Это очень странно — слушать собственные мысли. Они звучат совсем не так, как кажется тому, кто их думает. Алиса брала в руки серую коробочку, вставляла в ухо маленький наушник и слушала, как довольно тоненький голос говорит быстро-быстро: «Не может быть, чтобы мои мысли... смотри-ка, я слышу собственный голос... Это мой голос? Я подумала про голос и точно то же самое слышу...»

Алиса с папой попробовали послушать домработника. У домработника мысли были короткие и не путались, как у Алисы. Домработник думал о том, что надо подмести под плитой, почистить медаль и (тут люди узнали его страшную тайну) подзарядить потихоньку аккумуляторы, чтобы ночью, когда все будут думать, что он спит, почитать при свете собственных глаз «Трех мушкетеров».

... Алиса подошла к бассейну. Оба дельфина, узнав

ее, наперегонки поплыли к бетонной кромке. Они по пояс выпрыгивали из воды, чтобы показать, что они рады видеть гостью.

— Подождите, — сказала Алиса. — У меня для вас нет ничего вкусного. Берта мне не велела вас кормить — у Руслана живот болит. Ведь правда?

Один из дельфинов, которого звали Русланом, перевернулся на спину, чтобы показать Алисе, что живот у него уже совсем не болит, но Алису это не разжалобило.

— Не уплывайте далеко, — сказала Алиса. — Я хочу послушать, есть ли у вас мысли. Видите, я достаю миелофон. Вы такого аппарата еще никогда не видели. Он читает мысли. Его придумали врачи, чтобы лечить психических больных и вообще, чтобы ставить точный диагноз. Мне папа сказал. Понятно?

Но дельфины ничего не ответили. Они нырнули и поплыли наперегонки по кругу. Алиса достала из сумки аппарат и, вставив в ухо наушник, нажала черную кнопку приема. Сначала ничего не было слышно, но когда Алиса покрутила ручку настройки, то вдруг совершенно явственно услышала мысль одного из дельфинов:

«Смотри-ка, что она делает. Наверное, опыт ставит».

Алиса чуть не закричала «ура». Может, позвать Берту? Нет, надо проверить.

Один из дельфинов подплыл ближе. Он думал:

«А на вид просто девчонка. Что же это она делает?»

— Я читаю твои мысли, — тихо сказала Алиса дельфину. — Понял, глупый?

Но дельфины ничего не ответили...

Дельфин перевернулся и нырнул. Но мысли его тем не менее были ясно слышны.

«Может, поговорить с ней? — думал дельфин. — А то она что-то задается...»

Перебивая первую мысль, появилась другая — кто-то еще, наверно, второй дельфин, подумал: «А я ее знаю, она из дома напротив, ее Алисой зовут».

«Вот молодец! — подумала Алиса. — Но откуда он знает, что я из дома напротив?»

И в тот же момент тот же голос, который звучал в миелофоне, сказал вслух и довольно громко:

— Алиса-барбариса, машинку сломаешь, нас не поймаешь!

Голос раздался, как ни странно, не из бассейна, а сзади.

Алиса вскочила и обернулась.

За низенькой бетонной оградой стояли двое мальчишек лет по шести и корчили ей дурацкие рожи.

— А ну, уходите сейчас же! — рассердилась Алиса. — Вы мне весь опыт испортили!

— Так мы и ушли, дождешься! — сказали мальчишки.

Но Алиса сделала два шага в их сторону, и мальчишек словно ветром сдуло.

Алиса огорчилась и снова села на берег бассейна. Опыт провалился. Хорошо еще, что она не позвала Берту, чтобы рассказать о своем открытии. Ну ладно, время еще есть. Можно продолжить.

Алиса снова включила миелофон и, вытянув наружу усик-антенну, направила его в сторону дельфинов. В ушах потрескивало, и иногда раздавались какие-то хрюкающие звуки и взвизгивание. Они приближались, когда дельфины подплывали ближе, и почти совсем

пропадали, когда дельфины ныряли или отплывали к дальней стенке бассейна.

Так Алиса просидела минут пять, но ничего не дождалась. Наверху открылось окно, и Берта, высунув зеленую модную голову, сказала:

— Алисочка, дружок, поднимись ко мне. Звонили из Монтевидео, отличные новости. И скажи роботу, чтобы он достал из холодильника рыбу.

— До свидания, — сказала Алиса дельфинам. — Я к вам еще приду.

Она осторожно, чтобы Берта из окна не увидела, спрятала миелофон и, сказав, что нужно, роботу, пошла к дому.

Когда она скрылась за углом, дельфин, по имени Руслан, высунул из воды курносое рыло и сказал негромко своему соседу на дельфиньем языке:

— Интересно, что случилось в Монтевидео?

— Не знаю, — ответил второй дельфин. — Жалко девочку, она так расстроилась. Может, стоило с ней поговорить?

— Рано еще, — ответил дельфин Руслан. — Люди не доросли до общения с нами. Они много не поймут.

— К сожалению, ты прав, — сказал второй дельфин. — Взять хотя бы этих мальчишек. Крайне плохо воспитаны. Один даже кинул в меня палкой.

И дельфины, резвясь, поплыли вокруг бассейна.

ТУДЫ-СЮДЫ ДЕДУШКА

В первый день каникул человеку обычно нечего делать. Вернее, есть что делать и дел даже очень много, но трудно придумать, какое из них самое главное, и

человек теряется среди многочисленных возможностей и соблазнов.

Алиса попрощалась с Бертой Максимовной, вышла на улицу и посмотрела на воздушные часы, висящие в небе над городом. Часы показывали двенадцать. Впереди еще был целый день, а за ним пряталось множество совершенно свободных летних дней, обещанное папой подводное путешествие, экскурсия в Индию, экспедиция юннатов в пустыню и даже, если мама достанет билеты, поездка в Париж на трехсотлетие взятия Бастилии, которую парижане уже специально построили из легкого пластика. Жизнь обещала быть интересной, но все это относилось к завтрашним дням.

А пока Алиса отправилась на Гоголевский бульвар. Миелофон лежал в сумке, и Алиса время от времени похлопывала по сумке ладошкой, чтобы проверить, на месте ли аппарат. Вообще-то говоря, стоило зайти домой и положить его на место, но жалко было терять время. Зайдешь домой, робот заставит обедать и будет говорить, что ты опять похудела, и что я скажу маме, когда она вернется, и всякие другие жалкие слова. Марсианский богомол попросится гулять, а гулять с ним — одно мученье: он останавливается у каждого столба и обнюхивает каждую царапину на мостовой.

Так что понятно — Алиса домой заходить не стала, а отправилась на бульвар.

Гоголевский бульвар, широкий и тенистый — говорят, там как-то заблудилась целая детсадовская группа вместе с руководительницей, — тянется от Москвы-реки до Арбатской площади, и в него, как реки в длинное и широкое озеро, впадают зеленые улицы и переулки. Алиса по извилистой тропинке, мимо апельсиновых деревьев, которые очень красиво цвели, направи-

лась прямо к старинному памятнику Гоголю. Это печальный памятник. Гоголь сидит, кутаясь в длинный плащ, — Гоголь хоть и писал веселые книги, сам был довольно грустным человеком. За памятником, на боковой аллее, должны расти ранние черешни. Они отцвели уже месяц назад. Вдруг ягоды уже спели?

На лавочке сидел старичик с длинной седой бородой, в странной соломенной шляпе, надвинутой на кустистые брови. Старичик, казалось, дремал, но, когда Алиса проходила, вернее, пробегала мимо, он поднял голову и сказал:

— Куда ж ты, пигалица, несешься? Пыль поднимаешь, туды-сюды!

Алиса остановилась.

— Я не поднимаю пыли. Здесь же крупный песок, он не пылится.

— Вот те раз! — удивился старичик, и борода его поднялась и уставилась пегим концом в Алису. — Вот те раз! Возражаешь, значит? — Дедушка явно был не в духе.

И Алиса на всякий случай сказала:

— Простите, я не нарочно, — и хотела уже бежать дальше.

Но старичик не дал.

— Подь сюды, — сказал он. — Тебе говорят!

— Как так — подь сюды? — удивилась Алиса. — Как-то странно вы разговариваете.

— А ты поспорь, поспорь. Сейчас возьму хворостины и отстегаю тебя по мягкому месту!

Старичик был совсем необыкновенный. И говорил удивительно. Не то чтобы Алиса его испугалась, но все-таки ей стало немного не по себе. Больше никого на аллее не было, а если старик и в самом деле

решит стегать ее хворостиной... «Нет, успею убежать», — подумала Алиса и подошла к старику поближе.

— Что же это получается? — сказал старишок. — Оставили меня на этом проклятущем месте, а сами смылись! На что это похоже, я спрашиваю!

— Да, — согласилась Алиса.

— У тебя в сумке калачика не найдется? — спросил дед. — А то с утра маковой росинки во рту не держал.

— Нет, — сказала Алиса. — Но я могу проводить вас в кафе.

— В такое место мне нельзя. Я при исполнении, — сказал старишок.

Алиса засмеялась. Старишок был совсем не страшный и даже шутил. Она сказала:

— А на площади бутербродный автомат есть...

— Обойдусь, — сказал дед. — Без ваших советов обойдусь. Нет, ты скажи, пигалица, что такое деется?

«Вот это старики! — подумала Алиса. — Вот бы его нашим ребятам показать».

— Сколько вам лет, дедушка? — спросила она.

— Все мои годки при мне, я еще царя-батюшку Николая Александровича, царство ему небесное, помню. Вот так-то. И генерала Гурко на белом коне. А может, это Скобелев был...

— Долгожитель! — поняла Алиса. — Самый настоящий долгожитель. Вы из Абхазии?

— Это из какой такой Абхазии? Ты это что? Да я тебя!

Дедушка попытался вскочить со скамейки и погнаться за Алисой, но в последний момент передумал и вставать не стал. Алиса отбежала на несколько ша-

— Что же это получается? — сказал старичик

гов и остановилась. Ей уже совсем не хотелось уходить от сказочного деда.

— Так вот, говорю я, — продолжал дед, будто забыл вспышку гнева. — Что же это вокруг деется? Сосвем с ума поспятили, туды-сюды!

Если он помнит царя и древних генералов, то деду должно быть, по крайней мере, двести лет. Как же он законсервировался, и даже в газетах о нем и слова не было, и папа о нем не знает? Ведь если бы знал, то наверняка сказал бы Алисе.

— Ни те городового, ни те культурного обращения! Ходют туды-сюды голые люди, махают себе бесстыжими ногами. Ох, наплачетесь вы с ними, ох и наплачтесь!.. Не видать вам...

Дед всхлипнул и вдруг завопил яростно и тонко:

— Конец света! Светопреставление! Грядет антихрист наказать за грехи великие...

«Ой-ой-ой, позвать кого-нибудь, что ли? — забеспокоилась Алиса. — Наверно, у него мания. Большой человек».

— А ты чего в трусах бегаешь? — вдруг спросил дед негромко, но сердито. — Юбки, что ль, у мамки не нашлось? Небось загуляла мамка-то, а? Загуляла?.. Девки-то кто в штанах, кто в трусах...

— У меня мама архитектор, — сказала Алиса.

— То-то и говорю, — согласился дед. — Не те времена пошли. А то выйдешь спозаранку, наденешь лапти... Ты садись, девочка, на лавочку, сказку послушаешь... Буренка твоя уже копытом теребит. И поднимаемся мы вслед за генералом Гурко, царство ему небесное, туды, понимаешь, сюды, на высоту двенадцать-восьмидесят пять, а там уже турок позицию себе роет... И за царя...

Дед повторил несколько раз «за царя» и вдруг запел:

И за царя, за родину, за веру
Мы грянем громкое ура, ура. Ура-а-а-а!..

Алиса медленно отступала по дорожке, чтобы незаметно исчезнуть с глаз деда. Она думала, куда лучше бежать, чтобы скорее найти помошь.

И вдруг из-за поворота показалась девушка со свертком чертежей под мышкой, обычная девушка, наверно, студентка. Она была в шортах и безрукавке. Короткие светлые волосы падали челкой на загорелый лоб. Девушка услышала песню деда и остановилась.

— Ой! — обрадовалась Алиса.

Она подбежала к девушке и громко зашептала:

— Этот дед, наверно, сошел с ума. Он говорит странные вещи и совсем оторвался от действительности.

— Посмотрим, — сказала девушка.

Старичок заметил ее и очень рассердился.

— Час от часу не легче! — сказал он. — Еще одна бесстыдница, туды-сюды. Ты чего вырядилась?

— Здравствуйте, — сказала девушка. — Вы себя плохо чувствуете?

— Это еще почему? Это еще что за такие слова позволяешь? Я в своей жизни еще ничем не маялся, кроме как почечуем. Так-то.

— Странно он одет, — сказала девушка Алисе негромко.

И тут Алиса тоже заметила, что дед странно одет. Как только она раньше этого не видела?

На деде были серые короткие брюки, обвисшие по-

низу грязной баxромой, из-под брюк выглядывали шерстяные носки, обмотанные веревкой. Веревка спускалась к лодыжкам и была привязана к странным тапочкам, ужасно знакомым, но раньше Алиса их не встречала. Ах да, это же лапти, как на картинке в книжке сказок! Плечи деда накрывал серый пиджак с подложенными на плечах ватными подушками, чтобы плечи казались шире. И еще была соломенная шляпа, но ее Алиса заметила с самого начала.

— Он несовременный, — сказала Алиса тихо и сама испугалась своего открытия. — Он проник из прошлого!

Конечно же, дед был несовременным. Он и говорил странно, и одет был необыкновенно.

— Погоди-ка, — сказала девушка. — Вы где живете? — спросила она у старика.

— Много будешь знать... — начал дед. Потом задумался и добавил: — Запамятовал.

— Может, вас проводить домой?

— Дом мой за высокими горами да за глубокими долами, — сказал дед уверенно, будто повторял знакомый всем адрес. — Ты мне лучше скажи, землю вы пашете?

— Пашем, — ответила девушка.

— И соха у вас есть?

— Сохи уже нет. Автоматы пашут и все остальное делают.

— То-то я думал. А год-то сейчас какой?

— Две тысячи восемьдесят девятый.

— Это от рождества-то Христова?

— От нашей эры, — сказала девушка.

— А вы из какого года? — спросила Алиса. — Вы ведь путешественник во времени?

— Вот те туды-сюды! — сказал дед. — Путешественник, говоришь? А ты лучше мне скажи, как у вас с мясом? Мясо почем?

— Мясо? — Алиса не знала, что ответить.

Но ей на помощь пришла девушка.

— Мясо у нас, дедушка, бесплатное, — сказала она. — И все другие продукты тоже.

— Врешь, туды-сюды! Ктой-то запросто, так тебе теленка резать будет?

— Вы еще из Дореволюции? — настаивала Алиса. — А как вы попали сюда? На нашей машине времени?

— А вот скажи мне, — оживился дед, — кто у вас наиглавнейший генерал?

— Нет у нас генералов.

— Вот и врешь! Не может того быть, чтобы без генерала... Бог ты мой, кто идет!

По дорожке, припадая на суковатую палку, шел второй дед, точно такой же, как и первый, только шляпа у него была не соломенная, а суконная.

Алиса так удивилась, что спряталась за спину девушки. И тут же из-за поворота вышли еще три деда, двое с палками, один так, без палки; двое в соломенных шляпах, а один без шляпы совсем, и борода у последнего деда была подлиннее, чем у остальных.

Все деды не спеша направлялись к скамейке.

— Слава тебе господи! — сказал первый дед. — А то, туды-сюды, ни одной живой души не найдешь!

— Это верно, — ответил один из новых дедов. — Это верно, что ни одной живой души, все какие-то фигли-мигли с квасом.

И он погрозил палкой девушке и Алисе. Это они и были фигли-мигли с квасом.

— У них здесь дырка в прошлое, — прошептала

Сзади вышло еще три деда. Бежать было некуда...

Алиса, — и они из нее вылезают. Надо остановить. Ведь, может, их сто тысяч.

— Этих-то проучить бы не мешало, палкой, палкой! — закричал старик.

— Это так, туды-сюды! — закричал другой дед.

— Сейчас мы их! — крикнул третий. — Я сам в городовых служил!

Сзади вышло еще три деда. Бежать было некуда. Деды, правда, их не трогали, но шумели изрядно. Алиса крепко уцепилась за руку девушки.

И в этот момент ударил гонг, и громкий голос сказал:

— А ну-ка, Глебушка, обесточь массовку. Такие не пойдут.

За кустами что-то зашипело, и деды замерли в тех позах, в которых их застал громкий голос.

Из кустов выскочили несколько молодых ребят. Потом вышел старый знакомый Алисиного папы, оператор Герман Шатров. Лоб Шатрова закрывал длинный зеленый козырек от солнца, и на груди у него висел микрофон.

Не замечая девушки с Алисой, Шатров напустился на своих помощников.

— Как могло получиться, — сердился он, — как могло получиться, что восемь роботов из массовки ушли со съемочной площадки? Кто за это в ответе? А вдруг один из них на машину бы налетел? Или ребенка бы до смерти испугал? Нет, я так не оставлю! Я сегодня же серьезно поговорю с конструкторами.

— Они же опытные, Герман, — сказал один из ассистентов. — Их только сейчас распаковали, даже

проверить не успели. Вот они и расположились по бульвару.

— Да разве это настоящие древнерусские крестьяне? На основе чего их программировали?

Из кустов вышел еще один человек. Был он толст и печален.

— Гера, — сказал он, — милый, мы же не сами придумали. Взяли дедов из романов позапрошлого века, туды-сюды.

— Что?

— Туды-сюды, говорю. Это я пока с ними возился, дедовских выражений нахватался. У них сто пятьдесят лет назад были обязательно любимые слова, необычные.

— Забирай своих стариков. Придумаем что-нибудь другое.

— А что же мне с ними делать? Они же никуда не годны.

— Поменяешь блоки памяти на стандартные, получатся неплохие роботы-сиделки. Ей-богу, даже интересно. С бородами и запасом сказок, туды-сюды.

ЧЕМОДАН СВЕТЛАНЫ ОДИНОКОЙ

— Ты что здесь делаешь? — спросил вдруг Герман, заметив Алису.

— Мы очень испугались, — ответила Алиса. Она хотела показать девушку, которая тоже испугалась, но девушка, оказывается, незаметно ушла.

— Вот, — расстроился Герман, — я же говорил, что детей типовыми стариками запугать можно!

— Я думала, что он из прошлого, на машине времени.

— Нет, не бойся, таких упрощенных дедов даже двести лет назад не было. Хотя я точно не знаю. У тебя что, каникулы уже?

— Каникулы. А вы картину снимаете?

— Симфонию сказок.

— С эффектом присутствия?

— И букетом запахов и термоэффектов.

— А сегодня будете снимать?

— Сегодня? Вот не знаю, что нам теперь делать с массовкой. Старики неудачные... Знаешь что? Сгоняем-ка мы на натуре. На Черное море. Хочешь с нами?

— Очень хочу! А как папа?

— С папой я свяжусь, — сказал Герман. — Надо только с режиссером поговорить. Володя! Володя, Чулюкин! Где ты?

— Ну что? — спросил голос из кустов, и тут же на дорожке показался режиссер, быстрый, невысокий, в очень модной мексиканской шляпе с бубенчиками.

Режиссер быстро передвигался и быстро говорил, но думал он, видно, еще быстрее, и часто фраза у него не договаривалась, потому что мысли заставляли, не кончив первую, начинать вторую.

— Что, у нас получилось несчастье? — спросил он. — Старики оплошили, и не только... А впрочем, у тебя есть соображения по части... Может, нам перейти в павильон?

— Володя, отпусти меня на побережье. Мне нужен закат, чтобы с фиолетовыми облаками. Все равно день пропал.

— А как же Мария Васильевна?

— Она обойдется.

— И все-таки... А впрочем, поезжай. Только чтобы к утру вернуться, а то Мария Васильевна...

Тут Чулюкин повернулся и исчез в кустах. Будто его и не было.

— Вот видишь, — сказал Герман. Он вынул из кармана видеофончик и набрал номер Алисиного отца.

— Слушай, Игорь, — сказал он, — я у тебя хочу дочку украсть на полдня. А к утру верну... Да нет, на Черное море, там тепло. Погоду я заказал... Вот и отлично!

Герман отключился и сказал Алисе:

— Твоего отца такой вариант вполне устраивает. Он все равно задержится до ночи. Крумся делятся у него. Что это такое, кстати?

— Какие-то звери с Сириуса. Я их никогда не видела. Но мне надо будет домой зайти.

— И не мечтай. Натура не ждет. Или мы летим сейчас, или ты остаешься в городе.

— Мне надо одну вещь домой занести.

— Завтра занесешь. По машинам!

Никаких машин не было, да им и нельзя заезжать на бульвар. Но при этих словах вдруг в кустах что-то загрохотало и зашуршало.

— Аппаратуру сворачивают, — сказал Герман. — Пошли.

Алисе пришлось пойти. Хоть она и жалела, что не смогла забежать домой и положить на место миелопон, который папа велел не трогать. Ведь невозможно же отказаться от такой поездки, не часто тебя зовут смотреть, как снимается настоящее кино.

Флаер ждал их на плоской крыше одного из домов на краю бульвара.

Флаером лететь в Крым дольше, чем на метро, но

киношники, как они ни спешили, вынуждены были воспользоваться своей машиной, потому что у них было много оборудования — камер и осветительных приборов, — перегружать которое в вагоны метро было долго и трудно. Тем более что метро шло только от Москвы до Симферополя, а оттуда все равно на побережье надо лететь флаером или ехать на монорельсе.

Обычно же после работы тысячи московских флаеров и такси отправлялись в Фили-Мазилово, к серебряному куполу с большой красной буквой «М» над ним. Здесь — московская станция Крымского метрополитена. Несколько параллельных туннелей тонкими ниточками связывают Фили с Симферополем. Ниточки эти совершенно прямые, и это значит, что на середине пути туннель метро углубляется на несколько километров под землю. В свое время строительство первых междугородных подземных линий было очень трудным делом, пока строители не ввели в работу проходческий автомат, который под температурой в несколько тысяч градусов расплавлял породу, облицовывал ее тугоплавким пластиком и оставлял за собой блестящую, оплавленную, гладкую, как серединка керамического стакана, трубу.

Такие же линии метро соединяют Москву и с Петербургом, и с Киевом, и даже с Якутском. А к 2100 году будет закончена первая линия Варшава — Нью-Йорк. Ее строят уже третий год, потому что под океаном туннель проходит чуть ли не по центру Земли и потому работы там продвигаются медленно, и о них в двух словах не расскажешь.

А крымский туннель давно уже стал привычным и удобным — каждый москвич может после работы за

сорок пять минут доехать в снаряде метровагона до Симферополя, а оттуда уже пятнадцать минут на флаере до любой точки побережья. К ночи можно вернуться в Москву загорелым и накупавшимся.

Герман с Алисой, три ассистента, два робота и пилот разместились в мосфильмовском флаере. Он бесшумно взвился с крыши и, набрав высоту, полетел на юг, к Черному морю.

Это было совсем неплохое начало для каникул.

Алиса осмотрелась, нашла ящик поудобнее, чтобы усесться на нем, и придвинула его к окну. За ее спиной кто-то закряхтел. Алиса обернулась, удивившись, как этот человек мог уместиться в такой узкой щели.

Сзади, насупившись, сидел старик из массовки и жевал набалдашник своей толстой палки.

— Ой, — сказала Алиса, — старик!

— Это что такое? — удивился Герман. — Как он сюда пробрался?

— Чулюкин просил взять на всякий случай, — сказал один из ассистентов. — Может, пригодится для первого плана.

— Я пригожусь, я-те пригожусь! — сурово сказал старик. — Я с генералом Гурко Шипку брал. Молокососы...

— Если ты, Алиса, боишься, то пересаживайся ко мне, — сказал Герман.

— Вот еще чего не хватало! — обиделась Алиса. — Чтобы я роботов боялась. Уж лучше я тут, у окошка.

Вообще-то она предпочла бы пересесть, но признаваться, что она испугалась, ей совсем не хотелось. Все равно лететь меньше двух часов.

И когда один из ассистентов раздал всем по галете и

стакану сока, Алиса даже отломила половину галеты и протянула старику.

— Не стесняйтесь, — сказала она. — Берите. Мне все равно столько не съесть.

Но старики-робот покачал головой:

— Ешь сама, пигалица. Я с утра щец похлебал, вот и вся недолга.

Алиса поняла, что старики ее обманывают. Роботы не едят щей. Но, наверно, в нем такая заложена программа, что он думает о себе, что он вовсе не робот, а древний старики. Чтобы естественней изображать в кино.

Не успела Алиса дожевать галету, как флаер пошел на снижение. Он проскользнул между невысокими лесистыми горами и полетел прямо в синее, чуть светлее неба, море. Над самым берегом, между двух высоких серых скал, флаер замер на месте и мягко опустился на площадку, обрывающуюся прямо к воде.

— Ну вот, — сказал Герман. — Мы тут были на прошлой неделе. Чем не рай?

На бугорке стояла палатка — маленький купол из легкого пластика. Из палатки вышел почти черный человек в плавках. Оказалось, его зовут Васей и он ассистент режиссера.

— Обследовал? — спросил Герман.

— Да, все точки выбраны. Хоть сейчас начинай.

— Ладно, покажешь. Но сначала всем купаться. Ты, Алиса, пойдешь со мной, и ни на шаг в сторону. Чтобы не утонуть.

— Как же я утону? Я даже под водой плаваю сколько хочешь.

— И тем не менее. Перед твоим отцом отвечаю я, а не ты. Ясно?

— Ясно.

— Сумку оставь здесь.

— Нет, я ее с собой возьму.

— Ну, как хочешь.

Вася повел киношников по тропинке к воде, а роботы занялись устройством временного лагеря. Вода была теплой и ласковой. Алиса даже пожалела, что отец не возит ее по воскресеньям на море.

Старик в лаптях спустился к морю за киношниками и уселся на берегу.

— Не жарко? — крикнула ему из воды Алиса.

— Ты далеко не плавай, пигалица, — сказал дед. — Рыба какая укусить может. Рыба кит.

Он уже привык к Алисе, да и Алиса к нему привыкла и совсем не боялась.

Дед подумал-подумал и принял разувать лапти.

— Эй, старик, — сказал ему Герман, — и не думай. Перегреешь конечности, мастерской здесь нет.

Старик вздохнул и послушно надел лапоть обратно.

— Жалко его все-таки, — сказала Алиса.

— Жалко, конечно. Да что поделаешь, одежда для него — та же изоляция. А убедительно сделан?

— Убедительно, — согласилась Алиса и нырнула.

Под водой она открыла глаза и так испугалась, что открыла рот, наглоталась воды и пулей вылетела на поверхность. Она чуть было не ушла обратно под воду, но Герман подхватил ее и легонечко стукнул по спине, чтобы она откашлялась.

— Что там такого страшного? — спросил он.

— Морда, — сказала Алиса. — Такая страшная морда, что я просто не могу!

В этот момент вода перед ними расступилась, и на поверхности показалось смеющееся рыло дельфина.

— Пошел отсюда! — прикрикнул на него Герман. — Детей пугать вздумал!

— Он шутил, — сказала Алиса, которая уже опомнилась. — Это я виновата, что не узнала.

— Он у меня тут в друзьях числится, — сказал загорелый Вася.

— Привет от Руслана из Москвы! — крикнула Алиса вслед уплывающему дельфину.

— Итак, вылезаем — и за дело, — сказал Герман и поплыл к берегу.

— С легким паром! — сказал купальщикам старик.

— Спасибо, — ответила Алиса.

Герман прыгал на одной ноге, стараясь вытрясти из уха воду. Когда это ему удалось, он сказал Алисе:

— А ты пока свободна. Можешь погулять. Только умоляю, не потеряйся.

— Ходи по тропинкам, — сказал старик. — В лес не суйся. А то баба-яга схватит, унесет за синие горы, посадит в котел и съест с маслом.

— С каким маслом? — заинтересовался Вася.

— С каким, с каким? С подсолнечным, вот с каким!

Море к вечеру стало совсем ровным и маслянистым. Только у самой кромки берега волны лениво шевелились, как край скатерти. Берег был покрыт крупным песком и мелкими ракушками, такими тонкими и хрупкими, что собирать их не было никакого смысла. Зато в воде и на полосе мокрого песка, залившейся волнами, блестели очень красивые камни. Некоторые были прозрачные и обкатанные водой, как бусины, а другие, разноцветные, хранили еще неправильность обломков настоящей скалы, только углы у них были сглажены. Еще на песке встречались, правда

нечасто — таких больше на Кавказе, — плоские каменные лепешки, серые и бурые. Их очень удобно кидать по воде, так, чтобы они подпрыгивали по много раз.

Когда Алиса набрала две горсти камней, ей это занятие надоело, и она выбрала несколько лепешек и принялась кидать их так, чтобы они прыгали до самого горизонта. Но лепешки были не самыми лучшими и после двух-трех прыжков тонули, поднимая столбик густой, глянцевой воды. Наконец Алисе удалось отыскать лепешку чуть толще бумаги и совсем круглую. Она должна была обязательно упрыгать до горизонта. Алиса прицелилась, кинула камень, и он послушно запрыгал по ровной воде. Раз-два-три-четыре-пять... На девятый раз он все-таки ушел под воду, и тотчас же в том месте из воды выпрыгнул дельфин. Он сейчас же нырнул обратно, но Алиса испугалась, что она его ушибла, и решила больше камней не бросать.

Она пошла дальше вдоль берега, чтобы найти самый красивый камень. Она шла довольно долго. Берег несколько раз изгибался бухтами, но камень все никак не попадался. Тогда Алиса решила подняться на верх.

Здесь, вдали от курортов и домов отдыха, было тихо. Иногда разноцветной мухой пролетит над головой флаер, в траве стрекочут кузнечики, из-под камня высыпался скорпион, увидел Алису и спрятался.

Алиса подошла к обрыву и посмотрела на море.

Море было гладким, словно не море, а голубое желе. Недалеко от берега был виден небольшой остров. Почти плоский, если не считать скалы, что пальцем поднималась у берега, да полуразрушенной хижины.

Рядом со скалой в берег уткнулась баржа. Какие-то маленькие фигурки медленно двигались по берегу возле баржи. Движения их были странными, замедленными и какими-то нечеловеческими. Может, специальные роботы что-то там делают? Чистят дно? Строят причал?

Алиса пошла дальше по берегу. Она попала в посадки. Вокруг тянулись рядами сосенки ростом чуть повыше Алисы. Когда Алиса станет взрослой, они тоже вырастут и превратятся в могучие деревья. Надо будет обязательно вернуться сюда и поглядеть на этот лес...

Вдруг впереди Алиса услышала громкий, возбужденный голос.

Она сделала еще несколько шагов вперед и остановилась. Кто-то ссорился. Неловко как-то высакивать из-за деревьев и мешать людям. И Алиса осторожно выглянула из-за сосны.

На поляне она увидела странное существо.

Это был человек. Но какой человек — мужчина или женщина, мальчик или старик — не догадаешься. Поэтому что существо было одето в меховую шубу до пят, на голове у него была меховая шапка с длинными ушами, а лицо прикрывали большие темные очки.

Существо сидело на чемодане, держало в руке видеокамеру и говорило:

— Никитин, ты куда меня прислал? Нет, ты признался, куда ты меня прислал?

— Я тебя никуда не присыпал, — отвечал голос из видео. — Куда ты летела, там ты и есть.

— А куда я летела?

— Ты летела на Карское море, на остров Уединение.

— Значит, к Северному полюсу?

— Вот именно.

— А скажи, пожалуйста, то, что ты видишь вокруг, похоже на Северный полюс?

Существо в шубе подняло руку в варежке и обвело окрестности видеорацией, чтобы тот, кто разговаривал с ним, убедился, что окрестности и в самом деле не похожи на Северный полюс.

Ситуация была такая необычная, что Алиса еле удерживалась от смеха.

— Нет, это непохоже на Северный полюс, — послышался печальный голос из видеорации. — Как же это могло случиться?

— Я у тебя хотела спросить, — ответило существо. — Что мне теперь делать?

— Наверное, тебе придется сесть снова во флаер и выяснить, какая кнопка нажата на пульте.

— Все-таки мужчины — совершенно наивные люди! — воскликнуло существо в шубе. — Неужели не понятно, что я, как только прилетела, сразу поставила флаер на автоматику и отправила обратно.

— Грустно, — сказал голос из видеорации. — Придется мне прислать за тобой другой флаер.

— Гениально! — возмущенно воскликнуло существо в шубе. — Другого ответа я от тебя и не ждала. И скажи, пожалуйста, Никитин, куда ты намерен послать за мной флаер?

— Ну куда... где ты есть...

— А где я есть?

— Да, кстати, где ты?

— А я не имею представления! Может быть, я на Гавайских островах! Может, я в Тасмании! Может, я

на необитаемом острове Тристан да Кунья и раньше чем через полгода сюда не придет ни один корабль!

— Не паникуй! — ответила видеорация. — Мы что-нибудь обязательно придумаем!

Тут уж Алиса не выдержала и рассмеялась вслух.

Существо в шубе услышало смех и быстро вскочило.

— Погоди! — воскликнуло оно. — Тут кто-то есть. Может быть, дикий зверь... кажется, гиена.

— Никакая я не гиена! — сказала Алиса.

И вышла из зарослей.

— Абориген! — закричало существо в шубе. — Никитин, жди связи. Я постараюсь найти с ним общий язык.

Существо подбежало к Алисе крича по-английски, потом по-французски:

— Остановитесь, добрый человек! Я не причиню вам зла! Я потерялась! Скажите, как называется ваша страна!

— Да вы же в Крыму! — ответила Алиса.

— Ты говоришь по-русски! — удивилось существо.

— Конечно.

— Так чего же ты молчала?

— Я не молчала. Я хотела вам сказать, что вы на Карадаге, на Южном берегу Крыма.

— Ну вот, я так и знала, — сказала существо и сбросило мохнатую шапку. У существа обнаружились длинные темные волнистые волосы. Существо сняло очки, и под ними оказалось прелестное молодое лицо и громадные синие глаза. Существо вылезло из шубы и превратилось в стройную молодую женщину.

Женщина протянула Алисе руку и представилась:

— Светлана. Светлана Одинокая.

— Алиса Селезнева.

— Спасибо. Ты меня спасла. Без тебя я бы погибла.

— Здесь трудно погибнуть. На каждом шагу люди.

— Но нашла меня ты!

— У вас красивая фамилия, — сказала Алиса. — Вы, наверное, пишете стихи.

Почему-то это предположение вызвало у Светланы Одинокой бурю негодования.

— Как ты только могла такое заподозрить! — воскликнула она. — Пускай мужчины вздыхают по рас светам и закатам. Я — настоящий ученый. И сюда я прилетела не развлекаться, а проводить ответственные испытания уникального прибора, который именуется минимизатор-2. Два — это порядковый номер модели.

— А как же вы будете его испытывать? — спросила Алиса. Никакого прибора не было видно. Меховая шуба и шапка лежали на чемодане, в руке у Светланы была только выключенная видеорация.

— В экстремальных условиях Северного Ледовитого океана! — сказала Светлана.

— Но ведь вы промахнулись?

— Неважно! Сейчас ты проводишь меня до ближайшей станции флаеров, и я продолжу путешествие.

Светлана Алисе понравилась, и ей совсем не хотелось, чтобы она улетала на Северный полюс.

— А скажите, — спросила Алиса, — нельзя ли вам проводить испытания здесь?

— Здесь? В Крыму? Какие же здесь экстремальные условия? А впрочем...

Светлана включила видеорацию. На экранчике возникло лицо Никитина.

— Слушай, Никитин, — строго сказала Светлана. —

Я получила предложение от аборигенов, — она показала на Алису, — провести серию испытаний здесь. Ты как к этому относишься?

— А ты выяснила, где находится это «здесь»?

— Неужели непонятно? Конечно же, в Крыму, на Карадаге. Вместо того чтобы нажать на кнопку КАР-ское море, ты заставил меня нажать на кнопку КАРа-даг!

— Светочка, ну как я мог тебя заставить, если ты сидела во флаере, а я был в институте?

— Никитин, ты жалкий трус! — воскликнула Светлана.

Она в гневе кинула в сторону видеорацию и заявила Алисе:

— Проводим испытания здесь! Мне нужна площадка!

— Здесь недалеко есть, — сказала Алиса. — Давайте я вас провожу.

Светлана подняла чемодан, накинула на плечи шубу. Алиса взяла ее шапку, очки и подобрала видеорацию. Экран видеорации не горел. Алиса заподозрила, что Светлана кинула ее слишком сильно.

Алиса шла впереди, Светлана на два шага сзади.

— А ты что здесь делаешь? — спросила Светлана. — Ты в самом деле абориген?

— Никакой я не абориген, — ответила Алиса. — Я в школе учусь, в Москве. А сюда я на один день приехала со знакомой киноэкспедицией, они будут снимать закат для фильма «Симфония сказок».

— Мужчины, наверное?

— Да, — сказала Алиса. — Все мужчины и даже один старичок-моховичок, который с Наполеоном воевал.

— Вот именно, — произнесла Светлана гневно. — Вот именно!

Она почему-то была очень недовольна мужчинами, хотя Никитин показался Алисе очень милым и воспитанным человеком.

— А почему вы так сердитесь на мужчин? — спросила Алиса.

— Мне страшно надоел Никитин, — сказала Светлана. — Он мой соавтор. Ужасно бестолковый. А рассеянный — ты не представляешь, до чего он рассеянный! Вчера зачем-то купил целый букет роз. Принес в лабораторию. И что же ты думаешь? Поставил по рассеянности на мой стол. Прямо на мои расчеты! Это же отвлекает! Они пахнут!

— А может быть, он специально поставил букет к вам на стол? — спросила Алиса.

— Тогда еще хуже! Значит, он надо мной издевается.

— А если не издевается? — спросила Алиса.

— Как так?

— А если вы ему нравитесь? — сказала Алиса. — И он хотел сделать вам приятное.

— Нет! Он знает, что если хочешь сделать мне приятное, почини компьютер!

Тут они вышли на небольшую площадку над самым морем. Внизу был невысокий обрыв, под ним шуршили волны, облизывая узкую полоску камней.

— Вот мы и пришли, — сказала Алиса.

— Ну что же, — сказала Светлана. — Если нет более экстремальных условий, будем ждать их здесь. Ведь здесь бывают штормы, ветры и землетрясения?

— Могут быть, — согласилась Алиса.

Она подошла к обрыву и посмотрела в море. Прямо

В чемодане лежало множество игрушечек

перед ней был островок с баржей. Неловкие фигурки все бродили по берегу.

— Тебе сделать чаю? — спросила Светлана.

Алиса обернулась.

И чуть не упала от удивления. Светлана сидела в легком плетеном кресле, за столиком. На столе стояли чашки. Над столом был раскрыт большой полосатый зонт.

— Как так? — удивилась Алиса.

— Очень просто, — Светлана была довольна эффектом. Она показала на раскрытый чемодан. — Все это из минимизатора. Хочешь посмотреть?

Алиса подошла к чемодану и заглянула внутрь. В чемодане лежало множество игрушечек. Светлана присела на корточки возле чемодана, быстро опустила в него руку, и Алиса увидела, как ее рука уменьшается. Светлана выхватила из чемодана кусочек оранжевой резины и выбросила наружу. Рука тут же стала такой же, как раньше, а оранжевый комок превратился в надувную лодку, большую, на несколько человек. Следующим движением Светлана вынула из чемодана насос, подключила к лодке, и через несколько минут лодка была уже надута.

— Это вы изобрели? — в восторге спросила Алиса.

— Любой предмет, попадающий в наш минимизатор, — сказала Светлана, — уменьшается в сорок шесть раз. Причем не только в размере, но и по весу.

— Как замечательно!

— Наше изобретение — неоценимая подмога любой экспедиции, — не без гордости сказала Светлана. — Ты можешь взять с собой минимизатор, вместо того, чтобы загружать целый вагон.

— А на дальних планетах! — сказала Алиса.

— А для туристов! — сказала Светлана.

— И для путешественников, и даже когда переезжаешь из дома в дом!

— Но испытания еще не закончены, — сказала Светлана. — Пока что минимизатор — очень дорогой, существует всего один экземпляр. А этот Никитин вместо Северного полюса отправил меня сюда!

— Я очень рада, что вы прилетели, — сказала Алиса. — И я рада, что мы с вами познакомились.

— Ты мне тоже понравилась, — сказала Светлана.

Алису так и подмывало признаться Светлане, что у нее тоже есть уникальный прибор — миелофон, который читает чужие мысли. Но тут она вспомнила, что взяла миелофон без спроса, и ей стало стыдно.

Тем временем Светлана достала термос, разлила по чашкам лимонный чай и спросила:

— А почему ты решила, что он не хотел меня обидеть?

— Кто?

— Ну конечно же, Никитин! Я так на него рассердилась... Но если он не хотел меня обидеть, значит, я зря на него рассердилась?

— А вам он нравится? — спросила Алиса.

— Алиса! — возмутилась Светлана. — Ты еще не в том возрасте, когда можно говорить о таких вещах!

— Почему? Мне уже двенадцатый год, и я могу говорить абсолютно обо всех вещах.

Светлана пожала плечами, посмотрела на море, на вечереющее небо... Потом сказала:

— Честно говоря, он довольно хороший человек. И неплохой экспериментатор. У него есть положительные качества.

— Тогда вы зря на него сердитесь. Вот он сейчас сидит в Москве, беспокоится, как вы тут устроились, и ждет, что вы снова будете ругаться...

— И в самом деле! — сказала Светлана. — Я должна сообщить ему, что устроилась. Что эксперимент начался. И весьма удачно. Дай мне, пожалуйста, видеорацию.

— Я боюсь, что она сломалась, — сказала Алиса, протягивая видеорацию Светлане. — Вы так сильно ее швырнули.

— Это он меня довел, — сказала Светлана и принялась нажимать на кнопки, трясти и даже бить несчастный прибор. Но тот молчал.

— Ну вот, — сказала Светлана. — Такой простой вещи изобрести не могут! Легкий толчок — и нет прибора! Что же теперь делать? Как я сообщу Никитину, что эксперимент начался? Скажи, как?

— Наверное, вам надо спуститься в киногруппу, там есть своя рация. И вызвать Москву.

— Правильно. Умница.

— Я вас провожу, это недалеко, двести метров по тропинке.

— И не думай. Что я, сама не найду? Как зовут твоего режиссера?

— Герман. А я?

— А ты загорай, купайся. Ты же для этого сюда прилетела. И поглядывай одним глазом за моим оборудованием.

Алиса согласилась.

Светлана быстро пошла по тропинке.

Алиса посидела немного в кресле под зонтом. Потом выбралась на солнышко. Она вытянулась на траве у края площадки. Солнце грело мягко, по-вечернему.

Светлана все не возвращалась. Было тихо-тихо, издалека с моря доносились тонкие, будто комариные, голоса...

И Алиса сама не заметила, как задремала.

Проснулась она оттого, что кто-то подошел к ней. Шаги были такими тяжелыми, что задрожала земля.

Алиса открыла глаза, но в этот момент твердая металлическая, пахнущая машинным маслом и ржавчиной, рутища опустилась на ее лицо. Алиса стала биться, стараясь выбраться, но что-то прижало ее ноги к земле, а ее руки соскальзывали с металла.

— У тебя проволока есть? — послышался низкий скрипучий голос.

— Так точно, — ответил второй голос, такой же, может, чуть повыше.

— Скручивай ноги пленному.

Было очень больно. Алисины ноги обмотали проволокой, которая врезалась в лодыжки. Затем подошла очередь рук. И хоть железная рука, прижимавшая голову Алисы к земле, закрыла почти все лицо, Алисе удалось рассмотреть, что на нее напали два железных чудовища — наверное, роботы, но она никогда не видела таких ржавых, грубо сделанных и страшных роботов.

Железный палец затолкал ей в рот кляп — грязную тряпку.

Теперь Алиса могла сколько угодно дергаться и биться, но она была связана и бессильна что-либо сделать.

Алиса могла только повернуть голову и смотреть, как два робота бредут по площадке, разглядывая оставленные Светланой вещи.

Конечно, Алиса очень надеялась, что Светлана вер-

нется и освободит ее. Но вдруг испугалась: ведь Светлана ничего не подозревает. Она может попасть в ловушку. Ведь это явно сумасшедшие роботы! Алиса никогда не слышала о таких, но другого объяснения она не могла отыскать.

— Прибор для сидения человека, — слышала она голос первого робота.

— Оставить, не пригодится.

— Одежда человека, сделанная из шкуры животного.

— Не нужно, — слышен ответ второго робота.

— Лодка! Надувная лодка. Транспортное средство!

— Взять! Нам нужно транспортное средство. Железная бочка — плохое десантное средство.

— Малое транспортное средство, — произнес первый робот.

Он поднял с земли чемодан.

— Взять, пригодится, — сказал второй робот.

Первый робот захлопнул чемодан. Кинул его в надувную лодку.

— Рейд закончен, — сказал он. — Можно возвращаться в расположение своих частей.

Он поволок лодку к обрыву, а второй направился к Алисе.

И вдруг от края площадки послышался пронзительный голос:

— Чего же это деется, а? Кто вас сюда пустил, оборванцы железные?

«Ну вот, еще этого не хватало, — подумала Алиса. — Сейчас они схватят старика-киноробота».

Но предупредить его она не могла.

— Стой! — приказал старику тот робот, что стоял возле Алисы. — Ни с места! Буду стрелять.

— Ты только попробуй! — старик вместо того чтобы спасаться, замахнулся палкой и смело пошел на громадного робота.

— Отпусти дите! — кричал он. — Я из тебя яичницу сделаю! Ты что, нехристъ, не знаешь, как мы с генералом Гурко турок били? Забыл небось? Так я тебе сейчас покажу — солдатушки, братушки, вперед на смертный бой!

Робот от удивления попятился, но, видно, сообразил, что старику ему не чета. Остановился и двинулся навстречу кинороботу, который еле доставал ему до пояса. Второй же робот оставил лодку и направился к старику сбоку. Тот не видел второго врага и продолжал, размахивая палкой, наступать, думая, что идет в атаку на турецкие редуты.

Тяжелая ручка второго робота поднялась, выхватила палку у старика. Вторая рука схватила старика за шею. Тот замахал руками, но вырваться не смог.

Видя, что маленький враг повержен, первый робот столкнул с обрыва лодку и потащил вниз Алису. Алиса стала биться, надеясь вырваться или порвать эту проклятую проволоку, которая вот-вот перережет лодыжки.

— Не сметь сопротивляться! — сказал робот. — Иначе я погружу тебя в воду с головой и ты перестанешь получать кислород для дыхания.

Алиса на всякий случай перестала мотать головой. Если роботу могла прийти в его железную голову мысль напасть на человека, то он может и утопить. И Алиса пожалела, что в свое время мама не захотела сделать ей операцию по вживлению жабр. Некоторым детям такую операцию делают, особенно тем, кто живет у моря или на искусственных островах. С синте-

жабрами можно быть под водой сколько угодно. «Приеду домой, — решила Алиса, — обязательно уговорю маму согласиться на операцию. Она ведь безболезненная и ничем не грозит. Наверно, уже миллионов пять людей живут с жабрами. И хоть бы что».

Показался второй робот. Он шел медленно и важно, и последние лучи солнца играли на его теле. Он нес в руке палку и тыкал ею в спину старику — типовому деду, которого гнал перед собой. Руки деда были связанны за спиной, борода повисла на грудь, но рот был свободен. Старик что-то сердито бормотал.

«Робот робота ведет», — хотела сказать Алиса, но удержалась. Ведь старики были самыми обычными и хорошо сделанными роботами, хоть и с причудами, потому что был кинозвездой. Он, правда, грозил Алисе палкой на бульваре, но, как потом объяснил Герман, никогда бы ее не ударили. Просто у него была такая роль в кино — сердитый старики.

— Ох, грехи наши тяжкие! — бормотал старики, забираясь в лодку. — За что же это такая напасть — поймали меня железные люди-антихристы!

Тут он увидел Алису и совсем расстроился.

— Дитё-то за что? Это как же получается? Дитё-то малое...

— Молчать! — сказал робот. — Неповинующихся мы отправляем за борт.

— Ой-ой-ой! — сказал старики и умолк.

Робот включил двигатель, и лодка бесшумно прошла к выходу из бухты. Роботы вели ее поближе к скалам — видно, боялись попасться на глаза киношникам. Только отойдя вдоль берега на большое расстояние, лодка повернула в открытое море. Роботы приказали пленникам лечь на дно, а сами достали из-под

скамейки широкие мексиканские шляпы, надели их и издали стали похожи на отдыхающих.

Тихонько шипел двигатель, стучали волночки о пластиковый борт лодки, и Алисе показалось, что с берега кто-то кричит:

— Алиса-а!.. Где ты?

Но, может быть, ей это только показалось.

ХОЗЯИН ПИРАТСКОГО ОСТРОВА

Остров, к которому причалила лодка с пленниками, был невелик, каменист, и, хоть лежал неподалеку от берега, к нему редко приставали лодки. Нечего тут было смотреть. Когда-то, лет двести-триста назад, на острове жили контрабандисты и соорудили здесь каменный дом, вернее, хижину. Крыша ее давно обвалилась, но в ней можно было укрыться от ветра. Недавно здесь работали археологи. Археологи ничего не нашли, но оставили после себя несколько ям и траншей, прорезавших центр острова.

На картах остров не значился — слишком он мал и незначителен, а для судоходства он никакой опасности не представлял — в этот пустынnyй уголок Крымского побережья редко заглядывали суда.

Всего этого Алиса, конечно, не знала. Для нее остров был большой скалой, вылезающей из воды, скалой пустынной, без единого деревца. Солнце уже зашло, и остров был сиреневым и мрачным. Баржа, приткнувшаяся к нему, казалась черной.

Когда лодка подошла к самому берегу, из развалин хижины вышел робот, такой же большой и ржавый, как те, что взяли в плен Алису, и спустился к воде.

— Добыча есть? — спросил он.

— Один большой человек и один маленький, — сказал робот.

— Для начала неплохо, — сказал новый робот. — Я доложу шефу.

Он повернулся, скрипнув суставами, и скрылся в развалинах, бывшем приюте контрабандистов.

Робот вывел Алису и старика на берег, отключил пульт управления. Другой развязал пленникам руки и вынул кляп изо рта Алисы.

— Хулиганы какие-то! — сказала Алиса, отышавшись. — Со мной-то вы справились, а каково вам будет, когда люди возьмутся за вас всерьез!

Роботы как будто не слышали ее. Они стали по стойке «смирно», ожидая, когда снова вышедший из развалин робот подойдет к ним.

— Генерал благодарит за службу, — сказал он.

Роботы в ногу потоптались на месте и замерли.

— Генерал не может сейчас смотреть добычу. Он есть занят.

Роботы снова потоптались и снова замерли.

— Можете отдохнуть, — сказал местный робот. — Но только знать меру. Ясно?

— Так точно! — сказали роботы хором, мигнули круглыми глазами и ушли, сразу забыв о пленниках.

Старик уселся на редкую желтую траву и сказал:

— Воистину хулиганы.

— Дедушка, — сказала ему Алиса, которая совсем забыла, что он сам робот, — дедушка, вы когда-нибудь видели металлических роботов?

— Чегой-то, туды их в качель?

— Да, вы же не знаете.

Алисе приходилось видеть многих роботов, но ни-

когда — металлических. Делать робота из металла не-производительно. Он получится тяжелым, дорогим и непрочным.

— Дедушка, надо дать знак на берег, — сказала Алиса. — Пусть приедут и нас выручат.

— Это дело, внучка, — сказал дед. — Наши завсегда не спят. Помню как сейчас, поднимаемся мы на сопку в Маньчжурии, впереди генерал Гурко на белом коне...

И старик пустился в бесполезные воспоминания о событиях, о которых он по причине того, что был изготовлен всего неделю назад, помнить ничего не мог.

— Дедушка, у вас огня нет?

— Чего?

— Огня. Зажигалки, фонарика...

— Кремень где-то был и огниво...

Старик покопался в карманах серого пиджака, но ничего в них не нашел.

— Видно, обронил.

На каменистой тропинке показались два робота. Они несли по большому камню.

— От кого это они фортификацию возводить задумали? — спросил старик. — Неужто опять турка грозит?

— Нет, они, наверно, людей с берега боятся.

— А это, оно можно бы... — сказал старик.

— Что? — спросила Алиса.

— Забыл, туды-сюды, ранний склероз у меня, инсульты побаиваюсь, — грустно сказал старик. — Беречься надо, да все недосуг. Ага, вспомнил: можно это... оно... то самое, чтобы дымовой сигнал подать, костер разложить.

— Да у вас же огня нет.

— Чего нету, того нету, — согласился дед.

Алиса с дедом медленно пошли по берегу. Вблизи было видно, что роботы немало потрудились на острове. К самой воде выходили неглубокие траншеи, снабженные брустверами, а в одном месте из-за бруствера повыше торчало бревно, грубо раскрашенное под ста-ринную пушку. Бревно привело деда в состояние бур-ного восторга.

— Гляди-ка, — забормотал он, — гляди-ка, фузяя, мортира дальнего боя! Из такой как шаражнем — ни од-ного басурмана на версту вокруг. Орудия, к бо-о-о-ю-у-у! Картечью справа!! Картечью слева!!

— Она ж деревянная, дедушка, — рассмеялась Али-са. — Это чтобы обманывать. Из нее же стрелять нельзя.

— Это верно, — согласился дед-киноробот. — Обма-нуть хотели. Кого?

— Вас, наверно. А может, других людей.

— Меня-то обмануть? Меня-то? Да я их насквозь вижу! От меня они никуда не скроются, туды-сюды!

Они присели на большой плоский камень.

— Красота-то какая! — вздохнул вдруг старик.

Алиса даже удивилась, что старик думает в такой момент о красоте, хотя он был прав.

С берега за серебряной полосой воды поднималась зубчатая стена Крымских гор. Небо над ними было зе-леным и лиловым — солнце скатилось за горы, но не ушло еще далеко и доставало лучами до редких длин-ных облаков.

Первые огни загорелись золотыми точками под гор-ными зубцами и у края воды, но никак нельзя было разобрать, какой из огоньков — лагерь киногруппы.

Зато Алиса увидела, как в море неподалеку от острова ходят кругами дельфины.

— Эй, дельфины, — крикнула Алиса, — скажите нашим, что нас украли!

— Перестань кричать, а то в воду! — раздался голос сзади.

Алиса увидела, что сзади стоит ржавый робот.

— Сейчас я им покажу! — сказал он.

Робот ушел, но через минуту вернулся со странным сооружением в руках. Сооружение напоминало ста-ринный лук. Робот положил на проволочную тетиву самодельную толстую стрелу и выстрелил. Лук был сделан кое-как, и потому стрела полетела вбок, совсем в сторону от дельфинов.

Тогда робот произвел поправку на неточность свое-го оружия и выстрелил не в дельфинов, а в сторону, только в другую. На этот раз стрела тяжело шлепнулась в воду, не долетев до дельфинов метров десять. Дельфины, видно, поняли, что на острове — их враги, и сразу исчезли в море, будто их и не было.

Робот гордо похлопал по луку железной ладонью и сказал:

— Даже с этим примитивным оружием мы разобьем любого врага. Главное не оружие, а вождь.

— А кто ваш вождь? — спросила Алиса.

— Ты, жалкая рабыня, — сказал робот, — даже не имеешь права упоминать его имя.

— Я ничья не рабыня. Рабов больше нет, — сказала Алиса. Она уже проходила древнюю историю и знала про рабов.

— Будут, — сказал робот, положил на тетиву еще одну стрелу и пустил ее в море, по направлению к по-

лузатонувшему судну, напоровшемуся на камни у берега.

— Как вы сюда попали? — спросила Алиса. — Откуда вы такие странные?

— Мы приплыли на нем, — сказал робот, — на корабле, который я сейчас поразил моей точной стрелой, чтобы показать тебе неотразимость моего гнева.

— Ты прекрасно разговариваешь, — сказала Алиса.

— Я командир отделения, капрал. Другие так не умеют, они знают по сто слов. А я — целых триста.

Из развалин послышался звон, будто кто-то бил по железному листу палкой.

— Вечерняя поверка. — Робот вскинул лук на плечо, повернулся со страшным скрежетом и зашагал вверх.

— Может, нырнуть и доплыть до берега? — подумала вслух Алиса.

— И не думай, — сказал стариk. — Я тя не пущу. Опасно для твоей молодой жизни. Не могу, туды-сюды, допустить твоей кончины в пучине морской.

Алиса подумала, что он и впрямь ее не пустит. Роботы обязаны помогать людям в момент опасности и скорее погибнут, чем подвергнут опасности человека. И даже если ты киноробот, все равно блок защиты людей в тебе существует.

— Пойдем тогда посмотрим на поверку. Ведь мы даже не знаем, сколько их там.

Солнце совсем спряталось, вода стала сизой, а на небе высветились крупные южные звезды. Высоко, среди звезд, прошел золотой полосой рейсовый корабль. «Нас, наверно, ищут, — подумала Алиса. — Но как им догадаться, что мы на острове?»

На площадке выстроились в ряд девять железных

Алиса поняла, что это и есть начальник роботов

роботов. У троих были в руках луки, у остальных — толстые железные палки. Роботы чернели на фоне синего неба и были настолько неподвижны, что казались статуями, установленными здесь много лет назад.

— Равняйся! — сказал крайний робот. — Смирно!!

Команда была лишней, потому что роботы и так были подравнены и стояли совершенно смирно. Робот, который командовал, начал стучать себя по животу железными руками, и барабанная дробь посвистала блинчиками по тихому вечернему морю.

Распахнулась сооруженная из листа стали дверь в хижину контрабандистов, и на площадку вышел, еле переставляя ноги, еще один железный робот. Он был выше других ростом, на голове у него была надета ржавая каска, а грудь разукрашена грубо нарисованными крестами. Алиса поняла, что это и есть начальник роботов.

Генерал несколько раз медленно раскрыл рот, но долго не мог извлечь из себя никакого звука. Наконец он повертел головой, что-то щелкнуло, и из глубин его вырвался неожиданно тоненький и скрипучий голос.

— Здорово, молодцы! — сказал он.

— Здорово, шеф! — ответили хором роботы.

— Докладывай, — сказал генерал.

Крайний робот вышел вперед и сказал:

— Завершается строительство стены. Второй и третий номера совершили экспедицию на Большую землю. Захвачено два пленных. Оружия не нашли.

— Плохо, — сказал генерал, — мало. Недостаточно. Неучи. Бомбоубежище?

— Кончим завтра. В два наката.

— Благодарю за службу. Привести пленных ко мне. Установить стражу на ночь. Да здравствую я, ваш вождь!

— Ура! — сказали роботы.

— Ржавейте, но порох держите сухим.

Генерал повернулся, поднял ногу, но нога не опустилась. Он покачивался в неустойчивом равновесии и мог каждую минуту рухнуть на камни. Стена роботов стояла неподвижно.

— На помощь! — приказал генерал. — Опустите мне ногу. Скорее!

— Кому идти на помощь? — спросил крайний робот.

— Тебе.

Робот повиновался. Он всем своим весом нажал на поднятое к небу колено генерала, и нога со скрежетом опустилась на камни. Прихрамывая, генерал ушел к развалинам.

— Где пленные? — спросил робот, помогавший генералу.

— Да вот они. Слышали, что приказано?

Старик с Алисой поднялись к развалинам и вошли внутрь.

Внутри было почти совсем темно, и только сверху сквозь щели в полуобвалившемся потолке проникал неверный сумеречный свет.

Комната была завалена щебнем, трухой и старыми консервными банками. В углу стоял ящик, рядом с ним — грубо обтесанная глыба известняка. Робот-генерал сидел на глыбе рядом с ящиком и держал в руке большие ножницы. На ящике валялись куски консервных банок и коробок от концентратов. Видно, археологи и туристы, забредавшие на остров, почитали за лучшее не засорять отбросами море, а складывать их в

развалинах. Генерал вырезал из крышки консервной банки сложную многолучевую звезду.

— Пришли? — спросил он, не выпуская из рук ножницы. — Стойте и ближе не подходите. Не выношу людей. И молчите. Я занят. Я делаю награду. Красиво? Почему не отвечаете? Правильно делаете, я сам не велел вам отвечать.

Наконец робот закончил свою работу, примерил жестянку на грудь и остался доволен.

— Красиво, — сказал он. — Начнем допрос. Ты, с бородой, первый. Как твое имя?

— Это к делу не касается, — сказал стариk. — Чтоб я железному чудищу сообщения давал? Этому не бывать.

— Какого полка? — продолжал как ни в чем не бывало робот. — Сколько техники? Пушки? Танки? Ну, отвечай теперь.

— Сказал — не буду, туды-сюды. Когда генерал Гурко нас в бой посыпал, он говорил: «Не видать вам, солдатушки, вдов своих и сирот, если не возьмем мы штурмом Сапун-гору». Так-то.

— Запиши, — сказал робот-генерал своему помощнику. — Командир у него генерал Гурко.

— Нечем писать, шеф, — сказал робот.

— Ну, не пиши. И меня не обманывай. Ты же писать не умеешь. Мы никто писать не умеем. И это хорошо. Когда мы победим, никто не будет писать. А что мы будем делать? Ты скажи. А ты? А ты? Не знаете. Маршировать. Все. И работать. И чтобы порядок.

— Вот уж этого не будет, — сказала Алиса. — Вы, наверно, ничего не понимаете или сошли с ума. Вас пора отключить и выкинуть на свалку. Вы даже за-

ржавели. Даже удивительно, что вы до сих пор не переплавлены.

— Молчать! — сказал робот. Что-то в нем закряхтело, забулькало, затрепетало, и он повторил: — Молчать... — Робот помотал головой, продул акустическую систему и продолжал: — Молчать! После допроса в карцер пойдешь. Понятно? Теперь говори, как зовут? Какого полка? Сколько пушек? Где расположено тактическое атомное оружие?

— Ничего не понимаю, — сказала Алиса. — Какое тактическое оружие? Какие пушки?

— Запирается, — сказал генерал. — Мы тебе всыплем. Мы тебя сгноим.

— Ты говори, да не заговаривайся! — рассердился старик. — Как это — сгноим? Ты с кем разговариваешь? Да я тебя сейчас...

— Держи его! — крикнул генерал своему помощнику. — Он нападает!

Робот обхватил старика сзади своими ручищами. У старика упала на землю шляпа, и жидкие синтетические волосы рассыпались во все стороны.

— Хорошо, — сказал генерал роботу. — Получишь орден. Победить меня он бы не смог, я — фаталист. Понятно? Ничего не боюсь и не опасаюсь. Мне не страшен даже пулеметный огонь. И прямое попадание фугаса.

Генерал-робот поднялся во весь рост, скрипнув суставами.

— Проклятая ржавчина! — сказал он. — Нет смазки. Завтра в походе захватите смазочного масла. Нет, я сам вас поведу и сам захвачу смазочное масло. Пленных с утра заставить работать на строительстве

укреплений. А днем расстрелять. Все. Я сказал. Приказал.

— Слушаюсь! — ответил робот.

— Возьми награду и приколи на грудь. Ты теперь награжден.

— Рад служить! — ответил робот и, прижимая к груди жестянку, чтобы не упала, вывел пленных наружу.

Оглянувшись, Алиса увидела, что генерал снова уселся перед ящиком и опять принял вырезать.

— Стойте, — остановил их голос. — Совсем забыл. Ржавчина проклятая. Люди, хотите мне служить? Верно служить? Я награжду.

— Не хотим, — ответила за обоих Алиса. — Мы никому не служим и никого не боимся.

— Посмотрим, как завтра запоешь, — сказал генерал, — когда в твое мягкое человеческое сердце вонзится железная стрела. Идите.

Но не успели пленники с конвоиром пройти нескольких шагов, как скрипучий голос генерала-робота призвал их обратно. Пришлось возвращаться.

— Опять забыл, — сказал генерал. — До Москвы нам еще далеко?

— Далеко, — ответила Алиса, — никогда не дойти своим ходом. Отвезут вас туда на грузовом метро и сделают из вас подсвечники. Самые модные.

— Расстрелять немедленно! — сказал генерал.

— Никак нельзя, — сказал робот. — Темнеет. Можем промахнуться.

— Поднимите по тревоге всех, пусть включат фары в головах.

— Нельзя. Вы приказали экономить энергию, шеф.

— Тогда в карцер. В карцер!

— Да ты, я скажу, помолчал бы. Очень ты меня раздражаешь, туды тя в качель! — сказал стариик. — Я сейчас сам тебя расстреляю из своей палки.

Стариик поднял палку и прицелился из нее, как из старого ружья, в генерала-робота. То ли у старика от обиды померк его роботный разум, то ли он в самом деле не знал разницы между ружьем и палкой, то ли хотел просто припугнуть робота, но результат оказался для киностаричка самым плачевным. Генерал-фаталист испугался и с грохотом рухнул на пол, а второй робот со всего размаху опустил на затылок старика свой железный кулак.

Голова стариичка с треском разломилась, и из нее посыпались мелкие детали электронного мозга. Старичик зашатался, сделал несколько неуверенных шагов, но центр координации его уже был разрушен, и он упал на пол рядом с генералом-роботом.

Алиса замерла от страха и горя. Стариик, хоть и не был человеком, оставался на этом диком острове ее единственным защитником, и она уже привыкла относиться к нему, как к живому дедушке. И вот его убили. Причем роботы-то ведь думали, что он человек. А это значит, что случилось что-то совсем страшное. Роботы могут убивать людей...

Роботов Алиса знала отлично — они были частью мира, в котором она жила. Когда Алиса была совсем маленькой, у нее был робот-сиделка; он знал всякие сказки и умел менять и стирать пеленки. Во многих домах у людей были и роботы-домработники. Но больше всего роботов было занято в тех местах, где людям работать неинтересно. Промышленные роботы мало похожи на людей — это, скорее, разумные машины, которые прокладывают дороги, добы-

вают руду, убирают улицы. Машина-такси — это тоже робот, потому что она умеет не нарушать правила уличного движения. За день до того, как Алиса улетела в Крым, она видела по телевизору робот — космический корабль. Он будет возить грузы на лунные станции, причем не только возить, но и грузить их в себя, садиться в той точке лунного космодрома, которую ему укажет диспетчер, и не отдавать лунным колонистам больше контейнеров, чем им положено.

Роботы появились давно, лет двести назад, но только за последние сто лет — это Алиса проходила еще в первом классе — они заняли такое большое место в жизни людей. Роботов не меньше, чем людей на Земле, но никогда не было случая, чтобы роботы восставали против людей. Это невозможно. Это все равно, как если бы кастрюля, самая обыкновенная кастрюля, отказалась варить суп и начала бы кидать своей крышкой в бабушку. Ведь роботов делают люди, а люди обязательно вкладывают в роботов специальный блок защиты человека. И какой бы ни был у робота большой электронный мозг, этот мозг не может придумать непослушание.

Значит, роботы на острове или все сразу сломались так, как не ломались никогда другие роботы, или — впрочем, это Алисе не пришло в голову — были построены людьми, которые почему-то решили, что роботы могут обойтись и без блока защиты людей.

Стало тихо. Генерал поднял голову и увидел, что рядом лежит разбитый старик. Генерал прибавил света в своей головной фаре и при свете ее разглядел, что старик сделан не из плоти и крови, а из электронных деталей.

— Предательство! — закричал он. — Нас предали! Созывай всех. Совещание.

— А куда второго человека? Может, тоже...

— Пока в карцер. Некогда разбираться. Завтра придется допросить со всей строгостью. Ну...

Второй робот наклонил голову и, подтолкнув Алису к выходу, пошел вперед, уткнув ей в спину граненый палец.

Карцер оказался ямой с крутыми стенами. Робот просто столкнул Алису вниз, и она больно ушиблась о какой-то камень, но плакать не стала. То, что случилось с ней и со стариком-кинороботом, было настолько серьезным, что плакать было просто некогда.

В ЗАМКЕ НА МЫСЕ САН-БОНИФАЦИО

Алиса никогда не слышала о мысе Сан-Бонифацио. Да и вряд ли кто-нибудь из читателей этой повести знает о мысе Сан-Бонифацио. Мыс Сан-Бонифацио акульим плавником поднимается над Средиземным морем, и окружающие его поля желты и неприветливы. Когда-то, лет шестьсот назад, в этом месте пиратская армада Хасан-бэя, состоявшая из двадцати трех быстроходных галер, подстерегла и вдребезги разбила генуэзскую эскадру. Хасан-бей сам завязал петлю на шее генуэзского адмирала, перед тем как того вздернули на рее. По крайней мере, так пишет в своей трехтомной «Истории беззаконий в Средиземном море и Северной Атлантике» известный аргентинский пиратовед дон Луис Эль Диего.

С тех пор мыс Сан-Бонифацио в истории не значился.

Ведь нельзя же считать историческим событием постройку у подножия мыса замка чудаковатого английского баронета. Баронет грезил собственным привидением. Но привидением можно было обзавестись, только построив соответствующий замок, хоть маленький. Конечно, лучше замок настоящий, но английский климат был вреден баронету, и он построил замок на Средиземном море, почти как настоящий, с подъемными воротами и неглубоким рвом, в котором водились лебеди. Баронет поселился в нем и стал ждать, пока в замке заведется привидение. Может быть, привидение и завелось бы, но еще раньше баронет простудился и умер. Замок остался без хозяина. Кому придет в голову селиться в этом пустынном уголке побережья?

Замок пустовал почти полсотни лет. Обветшал и покосился. Туристы, проезжавшие мимо в прогулочных катерах, уже верили словоохотливым гидам, когда те уверяли их, что замок построен королевой Беллой Благочестивой.

Во второй половине двадцатого века замок снова ожил. Новые его владельцы подновили и подкрасили стены, обнесли замок и мыс двумя рядами колючей проволоки и у единственного проезда поставили часовых. Иногда к замку подъезжали крытые грузовики, и тогда во дворе начиналась суета. Рабочие и люди неизвестной национальности и неизвестных занятий разгружали с грузовиков ящики и контейнеры и вносили их в обширные подвалы замка.

Крестьяне соседней деревни некоторое время судачили о новых обитателях замка, но понемногу разго-

воры смолкли, как огонь, который ничто не поддерживает. Как-то в небольшой газете была опубликована статья об одной тайной организации, готовящейся к войне, и в этой статье промелькнуло название замка у мыса Сан-Бонифацио как об одной из баз этой организации. Но лица, упомянутые в статье, привлекли газету к суду за клевету, и газете пришлось уплатить большой штраф, потому что она не могла представить суду никаких документов, а единственный ее свидетель был найден мертвым за день до процесса.

Прошло еще несколько десятков лет. Люди забыли уже и об организациях, которые готовили войну, и о самом замке. Замок, покинутый последними хозяевами, рассыпался, а колючую проволоку пастухи аккуратно собирали и свалили в выгребную яму.

Как видите, мыс Сан-Бонифацио пока не имеет ровным счетом никакого отношения к нашей повести, но случилось так, что дней за десять до того, как Алиса прилетела в Крым, Туристский центр Северного Средиземноморья решил построить возле мыса флаерную станцию и небольшую гостиницу для любителей подводного плавания.

Туристский центр — крупная организация, и он не любит терять время понапрасну. Утром было принято решение, днем три грузовых флаера привезли к мысу строительных роботов-стройботов и одного студента.

Стройботы выдвинули широкие лопаты и принялись расчищать строительную площадку от каменных груд, оставшихся от старого замка, а студент нашел одиночную смоковницу и присел в ее тени читать бессмертный труд Ахмедзянова «Выведение шестиногих кроликов в домашних условиях». Студент учился на робото-электронном факультете, но был не удовлетворен

жизнью и решил с осени поступить также и на факультет генной технологии, факультет модный, куда попасть нелегко — конкурс восемьдесят человек и десять инопланетян на каждое место.

Стройботы разгребали мусор, студент упоенно листал Ахмедзянова, вокруг жужжали пчелы, и легкий ветерок перебирал листья смоковницы. И вдруг один из стройботов ухнул и провалился под землю. При этом он произвел такой шум, что студент оторвался от книги, пересчитал стройботов и сразу понял, что одного не хватает.

Студент побежал к темному провалу в земле. Стройбот грозно шевелился в темноте, раздвигая какие-то гремящие и шуршащие предметы.

Студент велел стройботу включить лобные фары и при свете их спустился вниз. Оказывается, стройбот упал в подвал замка, заваленный вещами и документами, оставшимися от его последних владельцев. Студент очень удивился и, выбравшись на поверхность, немедленно связался с ближайшим городом, откуда через полчаса примчались на катере три историка.

Найдка превзошла все ожидания. Последние владельцы замка и в самом деле, оказывается, готовились к войне. Этому были свидетельством ящики с документами, стрелковое оружие столетней давности, груды сухих батарей, патроны, мундиры несуществующих армий, консервы и даже разобранный на части танк с противоатомной защитой. В углу подвала стояли забытые роботы.

Это были удивительные роботы. Историкам был известен только один вконец проржавевший экземпляр подобного рода. Это были роботы-солдаты. Они умели подчиняться военным командам и, если слышали при-

каз «убей», могли убивать и людей. В этих роботах просто-напросто не было блока защиты человека. Роботы сильно запылились и кое-где заржавели, но когда одного из них вытащили на поверхность и включили, он медленно повернул голову, оглядел желтую долину, море и похожий на акулий плавник мыс Сан-Бонифацио и сказал скрипучим голосом:

— К боевым действиям готов. — Потом помолчал, сердито сверкая единственным глазом на пораженных историков, и добавил: — Где есть твой командир?

Робот говорил по-русски и был явно предназначен для действий на Восточном фронте.

Вызванный срочно из Антарктидбурга крупнейший специалист по истории роботики Синити Комацу обследовал роботов, задал им несколько наводящих вопросов и объявил, что использовать их уже не удается. Они запрограммированы солдатами, и их куда проще переплавить, чем перестраивать и перевоспитывать.

Четырех роботов тут же поделили между собой музеи, им же достались оружие и документы, а остальных отправили на переплавку.

Воспользовались для этого катером, на котором приехали историки. К нему прицепили небольшую пластиковую баржу. В катер уселся студент, не расстававшийся с книгой, а на баржу погрузили роботов. Никто не заметил, что при погрузке один из роботов случайно включился.

Студент читал о шестиногих кроликах и так увлекся, что не услышал предупреждения о надвигающемся шторме. Небо неожиданно потемнело, подул резкий ветер, по морю пошли рядами белые, пенистые барашки. Студент и дальше не замечал бы ничего

вокруг, но первая же большая волна ворвалась в распахнутую дверь каюты и смыла за борт книгу Ахмедзянова и еще несколько не менее интересных учебников.

Только тогда студент спохватился, дал сигнал SOS и осторожно выглянул наружу. Баржа с роботами моталась на конце троса, стараясь оторваться от катера, тянула его назад и вообще угрожала безопасности молодого человека. Он сразу сообщил об этом на берег и получил разрешение отрубить трос и идти обратно. Так он и сделал и благополучно вернулся домой.

А одному своему близкому приятелю он рассказал (правда, приятель ему не поверил), что когда он хотел обрезать трос, то увидел, что над баржей поднялась высокая фигура и оборвала трос с другой стороны. Больше того, студент уверял, что это был один из металлических роботов. Кроме своего приятеля, молодой человек никому об этом не сказал, опасаясь, что его могут заподозрить в трусости.

Все решили, что баржа утонула.

На самом же деле она не утонула. Несколько дней ее носили по Средиземному морю волны затянувшегося шторма, потом пронесли ее, полузатопленную, через Босфор и в конце концов выбросили на берег небольшого острова у Крымского побережья.

Роботы, проржавевшие за дни скитания по волнам, повредившие в качке некоторые ценные детали своих электронных мозгов, выбрались на берег и тут, просохнув, начали действовать. Один из десяти в свое время был запрограммирован как робот-шеф, способный принимать решения в присутствии противника и командовать другими.

Шеф-робот организовал свою команду на военный лад, и в его проржавевшем мозгу появилась мысль о том, что если уж он оказался на острове, то, значит, ожидавшаяся сто с лишним лет война все-таки началась и пора приступать к покорению противника. Себя он произвел в генералы.

В первый же день на острове роботы обнаружили среди камней большую железную бочку. И генерал-робот послал двоих своих солдат на берег, в разведку.

Они вернулись через несколько часов, не одни, с добычей — двумя пленными — Алисой и стариком-кинороботом.

Алиса об этом не знала, да и не могла предположить, что когда-то на земле люди, которые были настолько учеными, что умели делать говорящих роботов, могли готовить их для войны с другими людьми, например с Алисиной дедушкой или с прадедушкой.

Не подозревал об этом и Герман Шатров, который, как и вся киногруппа, и Светлана Однокая, не ложился спать в ту ночь, а обшаривал с фонарями ближайшие скалы в поисках Алисы и старика. Не спали спасатели Крымской станции, флаеры которых, плохо оборудованные для ночных полетов, кружили над побережьем; не спали и туристы, лагерь которых — двадцать три палатки — лежал за горой. Туристы тоже искали девочку и старика...

Не подозревал об этом и Алисин отец, директор Московского зоопарка. Правда, он спал спокойно, зная, что Алиса в полной безопасности в Крыму, с его приятелем Германом Шатровым, — отцу пока ничего сообщать не стали.

... В половине первого ночи спасатель Соснин, пролетая на бреющем полете над одной незаметной бух-

точкой и осветив ее, увидел на песке несколько следов, превышающих размером человеческие. Следы вели наверх, по склону горы. Пролетев над цепочкой следов, он увидел в одном месте рассыпанные ракушки и камешки, которые переливчато заблестели под светом его фонаря.

ПАДЕНИЕ РЖАВОГО ФЕЛЬДМАРШАЛА

Алисе было страшно. Алисе было жалко старика. Но еще Алисе очень хотелось пить и есть... Она сжалась в углу ямы и закрыла глаза. И сейчас же увидела большой, больше ее, бокал с лимонадом. Лимонад переливался через край, и шипучие брызги его прыгали по камням.

Алиса открыла глаза, чтобы отогнать наваждение. В яме было совсем темно, и только в неровном четырехугольнике неба горели звезды. Алисе пришла в голову мысль, что в сумке, о которой она совсем позабыла, может завалиться что-нибудь съестное. Это, конечно, была чепуха, и Алиса понимала, что это чепуха, но все-таки она расстегнула сумку и, замерев от возможности удачи, тихонько сунула туда руку. Но ничего не произошло. В сумке лежали аппарат миелограф, носовой платок и кляссер с менными марками. И еще несколько ракушек и камешков, найденных на берегу. С горя Алиса положила один из них в рот и стала сосать. Но пить все равно хотелось.

— Робот! — позвала Алиса. — Робот, я хочу пить!

Никто не отозвался.

Может, закричать громко, так громко, чтобы все эти роботы испугались и забегали? Но Алиса не решилась.

Она видела, как погиб старик, и понимала, что роботы могут убить и ее, если подумают, что она выдаст своим криком их убежище.

А может, на островке и вообще нет воды? Работам ведь она не нужна. Пить хотелось так, что горело в рту и голова казалась большой и гулкой...

Алиса встала и обошла свою тюрьму, ощупывая стены руками. С одной стороны стена была покатой, и Алиса попробовала выкарабкаться, но утыканная камешками земля не удержала ее, и Алиса скользнула вниз. Алиса испугалась, что роботы могут услышать, как она барахтается в яме. Она прислушалась. Вроде бы все тихо. Но ведь роботы не спят. Один из них мог притаяться у ямы, и, когда Алиса вылезет, он ударит ее. Постойте, ведь есть же миелофон!

Алиса достала его из сумки и вставила в ухо наушник. В аппарате что-то очень тихо потрескивало, но ни мыслей, ни голосов не было слышно. Алиса покрутила колесико миелофона, посылая его волны в разные стороны, но так ничего и не услышала. Значит, вблизи роботов нет.

Алиса выплюнула камешек и сделала еще одну попытку выкарабкаться из ямы. Она уминала ногами ступеньки в откосе и, прижимаясь животом к склону, медленно ползла вверх. Было темно, камешки и песчинки скатывались вниз, ноги скользили, и приходилось замирать, распластавшись, чтобы удержать равновесие. Путешествие наверх казалось Алисе бесконечным, и она уже начала думать, что никогда не выберется из этой ямы, как вдруг руки ее, протянутые вверх, вместо стены встретили пустоту...

Алиса выползла на поверхность островка и минуты две лежала, отдыхала и слушала, не идет ли кто-нибудь. Тихо. Теперь надо решить, в какой стороне может быть вода, если она есть на островке. Алиса решила, что если вода здесь есть, то она должна, в конце концов, стекать с острова в море, и поэтому лучше всего обойти остров вокруг. Она спустилась на четвереньках к морю и присела за камнем.

Взошла луна, и море было разрезано лунным светом на две половинки. Лунная дорожка убегала к далекому берегу и упиралась в черную полосу гор. Среди гор мерцали разноцветные огоньки домов и палаточных лагерей. В одном месте на берегу горел костер, и белый столбик дыма от него был ясно виден на черном теле горы.

«Поздно спать не ложатся», — подумала Алиса, не догадываясь, что костер горит в лагере туристов потому, что на костре висит котелок с черным кофе, — группы, возвращающиеся с поисков Алисы, пьют этот кофе, чтобы не заснуть.

С неба протянулась к кромке воды полоска прожектора с невидимого в темноте флаера. Лучик ощупывал бухточки. Это тоже искали Алису. А горстка огоньков напротив островка означала вовсе не освещенный домик и не карнавальное шествие — киношники и спасатели обшаривали берег бухточки, где были обнаружены полчаса назад следы роботов.

Алисе захотелось нырнуть в воду и поплыть к далеким огонькам, но она понимала, что утонет — она очень устала и ослабела без воды и пищи, переволновалась, и руки двигались еле-еле, не слушались.

И даже коленки дрожали.

Только Алиса решилась продолжить свое путешест-

вие в поисках воды, как неподалеку раздались тяжелые редкие шаги. Один из роботов медленно спускался к морю. На мгновение его силуэт заслонил лунную дорожку, и Алиса узнала по фуражке генерала-робота. Он подошел к воде и остановился, с хрустом подняв железные руки и скрестив их на груди.

Теперь Алисе никак нельзя было вылезать из-за камня: робот обязательно услышал бы ее. А генерал все не уходил. Он стоял на берегу, смотрел на огоньки далекого берега и, наверно, думал. Может, стоит узнать его мысли? Алиса тихонько достала наушник из сумки. Повернула колесико на миелофоне, пока не настроилась на мысли робота. И вот они уже ясно слышны. Робот думал медленно и со скрипом. *«Десант... Надо высадить десант затемно. Они не ждут нападения? Нет подкреплений. Нет связи с центром... Завтра будет связь... На острове в крепости оставим охранение... Человека маленького надо убрать. И в воду. Чтобы следов не осталось... в воду. Всегда надо концы в воду...»*

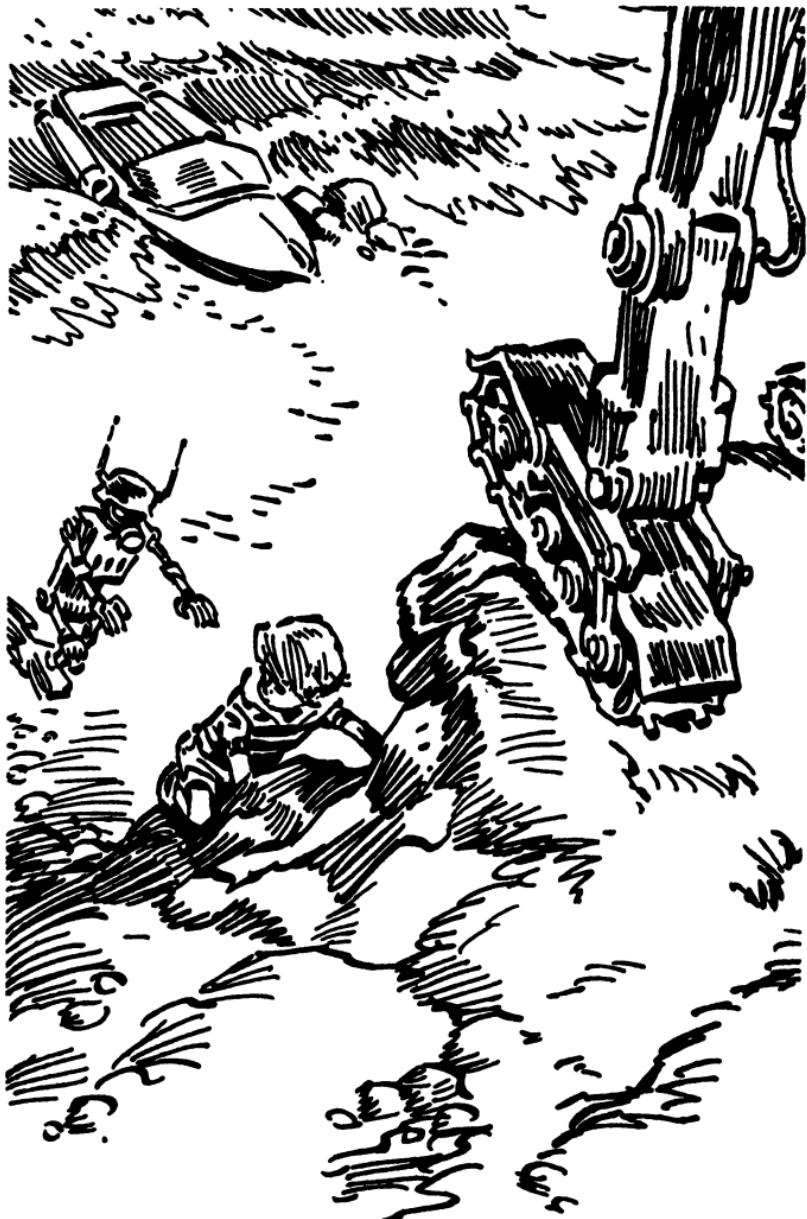
— Я генерал, — сказал вдруг робот вслух. — Я произвожу себя в генерал-лейтенанты. Завтра произведу себя в фельдмаршалы.

И снова мысли:

«... Мы освободим всех пленных роботов, и армия моя несокрушима... пора поднимать по тревоге... Нет, сначала сам уберу маленького человека... он слишком много знает...»

Робот перестал думать, опустил руки, ударив со звоном ладонями по бокам, и пошел наверх, к тюрьме, из которой Алиса так недавно выбралась.

Алиса поняла, что теперь не до воды. Надо спрятаться, пока ее не нашли. Она выскочила из-за камня

Алиса металась по берегу, увертываясь от протянутых рук

и побежала вдоль берега, ища надежное укрытие. Но островок был гол, и обыскать его можно было в две минуты.

Меж камней темнело углубление. Алиса нырнула туда и замерла. Обеспокоенные роботы так топали по островку, что началось небольшое землетрясение.

Вот шаги робота все ближе и ближе... Топ-топ... Остановились у Алисиного убежища. Неужели она плохо спряталась?

Яркий свет ударили в глаза. Робот зажег фару на полную мощность и шарил ее лучом по камням.

— Здесь! — крикнул он. — Человек есть здесь!

Железная рука протянулась к Алисе, и она попыталась увернуться от нее, прижимаясь к стенке. Рука прошла в сантиметре от Алисиного лица и ударила протянутыми вперед пальцами о камень. Алиса воспользовалась секундной заминкой и, оцарапав плечо о ржавую ногу, выбежала на берег.

И тут же ей в лицо ударили свет прожектора другого робота. Ее заметили. Алиса металась по берегу, увертываясь от протянутых рук, от камней, которые кидали в нее, правда, не очень метко, железные солдаты, но кольцо сдвигалось...

— Бери живой! — крикнул генерал-робот над самым ее ухом, и Алиса скорее почувствовала, чем увидела, руку, тянувшуюся к ее голове. Алиса отпрыгнула, ударила носом о что-то твердое, пробежала несколько шагов, остановилась и обернулась.

Генерал побежал за Алисой, но споткнулся и с грохотом покатился по камням.

Из воды, метрах в двадцати от берега, черным углом торчал нос полузатопленной баржи, на которой роботы приплыли на остров. Вот где можно спрятаться.

Алиса вошла в воду, подняв высоко над головой сумку с миелофоном, и, как только вода достигла груди, поплыла, подгребая одной рукой и стараясь не производить никакого шума.

Сумка оказалась тяжелой, и очень хотелось бросить ее в воду, но Алиса знала, что миелофон — ценный аппарат и надо его обязательно сберечь.

Плавала Алиса неплохо и даже сейчас, усталая и избитая, добралась до черного носа минуты за три, перебралась через борт и уселась на угол рубки, уходящей в воду.

Роботы перекликались, топали по острову, разыскивая ее. Вот один подбежал к самому берегу напротив баржи и осветил фарой песок, чтобы разыскать следы. Алисе было холодно и хотелось попрыгать, чтобы согреться, а приходилось сидеть и не двигаться.

Стрекотание флаера послышалось почти над головой. Флаер зажег прожектор и рыскал им по острову. Роботы замерли и замолчали. Луч скользнул по берегу, по барже, но Алиса не посмела пошевелиться и привлечь внимание летчика к себе. Вдруг тогда роботы догадаются, что она прячется так близко от них, и заберутся на баржу раньше, чем придет помочь!

Теперь Алиса не сомневалась, что флаер был послан ее друзьями. Ее разыскивают. И обязательно найдут. Но сейчас важнее было другое — надо предупредить людей на берегу, что роботы собираются вот-вот начать наступление. А ведь люди там, туристы и отдыхающие, даже не подозревают, что роботы могут нападать на людей. И роботы застанут их врасплох и могут кого-нибудь убить или ранить. Жалко, что не удалось

найти, где у них спрятана лодка. Хотя лодку они, как сказал генерал, охраняют. «Придется, видно, плыть к берегу, — решила Алиса. — Может быть, я не утону и тогда успею раньше, чем роботы. Только надо это сделать незаметно. Подождать, пока они не прекратят поиски».

Флаер улетел, и роботы, включив прожекторы, шарили лучами по воде, думая, наверно, что Алиса попыталась уплыть с острова и не успела отплыть далеко.

— Человек мог спрятаться на барже, — сказал вдруг явственно скрипучий голос на берегу.

— Но мы теряем время. Пора в поход.

— Сначала убьем человека. Проверьте баржу.

Шаги робота удалились по берегу.

Алиса поняла, что больше ждать нельзя. Она спрятала сумку с миелофоном в углубление на палубе баржи, надеясь, что роботы в спешке не найдут аппарата. Потом она спустила ноги за борт, повисла на руках и, оторвавшись от борта, сразу ушла вглубь. Вынырнула и поплыла к берегу. Алиса еще не успела высохнуть, на ветру было холодно, и вода поэтому показалась ей в первый момент теплой, как будто ее специально нагрели.

Сколько до берега? Меньше километра. Теперь они ее никогда не найдут...

И в этот момент в лицо ей ударили яркий луч.

Алисе так хотелось надеяться, что это фонарь ее друзей, что она подняла руку над водой и крикнула:

— Я здесь! На помощь!

В ответ раздался скрипучий смех ржавого фельдмаршала.

Еще и еще фонари впивались в лицо Алисе.

Оказывается, роботы были не так уж глупы. Они успели спустить в воду надувную лодку и даже запустить ее беззвучный мотор — поэтому Алиса и не заметила их приближения.

Алиса пыталась нырнуть, но и тут роботы ее перехитрили.

Как только ее голова вновь показалась над водой — рука робота схватила ее за волосы и втащила в лодку.

Алиса пыталась отдохнуться. Железная рука придавила ее грудь, и Алисе казалось, что сейчас робот раздавит ее. Дышать было очень трудно.

— Раз-два-три-четыре! — скомандовал робот.

Лодка закачалась, вокруг Алисы шла какая-то суетня. Потом все стихло.

Фельдмаршал резким движением перехватил Алисичку руку, посадил ее рядом с собой и сказал:

— Смотри и удивляйся, человеческий шпион!

Алиса посмотрела вокруг. И в самом деле было отчего удивляться. Лодка оказалась пустой.

Только она и робот-генерал с железным гарпуном в лапе.

— А где все остальные? — спросила Алиса.

Робот довольно захохотал. Хохот у него был такой, словно били колотушкой по бочке.

— А это видишь? — спросил он, показывая на минимизатор.

Чемодан стоял у его ног, закрытый, черный, мирный.

— Я не такой дурак, — сказал робот. — Я принес этот ящик к себе в штаб. Я стал смотреть внутрь. Я увидел — сколько в нем лежит маленьких вещей. Я их

стал вынимать, и вещи стали большие. Это очень хитрое военное изобретение. Мне оно понравилось.

— Это совсем не военное изобретение, — сказала Алиса.

— Не возражать! Это универсальное десантное средство. Я все понял. За это я был награжден следующим чином. Можешь обращаться ко мне: господин фельдмаршал.

— Но зачем вам оно?

— Не притворяйся.

Не отпуская Алисиной руки, робот-фельдмаршал открыл минимизатор и позволил Алисе заглянуть внутрь. Сам же он направил в минимизатор свет своего налобного фонаря.

И Алиса с ужасом убедилась в том, что внутри минимизатора стоят рядами ржавые роботы — махонькие, как игрушки, каждый меньше мизинца.

Робот-фельдмаршал захлопнул минимизатор.

— Теперь вы будете побеждены, — сказал он. — И даже не сообразите, как это случилось.

— Но я вам зачем?

— Ты нам нужна, — сказал робот, — чтобы ввести в заблуждение охрану побережья.

Он поднял со дна лодки соломенную шляпу старика-киноробота и натянул ее на свою голову.

— Теперь мы с тобой мирные поселяне, которые катаются на лодочке. И если кто-то нас выслеживает, он никогда не догадается, что началось великое наступление. Если ты, человечий детеныш, будешь вести себя смирно и исполнять все мои указания, я тебя отпущу живой и, может, даже награжу медалью. Но если ты попытаешься меня обмануть, то ты не проживешь и секунды!

И тут Алиса в самом деле испугалась. Она понимала, что они с каждой минутой все ближе подплывают к берегу, на котором отдыхают тысячи людей. Люди сейчас собираются спать, ходят по берегу, любуются звездами, укачивают детей — и не подозревают, что к берегу приближаются настоящие безжалостные убийцы.

— Хорошо, — сказала Алиса, — я буду вам помогать. Только отпустите мою руку. Мне больно.

— Я этого не сделаю, — сказал робот, — я тебе не верю. Я никому не верю. Я даже себе самому не верю.

— Но куда я уплыву! — воскликнула Алиса. — Ведь ваша лодка плывет быстрее меня, вы же меня догоните!

— Ты так думаешь? — хватка робота ослабла.

И тут Алиса увидела, что в воде недалеко от лодки скользит черная полоса.

Неужели дельфины?

Было почти совсем темно, и темные тени двигались быстро и беззвучно. Конечно же, дельфины. Как жаль, что они все-таки не умеют говорить... Но может, они поймут?

Если бы удалось схватиться за плавник дельфина — тогда бы лодка ее не догнала!

Рискнуть? А вдруг дельфины испугаются?

Но нельзя же сидеть так и ждать, пока военные роботы начнут топать по мирному берегу?

— Дельфины! — крикнула Алиса. — На помощь!

И, вырвав руку у робота, она кинулась в воду.

Вода сразу забурлила вокруг. Алиса вынырнула и поняла, что ни одного дельфина рядом нет.

А нос лодки разворачивался в ее сторону. Она уви-

Вдвоем дельфины быстро понесли Алису к берегу

дела черный силуэт робота, который поднялся над лодкой и занес руку с железным гарпуном. Вспыхнул свет его фонаря...

Все погибло, подумала Алиса.

И в тот же момент упругое тело дельфина ударило снизу. Она инстинктивно схватилась за высокий скользкий плавник. Дельфин пошел в сторону, и Алиса не увидела, но почувствовала, как вонзился в воду железный гарпун.

Второй дельфин подплыл к Алисе. Вдвоем дельфины быстро понесли ее к берегу.

Рядом можно было разглядеть спины и смеющиеся рыла других дельфинов.

— Стой! — рычал робот, шаря лучом фонаря по воде.

Стрела шлепнулась о воду рядом с ними.

Вторая поразила одного из дельфинов.

Он застонал, как человек.

— Не смей! — крикнула Алиса, но, конечно, за плеском и шумом ее голос был не слышен.

Берег был уже совсем близко — его черный обрыв закрывал звездное небо. И над обрывом мелькали яркие огоньки.

— Плохие люди, — сказал дельфин. — Мы таких не знаем.

— Это не человек! — сказала Алиса, совсем не удивившись, что дельфины говорят — не до удивления было. — Это железные роботы. Это машины. Это злые машины.

Дельфины запищали, засвистели, видно, старались понять, что же произошло.

— Это не люди? — спросил снова дельфин, который помогал Алисе.

— Это враги людей.

Дельфин громко свистнул, и тут же черные спины других дельфинов ушли в сторону.

— Смотри, — сказал дельфин, разворачиваясь.

И Алиса увидела, как сразу несколько дельфинов ударили в борт надувной лодки, посреди которой стоял робот-фельдмаршал.

Лодка накренилась, зачерпнула воды, робот не удержал равновесия и рухнул в воду, подняв высокий фонтан брызг.

— Молодцы! — закричала Алиса. — Ура!

И тут же сообразила, что там, в лодке — минимизатор. Он тоже утонет!

— Лодка! — крикнула Алиса, глядя, как та раскачивается на волнах. — Мне надо в лодку!

Дельфин не стал ничего спрашивать. Он в несколько секунд доплыл до лодки и замер рядом.

Алиса перебралась в лодку.

Чемодан-минимизатор лежал на дне.

— Спасибо вам, дельфины! — крикнула Алиса.

— Пожалуйста, смелая девочка.

— У вас есть раненый, — сказала Алиса, направляя лодку к берегу. — Вам нужна помощь? Я вызову врача?

— Не надо, — ответил дельфин. — Рана не опасная.

И дельфины растворились в ночи.

Будто их и не было.

Стояла глубокая ночная тишина. С берега долетало пение цикад.

Лодка ткнулась носом в камни.

Алиса вытащила на берег минимизатор.

И тут услышала, как ее зовут.

— Алиса! — перекатывалось по обрыву. — Алиса?
Ты где? Алисааа!

— Я здесь! — крикнула Алиса. — Я здесь.

Через минуту она оказалась в центре толпы.

Кого здесь только не было! И спасатели, и Вася, и Герман, и, конечно же, Светлана Одинокая.

— Ты жива, ты не ранена? Тебе не больно? Где ты была? — слышалось со всех сторон.

— Я все расскажу, — ответила Алиса. — Но сначала я должна отдать Светлане минимизатор.

— Спасибо, Алиса, — сказала Светлана. — А я голову ломала, зачем ты его взяла?

— Нет, не я его взяла, — сказала Алиса, чувствуя, что у нее подгибаются ноги.

И тут она увидела, что Светлана, положив минимизатор на камни, открывает его.

— Осторожнее! Нельзя! — крикнула Алиса.

Но было уже поздно.

Светлана вскрикнула.

Все фонари были направлены на нее. Светлана прижала к щеке пальцы, и между ними текла тоненькая струйка крови.

— Что это? — Светлана вытащила из щеки вонзившуюся в нее булавку.

— Это боевая стрела, — сказала Алиса. — В минимизаторе сидят боевые роботы, которые хотят завоевать Землю.

И в самом деле, в следующее мгновение булавка превратилась в большую железную стрелу.

Поэтому минимизатор пришлось закрыть.

В следующий раз его открыли уже только на заводе по переплавке металла.

Утром, выспавшись, все рассказав, обклеенная пла-

стырем и обмазанная лечебной мазью, Алиса вместе с киногруппой и журналистами поехала на пиратский остров. С ними была и Берта, которая примчалась из Москвы на метро. Она была одета в фиолетовый парик и живое платье из венерианских водорослей, которое все время меняло цвет и рисунок. Берта всю дорогу допрашивала Алису, не почудилось ли ей, что дельфины с ней разговаривали?

Остров был пустынен, в развалинах штаба робота-фельдмаршала гулял ветер. На ящике валялись большие ржавые ножницы и куски жести, из которой фельдмаршал вырезал награды для своих подчиненных.

Техник из киногруппы осторожно поднял тело старика-киноробота и отнес на катер, чтобы срочно починить.

Алиса показала журналистам яму, в которой она сидела. На ее стенке сохранились углубления-ступеньки, по которым Алиса выбралась из плена.

На обратном пути заглянули на полу затопленную баржу, и Алиса взяла сумку с миелофоном.

Остров постепенно уменьшался, упывая в море. Катер возвращался к берегу. Приключение закончилось.

Светлана наклонилась к Алисе и прошептала:

— Я дозвонилась Никитину. Он попросил прощения.

— За что?

— За все, в чем был и не был виноват, — сказала Светлана. — Он совсем не такой плохой.

— Я тоже так думаю.

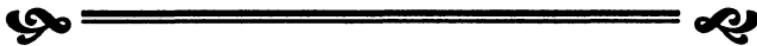
Совсем недалеко от берега катер догнала стая дельфинов. Они плыли некоторое время рядом, резвясь

и ныряя. Потом повернули в открытое море. Один из них отстал, поглядел на катер и крикнул тонким голосом:

— Хорошо, Алиса!

— До свидания! Спасибо, дельфины! — ответила Алиса.

Берта сначала не поверила собственным ушам, а когда поверила, упала в обморок.

ПУТЕШЕСТВИЕ АЛИСЫ

Фантастическая повесть

Глава 1

ПРЕСТУПНИЦА АЛИСА

Я обещал Алисе: «Кончишь второй класс — возьму тебя с собой в летнюю экспедицию. Полетим на корабле «Пегас» собирать редких животных для нашего зоопарка».

Я сказал об этом еще зимой, сразу после Нового года. И заодно поставил несколько условий: хорошо учиться, не делать глупостей и не заниматься авантюрами.

Алиса честно выполняла условия, и, казалось, ничто не угрожало нашим планам. Но в мае, за месяц до отлета, случилось происшествие, которое чуть было все не испортило.

В тот день я работал дома, писал статью для «Вестника космозоологии». Сквозь открытую дверь кабинета я увидел, что Алиса пришла из школы мрачная, бросила с размаху на стол сумку с диктофоном и микрофильмами, от обеда отказалась и вместо любимой в

последние месяцы книги «Звери дальних планет» взялась за «Трех мушкетеров».

— У тебя неприятности? — спросил я.

— Ничего подобного, — ответила Алиса. — С чего ты взял?

— Так, показалось.

Алиса подумала немного, отложила книгу и спросила:

— Пап, а у тебя нет случайно золотого самородка?

— А большой тебе нужен самородок?

— Килограмма в полтора.

— Нет.

— А поменьше?

— Честно говоря, и поменьше нет. Никакого нет у меня самородка. Зачем он мне?

— Не знаю, — сказала Алиса. — Просто мне понадобился самородок.

Я вышел из кабинета, сел с ней рядом на диван и сказал:

— Рассказывай, что там у тебя произошло.

— Ничего особенного. Просто нужен самородок.

— А если совсем откровенно?

Алиса глубоко вздохнула, поглядела в окно, наконец решилась:

— Пап, я преступница.

— Преступница?

— Я совершила ограбление, и теперь меня, наверно, выгонят из школы.

— Жалко, — сказал я. — Ну, продолжай. Надеюсь, что все не так страшно, как кажется с первого взгляда.

— В общем, мы с Алешей Наумовым решили поймать щуку-гиганта. Она живет в Икшинском водохра-

нилище и пожирает мальков. Нам о ней рассказал один рыбак, ты его не знаешь.

— А при чем здесь самородок?

— Для блесны.

— Что?

— Мы в классе обсуждали и решили, что надо щуку ловить на блесну. Простую щуку ловят на простую блесну, а гигантскую щуку надо ловить на особенную блесну. И тогда Лева Званский сказал про самородок. А у нас в школьном музее есть самородок. Вернее, был самородок. В полтора килограмма весом. Его школе один выпускник подарил. Он его с пояса астероидов привез.

— И вы украдли золотой самородок весом в полтора килограмма?

— Это не совсем так, папа. Мы его взяли взаймы. Лева Званский сказал, что его отец геолог и он привезет новый. А пока мы решили сделать блесну из золота. Щука наверняка клюнет на такую блесну.

— А дальше что?

— Дальше ничего особенного. Мальчишки испугались открыть шкаф. И мы тянули жребий. Я бы никогда не стала брать золотой самородок, но жребий упал на меня.

— Пал.

— Что?

— Жребий пал на тебя.

— Ну да, жребий упал на меня, и я не могла отступить перед всеми ребятами. Тем более, что этого самородка никто бы и не хватился.

— А потом?

— А потом мы пошли к Алеше Наумову, взяли лазер и распилили этот проклятый самородок. И поеха-

ли на Икшинское водохранилище. И щука откусила нашу блесну.

Алиса подумала немного и добавила:

— А может, и не щука. Может быть, коряга. Блесна была очень тяжелая. Мы искали ее и не нашли. Ныряли по очереди.

— И ваше преступление открылось?

— Да, потому что Званский обманщик. Он принес из дома горсть алмазов и говорит, что золота нет ни кусочка. Мы его отправили с алмазами домой. Нужны нам его алмазы! А тут приходит Елена Александровна и говорит: «Молодежь, очистите музей, я сейчас сюда первоклашек на экскурсию приведу». Бывают же такие несчастливые совпадения! И все тут же обнаружилось. Она к директору побежала. «Опасность, — говорит (мы под дверью слушали), — у кого-то пробудилось в крови прошлое!» Алешка Наумов, правда, сказал, что он всю вину на себя возьмет, но я не согласилась. Если жребий упал, пусть меня и казнят. Вот и все.

— И все? — удивился я. — Так ты созналась?

— Не успела, — сказала Алиса. — Нам срок дали до завтра. Елена сказала, что или завтра самородок будет на месте, или состоится крупный разговор. Значит, завтра нас снимут с соревнований, а может, даже выгнут из школы.

— С каких соревнований?

— Завтра у нас гонки в воздушных пузырях. На первенство школы. А наша команда от класса — как раз Алешка, я и Еговров. Не может же Еговров один лететь.

— Ты забыла еще об одном осложнении, — сказал я.

— О каком? — спросила Алиса таким голосом, будто догадывалась.

— Ты нарушила наш договор.

— Нарушила, — согласилась Алиса. — Но я надеялась, что нарушение не очень сильное.

— Да? Украдь самородок весом в полтора кило, распилить его на блесны, утопить в Икшинском водохранилище и даже не сознаться! Боюсь, что придется тебе оставаться, «Пегас» уйдет без тебя.

— Ой, папа! — сказала Алиса тихо. — Что же теперь делать будем?

— Думай, — сказал я и вернулся в кабинет дописывать статью.

Но писалось плохо. Очень уж чепуховая история получалась. Как маленькие детки! Распилили музейный экспонат.

Через час я выглянул из кабинета. Алисы не было. Куда-то убежала. Тогда я позвонил в Минералогический музей Фридману, с которым я когда-то встречался на Памире.

На экране видеофона появилось круглое лицо с черными усами.

— Леня, — сказал я, — у тебя нет в запасниках лишнего самородка весом килограмма в полтора?

— Есть и в пять килограммов. А зачем тебе? Для работы?

— Нет, дома нужно.

— Не знаю, что тебе сказать, — ответил Леня, закручивая усы. — Они ведь все оприходованы.

— Мне какой-нибудь самый завалящий, — сказал я. — Дочке в школе понадобился.

— Алисе?

— Алисе.

— Тогда знаешь что, — сказал Фридман, — я тебе дам самородок. Вернее, не тебе, а Алисе. Но ты мне заплатишь добром за добро.

— С удовольствием.

— Дай на один день синебарса.

— Что?

— Синебарса. У нас мыши завелись.

— В камнях?

— Не знаю уж, чем они питаются, но завелись. И кошки не боятся. И мышеловку игнорируют. А от запаха и вида синебарса мыши, как всем известно, убегают со всех ног куда глаза глядят.

Что мне было делать? Синебарс животное редкое, и мне самому придется ехать с ним в музей и там смотреть, чтобы синебарс кого-нибудь бы не искусал.

— Ладно, — сказал я. — Только пришли самородок к завтрашнему утру, по пневмопочте.

Я отключил видеотелефон, и тут же прозвучал звонок в дверь. Я открыл. За дверью стоял беленький мальчик в оранжевом костюме венерианского разведчика, с эмблемой первопроходчика Сирианской системы на рукаве.

— Простите, — сказал мальчик. — Вы Алисин отец?

— Я.

— Здравствуйте. Моя фамилия Еговров. Алиса дома?

— Нет. Ушла куда-то.

— Жаль. Вам можно доверять?

— Мне? Можно.

— Тогда у меня к вам мужской разговор.

— Как космонавт с космонавтом?

— Не смейтесь, — покраснел Еговров. — Со временем я буду носить этот костюм по праву.

— Не сомневаюсь, — сказал я. — Так что за мужской разговор?

— Нам с Алисой выступать на соревнованиях, но тут случилось одно обстоятельство, из-за которого ее могут с соревнований снять. В общем, ей надо вернуть в школу одну потерянную вещь. Я вам ее даю, но никому ни слова. Ясно?

— Ясно, таинственный незнакомец, — сказал я.

— Держите.

Он протянул мне мешочек. Мешочек был тяжелый.

— Самородок? — спросил я.

— А вы знаете?

— Знаю.

— Самородок.

— Надеюсь, не краденый?

— Да нет, что вы! Мне его в клубе туристов дали. Ну, до свидания.

Не успел я вернуться в кабинет, как в дверь снова позвонили. За дверью обнаружились две девочки.

— Здравствуйте, — сказали они хором. — Мы из первого класса. Возьмите для Алисы.

Они протянули мне два одинаковых кошелька и убежали. В одном кошельке лежали четыре золотые монеты, старинные монеты из чьей-то коллекции. В другом — три чайные ложки. Ложки оказались, правда, не золотыми, а платиновыми, но догнать девочек я не смог.

Еще один самородок рука неизвестного доброжелателя подкинула в почтовый ящик. Потом приходил Лева Званский и пытался всучить мне маленькую шкатулку с алмазами. Потом пришел один старшеклассник и принес сразу три самородка.

— Я в детстве камни собирали, — сказал он.

Алиса вернулась вечером. От двери она сказала торжественно:

— Пап, не расстраивайся, все обошлось. Мы с тобой летим в экспедицию.

— Почему такая перемена? — спросил я.

— Потому что я нашла самородок.

Алиса еле вытащила из сумки самородок. По виду в нем было килограммов шесть-семь.

— Я поехала к Полоскову. К нашему капитану. Он всех своих знакомых обзвонил, когда узнал, в чем дело. И еще накормил меня обедом, так что я не голодная.

Тут Алиса увидела разложенные на столе самородки и прочие золотые вещи, скопившиеся за день в нашем доме.

— Ой-ой-ой! — сказала она. — Наш музей разбогатеет.

— Слушай, преступница, — сказал я тогда, — я бы тебя ни за что не взял в экспедицию, если бы не твои друзья.

— А при чем тут мои друзья?

— Да потому, что они вряд ли стали бы бегать по Москве и искать золотые вещи для очень плохого человека.

— Не такой уж я плохой человек, — сказала Алиса без лишней скромности.

Я нахмурился, но в этот момент в стене звякнуло приемное устройство пневматической почты. Я открыл люк и достал пакет с самородком из Минералогического музея. Фридман выполнил свое обещание.

— Это от меня, — сказал я.

— Вот видишь, — сказала Алиса. — Значит, ты тоже мой друг.

— Получается так, — ответил я. — Но попрошу не зазнаваться.

На следующее утро мне пришлось проводить Алису до школы, потому что общий вес золотого запаса в нашей квартире достиг восемнадцати килограммов.

Передавая ей сумку у входа в школу, я сказал:

— Совсем забыл о наказании.

— О каком?

— Придется тебе в воскресенье взять из зоопарка синебарса и пойти с ним в Минералогический музей.

— С синебарсом — в музей? Он же глупый.

— Да, он будет там пугать мышей, а ты посмотришь, чтобы он кого-нибудь еще не напугал.

— Договорились, — сказала Алиса. — Но в экспедицию мы все-таки летим.

Глава 2

СОРОК ТРИ ЗАЙЦА

Последние две недели перед отлетом прошли в спешке, волнениях и не всегда необходимой беготне. Алису я почти не видел.

Во-первых, надо было приготовить, проверить, перевезти и разместить в «Пегасе» клетки, ловушки, ультразвуковые приманки, капканы, сети, силовые установки и еще тысячу вещей, которые нужны для ловли зверей. Во-вторых, надо было запастись лекарствами, продуктами, фильмами, чистой пленкой, аппаратами, диктофонами, софитами, микроскопами, гербарными папками, записными книжками, резиновыми сапогами, счетно-вычислительными машинами, зонти-

ками от солнца и дождя, лимонадом, плащами, панамами, сухим мороженым, автолетами и еще миллионом вещей, которые могут понадобиться, а могут и не понадобиться в экспедиции. В-третьих, раз уж мы по дороге будем опускаться на научных базах, станциях и разных планетах, надо взять с собой грузы и посылки: апельсины для астрономов на Марсе, селедку в банках для разведчиков Малого Арктура, вишневый сок, тушь и резиновый клей для археологов в системе 2-БЦ, парчовые халаты и электрокардиографы для жителей планеты Фикс, гарнитур орехового дерева, выигранный жителем планеты Самора в викторине «Знаете ли вы Солнечную систему?», айвовое варенье (витаминизированное) для лабуцильцев и еще множество подарков и посылок, которые нам приносили до последней минуты бабушки, дедушки, братья, сестры, отцы, матери, дети и внуки тех людей и инопланетников, с которыми нам придется увидеться. В конце концов наш «Пегас» стал похож на ноев ковчег, на плавучую ярмарку, на магазин «Универсам» и даже на склад торговой базы.

Я похудел за две недели на шесть килограммов, а капитан «Пегаса», известный космонавт Полосков, постарел на шесть лет.

Так как «Пегас» — небольшое судно, то и экипаж на нем маленький. На Земле и других планетах командую экспедицией я, профессор Селезнев из Московского зоопарка. То, что я профессор, совсем не значит, что я уже старый, седой и важный человек. Так получилось, что я с детства люблю всяких животных и никогда не менял их на камни, марки, радиоприемники и другие интересные вещи. Когда мне было десять лет, я пришел в кружок юннатов в зоопарке,

потом кончил школу и пошел в университет учиться на биолога. А пока учился, продолжал каждый свободный день проводить в зоопарке и биологических лабораториях. Когда я кончил университет, то я знал о животных столько, что смог написать о них свою первую книжку. В то время еще не было скоростных кораблей, которые летают в любой конец Галактики, и потому было мало космических зоологов. С тех пор прошло двадцать лет, и космических зоологов стало очень много. Но я оказался одним из первых. Я облетел множество планет и звезд и незаметно для себя самого стал профессором.

Когда «Пегас» отрывается от твердой земли, то хозяином на нем и главным начальником над всеми на ми становится Геннадий Полосков, известный космонавт и командир корабля. Мы с ним встречались и раньше, на далеких планетах и научных базах. Он часто бывает у нас дома и особенно дружит с Алисой. Полосков совсем не похож на отважного космонавта, и когда он снимает форму капитана-звездолетчика, то его можно принять за воспитателя в детском саду или библиотекаря. Полосков невысокого роста, беленький, молчаливый и очень деликатный. Но когда он сидит в своем кресле на мостице космического корабля, он меняется — и голос становится другим, и даже лицо приобретает твердость и решительность. Полосков никогда не теряет присутствия духа, и его очень уважают в космофлоте. Мне с трудом удалось уговорить его полететь капитаном на «Пегас», потому что Джек О'Кониола уговаривал его принять новый пассажирский лайнер на линии Земля — Фикс. И если бы не Алиса, никогда бы мне Полоскова не уговорить.

Третий член экипажа «Пегаса» механик Зеленый. Это мужчина большого роста, с пышной рыжей бородой. Он хороший механик и раз пять летал с Полосковым на других кораблях. Главное для него удовольствие — копаться в двигателе и что-нибудь чинить в машинном отделении. Это вообще-то отличное качество, но иногда Зеленый увлекается, и тогда какая-нибудь очень важная машина или прибор оказываются разобранными именно в тот момент, когда они очень нужны. И еще Зеленый — большой пессимист. Он думает, что «это» добром не кончится. Что «это»? Да все. Например, он прочитал в какой-то старинной книге, что один купец порезался бритвой и умер от заражения крови. Хотя теперь на всей Земле не найти такой бритвы, чтобы порезаться, и все мужчины смазывают утром лицо пастой, вместо того чтобы бриться, он на всякий случай отпустил бороду. Когда мы попадаем на неизвестную планету, он сразу советует нам улететь отсюда, потому что зверей здесь все равно нет, а если есть, то такие, что зоопарку не нужны, а если нужны, то нам все равно их не довезти до Земли, и так далее. Но мы все привыкли к Зеленому и на его воркотню внимания не обращаем. А он на нас не обижается.

Четвертым членом нашего экипажа, если не считать кухонного робота, который вечно ломается, и вездеходов-автоматов, была Алиса. Она, как известно, моя дочь, кончила второй класс, с ней всегда что-нибудь случается, но все ее приключения пока кончались благополучно. Алиса полезный в экспедиции человек — она умеет ухаживать за зверями и почти ничего не боится.

Ночью перед отлетом я спал плохо: мне казалось,

что кто-то ходит по дому и хлопает дверьми. Когда я встал, Алиса была уже одета, как будто и не ложилась спать. Мы спустились к автолету. Вещей с нами не было, если не считать моей черной папки и Алисиной сумки через плечо, к которой были привязаны ласты и гарпун для подводной охоты. Утро было холодное, зябкое и свежее. Метеорологи обещали дать дождь после обеда, но, как всегда, немного ошиблись, и их дождь вылился еще ночью. На улицах было пусто, мы попрощались с нашими родными и обещали писать письма со всех планет.

Автолет не спеша поднялся над улицей и легко полетел к западу, к космодрому. Я передал управление Алисе, а сам вынул длинные списки, тысячу раз исправленные и перечеркнутые, и принялся их изучать, потому что капитан Полосков поклялся мне, что, если не выкинуть по крайней мере три тонны груза, мы никогда не сможем оторваться от Земли.

Я не заметил, как мы долетели до космодрома. Алиса была сосредоточена и как будто о чем-то не переставая думала. Она так отвлеклась, что опустила автолет у чужого корабля, который грузил пороссят на Венеру.

При виде опускающейся с неба машины пороссята прыснули в разные стороны, сопровождавшие их роботы бросились ловить беглецов, а начальник погрузки изругал меня за то, что я доверяю посадку маленько-му ребенку.

— Она не такая маленькая, — ответил я начальнику. — Она второй класс кончила.

— Тем более стыдно, — сказал начальник, прижимая к груди только что пойманного поросенка. — Мы их теперь до вечера не соберем!

Я поглядел на Алису укоризненно, взял руль и перегнал машину к белому «Пегасу». «Пегас» в дни своей корабельной молодости был скоростным почтовым судном. Потом, когда появились корабли быстрее и вместительнее, «Пегас» переделали для экспедиций. В нем были вместительные трюмы, и он уже послужил и геологам и археологам, а теперь пригодился и зоопарку. Полосков ждал нас, и не успели мы поздороваться, как он спросил:

- Придумали, куда три тонны деть?
- Кое-что придумал, — сказал я.
- Рассказывай!

В этот момент к нам подошла скромная бабушка в синей шали и спросила:

- Вы не возьмете с собой маленькую посыпочку моему сыну на Альдебаран?
- Ну вот, — махнул рукой Полосков, — еще этого не хватало!

— Совсем маленькую, — сказала бабушка. — Грамм двести, не больше. Вы представляете, каково ему будет не получить никакого подарка ко дню рождения?

Мы не представляли.

— А что в посылке? — спросил деликатный Полосков, сдаваясь на милость победительницы.

— Ничего особенного. Тортик. Коля так любит тортики! И стереопленочка, на которой изображено, как его сынок, а мой внучек учится ходить.

— Ташите, — сказал мрачно Полосков.

Я посмотрел, где Алиса. Алиса куда-то пропала. Над космодромом вставало солнце, и длинная тень от «Пегаса» достигла здания космопорта.

— Слушай, — сказал я Полоскову, — мы перегоним

часть груза на Луну на рейсовом корабле. А с Луны будет легче стартовать.

— Я тоже так думал, — сказал Полосков. — На всякий случай снимем четыре тонны, чтобы был запас.

— Куда посыпочку передать? — спросила бабушка.

— Робот на входе примет, — сказал Полосков, и мы с ним стали проверять, что выгрузить до Луны.

Краем глаза я посматривал, куда делась Алиса, и потому обратил внимание и на бабушку с посыпочкой. Бабушка стояла в тени корабля и тихо спорила с роботом-погрузчиком. За бабушкой возвышалась сильно-перегруженная автотележка.

— Полосков, — сказал я, — обрати внимание.

— Ой, — сказал отважный капитан. — Я этого не переживу!

Тигриным прыжком он подскочил к бабушке.

— Что это?! — громовым голосом произнес он.

— Посыпочка, — сказала бабушка робко.

— Тортик?

— Тортик. — Бабушка уже оправилась от испуга.

— Такой большой?

— Простите, капитан, — сказала бабушка строго. — Вы что, хотите, чтобы мой сын в одиночестве ел присланный мной тортик, не поделившись со своими ста тридцатью товарищами по работе? Вы этого хотите?

— Я ничего больше не хочу! — сказал загнанный Полосков. — Я остаюсь дома и никуда не лечу. Ясно? Я никуда не лечу!

Бой с бабушкой продолжался полчаса и кончился победой Полоскова. Тем временем я прошел в корабль и приказал роботам снять с борта апельсины и гарнитур орехового дерева.

Алису я встретил в дальнем переходе грузового трюма и очень удивился встрече.

— Ты что здесь делаешь? — спросил я.

Алиса спрятала за спину связку бубликов и ответила:

— Знакомлюсь с кораблем.

— Иди в каюту, — сказал я. И поспешил дальше.

Наконец к двенадцати часам мы закончили перегрузку. Все было готово. Мы еще раз проверили с Полосковым вес груза — получился резерв в двести килограммов, так что можно было спокойно подниматься в космос.

Полосков вызвал по внутренней связи механика Зеленого. Механик сидел у пульта управления, расчесывал свою рыжую бороду. Полосков наклонился к самому экрану видеофона и спросил:

— Можем стартовать?

— В любой момент, — сказал Зеленый. — Хотя погода мне не нравится.

— Диспетчерская, — сказал Полосков в микрофон. — «Пегас» просит взлет.

— Одну минуточку, — ответил диспетчер. — У вас нет свободного места?

— Ни одного, — твердо сказал Полосков. — Мы пассажиров не берем.

— Но, может, хоть человек пять возьмете? — сказал диспетчер.

— А зачем? Неужели нет рейсовых кораблей?

— Все перегружены.

— Почему?

— Неужели вы не знаете? На Луне сегодня футбольный матч на кубок Галактического сектора: Земля — планета Фикс.

— Иди в каюту, — сказал я. И поспешил дальше

— А почему на Луне? — удивился Полосков, который не интересовался футболом и вообще за дни подготовки к полету отстал от действительности.

— Наивный человек! — сказал диспетчер. — Как же фиксианцы будут играть при земной тяжести? Им и на Луне нелегко придется.

— Значит, мы их обыграем? — спросил Полосков.

— Сомневаюсь, — ответил диспетчер. — Они переманили с Марса трех защитников и Симона Брауна.

— Мне бы ваши заботы, — сказал Полосков. — Когда даете взлет?

— И все-таки мы победим, — вмешалась в разговор Алиса, которая незаметно проникла на мостик.

— Правильно, девочка, — обрадовался диспетчер. — Может, возьмете болельщиков? Чтобы отправить всех желающих, мне нужно восемь кораблей. Не представляю, что делать. А заявки все поступают.

— Нет, — отрезал Полосков.

— Ну, дело ваше. Заводите двигатели.

Полосков переключился на машинное отделение.

— Зеленый, — сказал он, — включай планетарные. Только помаленьку. Проверим, нет ли перегрузки.

— Откуда быть перегрузке? — возмутился я. — Мы же все пересчитали.

Корабль чуть задрожал, набирая мощность.

— Пять-четыре-три-два-один — пуск, — сказал капитан.

Корабль вздрогнул и остался на месте.

— Что случилось? — спросил Полосков.

— Что у вас случилось? — спросил диспетчер, который наблюдал за нашим стартом.

— Не идет, — сказал Зеленый. — Я же говорил: ничего хорошего из этого не выйдет.

Алиса сидела, пристегнутая к креслу, и не смотрела в мою сторону.

— Попробуем еще раз, — сказал Полосков.

— Пробовать не надо, — ответил Зеленый. — Значительная перегрузка. У меня приборы перед глазами.

Полосков попытался еще раз поднять «Пегас», но корабль стоял на месте как прикованный. Тогда Полосков сказал:

— У нас какие-то ошибки в расчетах.

— Нет, мы проверили на счетной машине, — ответил я. — У нас резерв двести килограммов.

— Но что же тогда происходит?

— Придется выбрасывать груз за борт. Мы не можем терять время. С какого трюма начнем?

— С первого, — сказал я. — Там посылки. Подождем их на Луне.

— Только не с первого, — сказала вдруг Алиса.

— Ну ладно, — ответил я ей машинально. — Тогда начнем с третьего — там клетки и сети.

— Только не с третьего, — сказала Алиса.

— Это еще что такое? — спросил строго Полосков.

И в этот момент диспетчер снова вышел на связь.

— «Пегас», — сказал он, — на вас поступила жалоба.

— Какая жалоба?

— Включаю справочное бюро.

На экране показался зал ожидания. У справочного бюро толпились люди. Среди них я узнал несколько знакомых лиц. Откуда они мне знакомы?

Женщина, стоявшая ближе всех к справочному бюро, сказала, глядя на меня:

— Стыдно все-таки. Нельзя так потакать шалостям.

— Каким шалостям? — удивился я.

— Я сказала Алеше: на Луну ты не летишь, у тебя пять троек за четвертую четверть.

— И я запретила Леве лететь на этот матч, — поддержала ее другая женщина. — Отлично мог бы посмотреть по телевизору.

— Ага, — сказал я медленно. Я узнал наконец людей, которые собирались у справочного бюро: это были родители ребят из Алисиного класса.

— Вся ясно, — сказал Полосков. — И много у нас на борту «зайцев»?

— Я не думала, что у нас перегрузка, — сказала Алиса. — Не могли же ребята пропустить матч века! Что же получается — я погляжу, а они нет?

— И много у нас «зайцев»? — повторил Полосков стальным голосом.

— Наш класс и два параллельных, — сказала тихо Алиса. — Пока папа ночью спал, мы слетелись к космодрому и забрались на корабль.

— Никуда ты не летишь, — сказал я. — Мы не можем брать в экспедицию безответственных людей.

— Папа, я больше не буду! — взмолилась Алиса. — Но пойми же, у меня сильно развито чувство долга!

— Мы разбиться могли из-за твоего чувства долга, — ответил Полосков.

Вообще-то он все Алисе прощает, но сейчас он очень рассердился.

— Пошли извлекать «зайцев», — добавил он. — Если справимся за полчаса, останешься на корабле. Нет — летим без тебя.

Последнего «зайца» мы извлекли из трюма через двадцать три минуты. Еще через шесть они все уже стояли, страшно огорченные и печальные, у корабля,

и к ним от здания космодрома бежали мамы, папы и бабушки.

Всего «зайцев» на «Пегасе» оказалось сорок три человека. Я до сих пор не понимаю, как Алисе удалось их разместить на борту, а нам — ни одного из них не заметить.

— Счастливо, Алиса! — крикнул снизу Алеша Наумов, когда мы наконец поднялись к люку. — Поболей за нас! И возвращайся скорее!

— Земля победит!.. — ответила ему Алиса. — Нехорошо получилось, папа, — сказала она мне, когда мы уже поднялись над Землей и взяли курс к Луне.

— Нехорошо, — согласился я. — Мне за тебя стыдно.

— Я не о том, — сказала Алиса. — Ведь третий «Б» улетел в полном составе еще ночью в мешках из-под картошки на грузовой барже. Они-то будут на стадионе, а наши вторые классы — нет. Я не оправдала доверия товарищей.

— А куда картошку из мешков дели? — спросил, удивившись, Полосков.

— Не знаю, — сказала Алиса. Подумала и добавила: — Какими глазами я буду смотреть на стадионе на третий «Б»? Просто ужас!

Глава 3

ТЫ СЛЫШАЛ О ТРЕХ КАПИТАНАХ?

Когда «Пегас» опустился на лунном космодроме, я спросил у своих спутников:

— Какие у кого планы? Вылетаем завтра в шесть ноль-ноль.

Капитан Полосков сказал, что он остается на корабле готовить его к отлету.

Механик Зеленый попросил разрешения сходить на футбол.

Алиса тоже сказала, что пойдет на футбол, хотя и без всякого удовольствия.

— Почему? — спросил я.

— Разве ты забыл? На стадионе будет весь третий «Б», а из вторых классов только я одна. Ты во всем виноват.

— Я?

— А кто же высадил с «Пегаса» моих ребят?

— Мы же не могли подняться! Да и что бы сказали обо мне их родители? Вдруг что-нибудь случится?

— Где? — возмутилась Алиса. — В Солнечной системе? В конце двадцать первого века?

Когда Алиса с Зеленым ушли, я решил в последний раз выпить чашечку кофе в настоящем ресторане и пошел в «Селену».

Громадный зал ресторана был почти полон. Я остановился неподалеку от входа, отыскивая место, и услышал знакомый громовой голос:

— Кого я вижу!

За дальним столом восседал мой давнишний приятель Громозека. Я не виделся с ним лет пять, но ни на минуту о нем не забывал. Когда-то мы были очень дружны, а началось наше знакомство с того, что мне удалось спасти Громозеку в джунглях Эвридики. Громозека отбился от археологической партии, заблудился в лесу и чуть не попал в зубы Малому дракончику — злобной твари в шестнадцать метров длиной.

При виде меня Громозека спустил на пол свернутые

для удобства щупальца, в очаровательной улыбке разинул свою полуметровую пасть, дружески потянулся мне навстречу острыми когтищами и, набирая скорость, ринулся в мою сторону.

Какой-то турист, никогда раньше не видевший обитателей планеты Чумароз, взвизгнул и упал в обморок. Но Громозека на него не обиделся. Он крепко обхватил меня щупальцами и прижал к острым пластинкам на своей груди.

— Старина! — ревел он, как лев. — Сколько лет, сколько зим! Я уж собрался лететь в Москву, чтобы тебя повидать, и вдруг — глазам своим не верю... Какими судьбами?

— Едем в экспедицию, — сказал я. — В свободный поиск по Галактике.

— Это замечательно! — сказал с чувством Громозека. — Я счастлив, что тебе удалось преодолеть козни зложелателей и уехать в экспедицию.

— Но у меня нет зложелателей.

— Ты меня не обманешь, — сказал Громозека, тряся укоризненно перед моим носом острыми, загнутыми когтями.

Я не стал возражать, потому что знал, как мнителен мой друг.

— Садись! — приказал Громозека. — Робот, бутылку грузинского вина для моего лучшего друга и три литра валерьянки для меня лично.

— Слушаюсь, — ответил робот-официант и укатил на кухню выполнять заказ.

— Как жизнь? — допрашивал меня Громозека. — Как жена? Как дочка? Уже научилась ходить?

— В школе учится, — сказал я. — Второй класс кончила.

— Великолепно! — воскликнул Громозека. — Как быстро бежит время...

Тут моего друга посетила печальная мысль, и, будучи очень впечатлительной особой, Громозека оглушительно застонал, и дымящиеся едкие слезы покатились из восьми глаз.

— Что с тобой? — встревожился я.

— Ты только подумай, как быстро течет время! — произнес Громозека сквозь слезы. — Дети растут, а мы с тобой стареем.

Он, расчувствовавшись, выпустил из ноздрей четыре струи едкого желтого дыма, окутавшего ресторан, но тут же взял себя в руки и объявил:

— Извините меня, благородные посетители ресторана, я постараюсь больше не причинять вам неприятностей.

Дым струился между столиками, люди кашляли, и некоторые даже ушли из зала.

— Пойдем и мы, — сказал я, задыхаясь, — а то ты еще что-нибудь натворишь.

— Ты прав, — покорно согласился Громозека.

Мы вышли в холл, где Громозека занял целый диван, а я притулился рядом с ним на стуле. Робот принес нам вино и валерьянку, бокал для меня и литровую банку для чумарозца.

— Ты где сейчас работаешь? — спросил я Громозеку.

— Будем копать мертвый город на Колеиде, — ответил он. — Сюда прилетел за инфракрасными детекторами.

— Интересный город на Колеиде? — спросил я.

— Может быть, интересный, — ответил осторожно Громозека, который был страшно суеверен. Чтобы не

сглазить, он провел четыре раза хвостом у правого глаза и сказал шепотом: — Баскури-барипарата.

— Когда начинаете? — спросил я.

— Недели через две стартуем с Меркурия. Там наша временная база.

— Странное, неподходящее место, — сказал я. — Половина планеты раскалена, половина — ледяная пустыня.

— Ничего удивительного, — сказал Громозека и снова потянулся за валерьянкой. — Мы там в прошлом году отыскали остатки корабля Полуночных скитальцев. Вот и работали. Да что я все о себе да о себе! Ты мне лучше о своем маршруте расскажи.

— Я знаю о нем только приблизительно, — ответил я. — Мы облетим сначала несколько баз по соседству с Солнечной системой, а потом уйдем в свободный поиск. Времени много — три месяца, корабль вместительный.

— На Эвридику не собираешься? — спросил Громозека.

— Нет. Малый дракончик уже есть в Московском зоопарке, а Большого дракончика, к сожалению, еще никто не смог поймать.

— Даже если бы ты его поймал, — сказал Громозека, — все равно на твоем корабле увезти его нельзя.

Я согласился, что Большого дракончика на «Пегасе» не увезешь. Хотя бы потому, что его дневной рацион — четыре тонны мяса и бананов.

Мы помолчали немного. Приятно сидеть со старым другом, никуда не спешить. Старушка-туристка в лиловом парике, украшенном восковыми цветами, подошла к нам и робко протянула блокнот.

Приятно сидеть со старым другом, никуда не спешить

— Не откажетесь ли, — попросила она, — написать мне автограф на память о случайной встрече?

— Почему бы и нет? — сказал Громозека, протянув когтистое щупальце за блокнотом.

Старушка зажмурилась в ужасе, и ее тонкая ручка задрожала.

Громозека раскрыл блокнот и на чистой странице размашисто написал:

«Прекрасной, юной землянке от верного поклонника с туманной планеты Чумароз. Ресторан «Селена». 3 марта».

— Спасибо, — прошептала старушка и отступила мелкими шажками.

— Я хорошо написал? — спросил меня Громозека. — Трогательно?

— Трогательно, — согласился я. — Только не совсем точно.

— А что?

— Это совсем не юная землянка, а пожилая женщина. И вообще — землянкой раньше называли первобытное жилье, выкопанное в земле.

— Ой, какой позор! — расстроился Громозека. — Но ведь у нее цветочки на шляпе. Сейчас же догоню ее и перепишу автограф.

— Не стоит, друг, — остановил я его. — Ты ее только перепугаешь.

— Да, тяжело бремя славы, — сказал Громозека. — Но приятно сознавать, что крупнейшего археолога Чумарозы узнают даже на далекой земной Луне.

Я не стал разубеждать друга. Я подозревал, что старушка никогда в жизни не встречалась ни с одним

из космоархеологов. Просто ее поразил облик моего друга.

— Слушай, — сказал Громозека, — меня посетила идея. Я тебе помогу.

— Как?

— Ты слышал о планете имени Трех Капитанов?

— Где-то читал, но не помню, где и почему.

— Тогда замечательно.

Громозека наклонился ближе, положил мне на плечо тяжелое, горячее щупальце, расправил блестящие пластиинки на круглом, словно небольшой воздушный шар, животе и начал:

— В секторе 19-4 есть небольшая необитаемая планета. Раньше у нее даже названия не было — только цифровой код. Теперь космонавты зовут ее планетой имени Трех Капитанов. А почему так? Там на ровном каменном плато возвышаются три статуи. Поставлены они в честь трех космических капитанов. Это были великие исследователи и отважные люди. Один из них был родом с Земли, второй — с Марса, а третий капитан родился на Фиксе. Рука об руку эти капитаны проходили созвездия, снижались на планетах, на которых снизиться невозможно, спасали целые миры, которым грозила опасность. Это они первыми одолели джунгли Эвридики, и один из них подстрелил Большого дракончика. Это они отыскали и уничтожили гнездо космических пиратов, хотя пиратов было вдесятеро больше. Это они опустились в метановую атмосферу Голгофы и отыскали там философский камень, потерянный конвоем Курсака. Это они взорвали ядовитый вулкан, грозивший истребить население целой планеты. Об их подвигах можно говорить две недели подряд...

— Теперь я вспомнил, — прервал я Громозеку. — Конечно, я слышал о трех капитанах.

— То-то, — проворчал Громозека и выпил стакан валерьянки. — Быстро мы забываем героев. Стыдно. — Громозека укоризненно покачал мягкой головой и продолжал: — Несколько лет назад пути капитанов разошлись. Первый капитан увлекся проектом «Венера».

— Как же, знаю, — сказал я. — Так, значит, он — один из тех, кто меняет ее орбиту?

— Да. Первый капитан всегда любил грандиозные планы. И когда узнал, что решено перетащить Венеру подальше от Солнца и изменить период ее вращения, для того чтобы люди смогли ее заселить, он тут же предложил свои услуги проекту. И это славно, потому что ученые решили превратить Венеру в громадный космический корабль, а нет человека в Галактике, который бы лучше первого капитана разбирался в космической технике.

— А остальные капитаны? — спросил я.

— Второй, говорят, погиб неизвестно где и неизвестно когда. Третий капитан полетел в соседнюю галактику и вернется через несколько лет. Так я хочу сказать, что капитаны встречали множество редких, чудесных зверей и птиц. От них наверняка остались какие-то записки, дневники.

— А где они?

— Дневники хранятся на планете Трех Капитанов. Рядом с монументами, возведенными благородными современниками по подписке, проведенной на восьмидесяти планетах, есть лаборатория и мемориальный центр. Там постоянно живет доктор Верховцев. Он

знает о трех капитанах больше всех в Галактике. Если заедешь туда — не пожалеешь.

— Спасибо, Громозека, — сказал я. — Может, тебе хватит пить валерьянку? Ты сам мне жаловался, что она плохо влияет на сердце.

— Что делать! — всплеснул щупальцами мой друг. — У меня же три сердца. На какое-то из них валерьянка влияет очень пагубно. Но я никак не могу понять, на какое.

Мы еще целый час вспоминали старых знакомых и приключения, которые нам пришлось пережить вместе. Вдруг дверь в холл распахнулась, и появилась толпа людей и инопланетчиков. Они несли на руках футболистов сборной Земли. Играла музыка, раздавались веселые крики.

Из толпы выскошла Алиса.

— Ну что! — крикнула она, увидев меня. — Не помогли фиксианцам варяги с Марса! Три — один. Теперь встреча на нейтральном поле!

— А как же третий «Б»? — спросил я ехидно.

— Их не было, — сказала Алиса. — Я бы их обязательно увидела. Наверно, третий «Б» перехватили и отправили обратно. В мешках из-под картошки. Так им и надо!

— Ты вредный человек, Алиса, — сказал я.

— Нет! — взревел оскорбленно Громозека. — Ты не имеешь права так оскорблять беззащитную девочку! Я не дам ее в обиду!

Громозека обхватил Алису щупальцами и поднял к потолку.

— Нет! — повторял он возмущенно. — Твоя дочь — моя дочь. Я не позволю.

Громозека обхватил Алису щупальцами и поднял к потолку

— Но я не твоя дочь, — сказала сверху Алиса. Она, к счастью, не очень испугалась.

Но куда сильнее испугался механик Зеленый. Он в тот момент вошел в холл и вдруг увидел, что Алиса бьется в щупальцах громадного чудовища. Меня Зеленый даже не заметил. Он бросился к Громозеке, размахивая рыжей бородой, как знаменем, и с разбегу врезался в круглый живот моего друга.

Громозека подхватил Зеленого свободными щупальцами и посадил на люстру. Потом осторожно опустил Алису и спросил меня:

— Я немного погорячился?

— Немного, — ответила за меня Алиса. — Спусти Зеленого на пол.

— Не будет бросаться на археологов, — ответил Громозека. — Не хочу его снимать. Привет, увидимся вечером. Я вспомнил, что мне надо до конца рабочего дня побывать на базовом складе.

И, лукаво подмигнув Алисе, Громозека, пошатываясь, удалился в сторону шлюза. По холлу волнами расходился запах валерьянки.

Зеленого мы сняли с люстры с помощью футбольной команды, а на Громозеку я немного обиделся, потому что мой друг хоть и талантливый ученый и верный товарищ, но плохо воспитан, и его чувство юмора иногда принимает странные формы.

— Так куда летим? — спросила Алиса, когда мы подходили к кораблю.

— Первым делом, — сказал я, — отвезем груз на Марс и разведчикам Малого Арктура. А оттуда — прямым ходом в сектор 19-4, на базу имени Трех Капитанов.

— Да здравствуют три капитана! — сказала Алиса, хотя она о них никогда раньше не слышала.

Глава 4

ПРОПАЛИ ГОЛОВАСТЫ

Разведчики Малого Арктура встретили «Пегас» очень торжественно. Как только мы опустились на металлический настил посадочной площадки, которая зашаталась под грузом корабля и в щели между полосами брызнула рыжая гнилая вода, они лихо подкатили к нам на вездеходе. Из вездехода вышли три добрых молодца в красных кафтанах, надетых поверх скафандром. За ними последовали еще три космонавта в роскошных сарафанах, также надетых поверх скафандром. Молодцы и молодицы несли хлеб-соль на блюдах. А когда мы сошли на мокрые металлические полосы космодрома, они надели нам на шлемы скафандром венки из местных пышных цветов.

В нашу честь в тесной кают-компании базы разведчиков был приготовлен торжественный ужин. Нас угостили консервированным компотом, консервированной уткой и консервированными бутербродами. Механик Зеленый, который был на «Пегасе» шеф-поваром, тоже не ударил в грязь лицом — он поставил на праздничный стол настоящие яблоки, настоящие взбитые сливки с настоящей смородиной и, главное, самый настоящий черный хлеб.

Алиса была главным гостем. Все разведчики — люди взрослые, их дети остались дома — на Марсе, на Земле, на Ганимеде, и они очень соскучились без настоя-

ших детей. Алиса отвечала на всякие вопросы, честно старалась казаться глупее, чем она есть на самом деле, а когда вернулась на корабль, пожаловалась мне:

— Им так хочется, чтобы я была маленьkim несмышленышем, что я не стала их огорчать.

На следующий день мы передали разведчикам все грузы и посылки, но, к сожалению, оказалось, что на охоту за местными зверями они нас пригласить не смогут: начался сезон бурь, все реки и озера вышли из берегов и путешествовать по планете было почти невозможно.

— Хотите, мы вам головаста поймаем? — спросил начальник базы.

— Ну, хоть головаста, — согласился я.

Мне приходилось слышать о разных рептилиях Арктура, но с головастом я еще не встречался.

Часа через два разведчики принесли большой аквариум, на дне которого дремали метровые головасты, похожие на гигантских саламандр. Потом разведчики втащили по трапу ящик с водорослями.

— Это корм на первое время, — сказали они. — Учтите, головасты очень прожорливы и быстро растут.

— Надо готовить аквариум побольше? — спросил я.

— Лучше даже бассейн, — ответил начальник разведчиков.

Его товарищи между тем втаскивали по трапу еще один ящик с кормом.

— А как они быстро растут? — спросил я.

— Довольно быстро. Точнее сказать не могу, — ответил начальник разведчиков. — Мы их не держим в неволе.

Он загадочно улыбнулся и заговорил о другом.

Я спросил начальника разведчиков:

— Вам не приходилось бывать на планете имени Трех Капитанов?

— Нет, — ответил он. — Но иногда к нам прилетает доктор Верховцев. Как раз месяц назад он здесь был. И должен вам сказать, он большой чудак.

— А почему?

— Зачем-то ему понадобились чертежи корабля «Синяя чайка».

— Простите, а что в этом странного?

— Это корабль Второго капитана, пропавший без вести четыре года назад.

— А зачем Верховцеву этот корабль?

— Вот именно — зачем? Я об этом его и спросил. Оказывается, он пишет сейчас книгу о подвигах трех капитанов, документальный роман, и не может продолжать работу, не зная, как устроен этот корабль.

— А разве этот корабль был особенный?

Начальник базы снисходительно улыбнулся.

— Вы, я вижу, не в курсе дела, — сказал он. — Корабли трех капитанов были сделаны по специальному заказу, а потом еще перестроены самими капитанами — они ведь были на все руки мастера. Это были удивительные корабли! Приспособленные для всевозможных неожиданностей. Один из них, «Эверест», который принадлежал Первому капитану, стоит сейчас в Парижском космическом музее.

— Почему же Верховцев не мог запросить Парижский космический музей? — удивился я.

— Так все три корабля были разными! — воскликнул начальник разведчиков. — Капитаны были люди с характером и никогда ничего не делали по два раза.

— Ну ладно, — сказал я, — мы полетим к Верховцеву. Дайте нам, пожалуйста, координаты его базы.

— С удовольствием, — ответил начальник разведчиков. — Передавайте ему наш большой привет. И не забудьте перенести головастов в бассейн.

Мы распрощались с гостеприимными разведчиками и улетели.

Перед тем как лечь спать, я решил осмотреть головастов. Оказалось, что их сходство с саламандрами только внешнее. Они были покрыты твердой блестящей чешуей, у них были большие печальные глаза с длинными ресницами, короткие хвосты раздваивались и заканчивались густыми жесткими щетками.

Я решил, что перенесу головастов в бассейн с утра — ничего с ними за ночь в аквариуме не случится. Я бросил головастам две охапки водорослей и потушил свет в трюме. Начало было сделано — первые животные для зоопарка уже на борту «Пегаса».

Утром меня разбудила Алиса.

— Пап, — сказала она, — проснись.

— А что случилось?

Я посмотрел на часы. Было еще только семь утра по корабельному времени.

— Ты чего вскочила ни свет ни заря?

— Захотела поглядеть на головастов. Ведь их никто еще на Земле не видел.

— Ну и что? Разве для этого надо будить старика отца? Ты бы лучше включила робота. Пока он готовит завтрак, мы бы не спеша встали.

— Да погоди ты, пап, со своим завтраком! — невежливо перебила меня Алиса. — Я тебе говорю, встань и посмотри на головастов.

Что-то в ее голосе меня встревожило.

Я вскочил с койки и, не одеваясь, побежал в трюм, где стоял аквариум. Зрелище, которое я увидел, было

потрясающим. Головасты, хоть это и невероятно, за ночь выросли больше чем вдвое и уже не помещались в аквариуме. Их хвосты высывались наружу и висели почти до самого пола.

— Не может быть! — сказал я. — Срочно надо готовить бассейн.

Я побежал к механику Зеленому и разбудил его:

— Помоги, головасты так выросли, что мне их не поднять.

— Я предупреждал, — сказал Зеленый. — Еще не то будет. И зачем только я согласился работать в бродячем зоопарке? Зачем?

— Не знаю, — сказал я. — Пошли.

Зеленый надел халат и поплелся, ворча, в трюм. Когда он увидел головастов, то вцепился себе в бороду и застонал:

— Завтра они весь корабль зайдут!

Хорошо еще, что бассейн был заранее наполнен водой. При помощи Зеленого я перетащил головастов. Они оказались совсем не тяжелыми, но сильно вырывались и выскользывали из рук, так что, когда мы опустили в бассейн третьего, последнего головаста, мы запыхались и вспотели.

Бассейн на «Пегасе» невелик — четыре на три метра и глубина в два метра, — но головастам в нем было привольно. Они начали кружиться по нему, искать пищу. Не мудрено, что они проголодались — ведь эти существа, видно, собирались установить рекорд Галактики по скорости роста.

Пока я кормил головастов — на это ушла половина одного из ящиков с водорослями, — в трюме появился Полосков. Он был уже умыт, побрит и одет по форме.

— Алиса говорит, что у тебя головасты подросли, — сказал он, улыбаясь.

— Да нет, ничего особенного, — ответил я, делая вид, что такие чудеса мне не в диковинку.

Тут Полосков заглянул в бассейн и ахнул.

— Крокодилы! — сказал он. — Настоящие крокодилы! Они же человека проглотить могут.

— Не бойся, — сказал я, — они травоядные. Разведчики бы нас предупредили.

Головасты плавали у поверхности воды и высовывали наружу голодные пасти.

— Опять жрать захотели, — сказал Зеленый. — Скоро за нас примутся.

К обеду головасты достигли длины в два с половиной метра и доели первый ящик с водорослями.

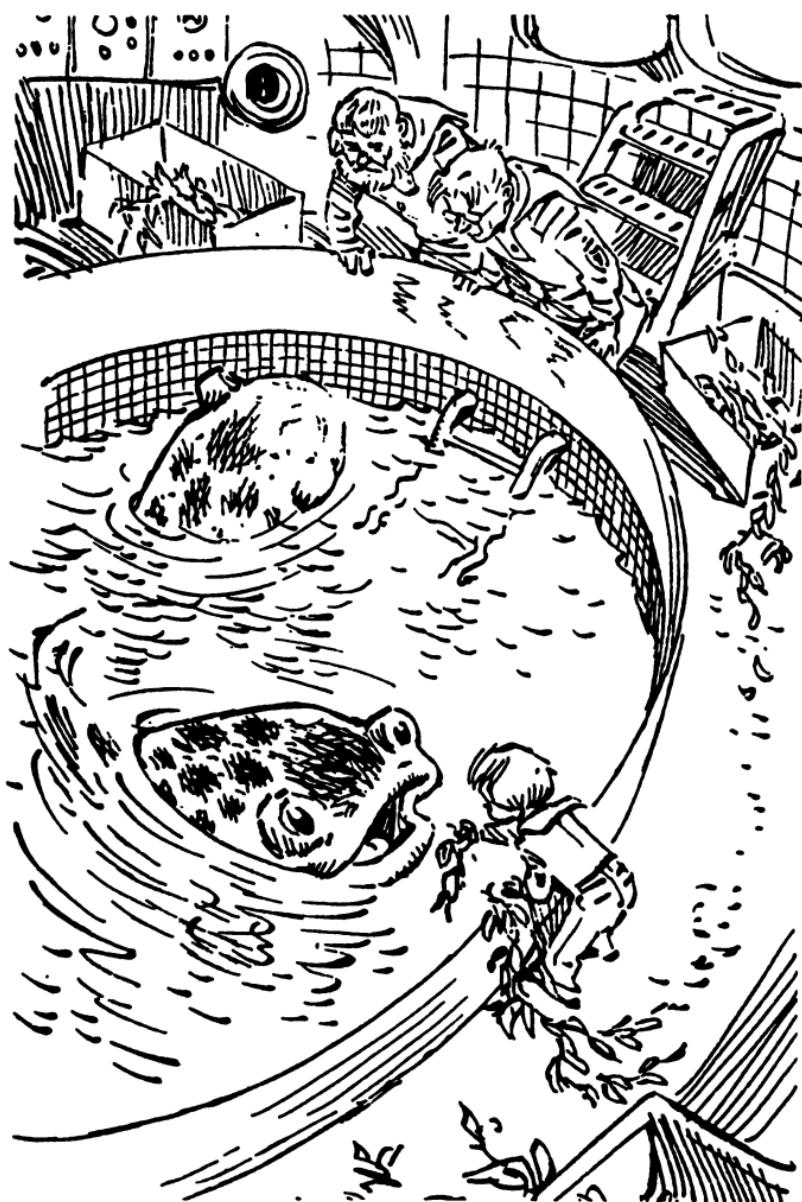
— Могли бы предупредить, — ворчал Зеленый, имея в виду разведчиков. — Знали ведь и думали: пускай специалисты помучаются.

— Не может быть! — возмутилась Алиса, которой разведчики на прощание подарили вырезанную из дерева модель вездехода, шахматы из кости ископаемого параллелепипеда, ножик для разрезания бумаги, выточный из коры стеклянного дерева, и еще множество интересных вещей, которые они сами мастерили длинными вечерами.

— Ну что же, посмотрим, — сказал философски Зеленый и пошел проверять двигатели.

К вечеру длина головастов достигла трех с половиной метров. Им уже трудно было плавать в бассейне, и они покачивались у дна, всплывая, только чтобы схватить пучок водорослей.

Спать я уходил с тяжелым предчувствием, что головастов до зоопарка мне не довезти. Первый зверь ока-

Головастые плавали у поверхности воды и высовывали наружу голодные пасти

зался комом. Космос порой загадывает загадки, которые простому земному биологу не по зубам.

Встал я раньше всех. На цыпочках прошел по коридору, вспоминая кошмары, которые меня мучили ночью. Мне снилось, что головасты стали длиннее «Пегаса», выползли наружу, летят рядом с нами в космосе и еще пытаются проглотить наш корабль.

Я отворил дверь в трюм и с секунду стоял на пороге, оглядываясь, не выползет ли из-за угла головаст.

Но в трюме стояла тишина. Вода в бассейне была неподвижна. Я подошел ближе. Тени головастов, длиной метра по четыре, не больше, темнели на дне. У меня от сердца отлегло. Я взял швабру и пошевелил ее в воде. Почему головасты не двигаются?

Швабра уперлась в одного из головастов, и он легко отплыл в сторону, прижав к дальней стенке бассейна своих сородичей. Те и не пошевельнулись.

«Подохли, — понял я. — И наверно, от голода».

— Ну и что, папа? — спросила Алиса.

Я обернулся. Алиса стояла босиком на холодном пластике, и вместо ответа я сказал:

— Немедленно надень что-нибудь на ноги, простудишься.

Тут открылась дверь и вошел Полосков. За его плечом виднелась огненная борода Зеленого.

— Ну и что? — хором спросили они.

Алиса убежала надевать туфли, а я, не отвечая товарищам, попытался растолкать неподвижного головаста. Тело его, словно пустое, легко плавало по бассейну. Глаза были закрыты.

— Сдохли, — сказал печально Зеленый. — А мы так старались, перетаскивали их вчера! А ведь я предупреждал.

Я перевернул головаста шваброй. Это было сделать нетрудно. Пятнистое пузо головаста было разрезано вдоль. В бассейне плавали лишь шкуры чудовищ, которые сохраняли форму их тел, потому что твердая чешуя, покрывавшая их, не давала шкурам съежиться.

— Ого! — сказал Зеленый, оглядываясь. — Они вылупились.

— Кто? — спросил Полосков.

— Если бы я знал!

— Послушай, профессор Селезнев, — обратился ко мне официально капитан Полосков, — судя по всему, я подозреваю, что на моем корабле находятся неизвестные чудовища, которые скрывались в так называемых головастах. Где они?

Я перевернул шваброй остальных головастов. Они тоже были пусты.

— Не знаю, — честно признался я.

— Но когда ты пришел сюда, дверь была закрыта или открыта?

В голове у меня царило смятение, и я ответил:

— Не помню, Полосков. Может, и закрыта.

— Дела! — сказал Полосков и поспешил к выходу.

— Ты куда? — спросил Зеленый.

— Обыскивать корабль, — сказал Полосков. — И тебе советую осмотреть машинное отделение. Только вооружись чем-нибудь. Неизвестно, кто выводится из головастов. Может, драконы.

Они ушли, а через несколько минут Полосков вернулся бегом и принес мне бластер.

— Чем черт не шутит, — сказал он. — Алису я бы запер в каюте.

— Еще чего не хватало! — сказала Алиса. — У меня есть теория.

— И слышать не хочу твоих теорий, — сказал я. — Пойдем в каюту.

Алиса сопротивлялась, как дикая кошка, но мы заперли все-таки ее в каюте и начали обыск помещений.

Это удивительно, как много трюмов, отсеков, коридоров и прочих помещений таится в сравнительно небольшом экспедиционном корабле! Мы втроем, прикрывая друг друга, потратили три часа, пока не осмотрели весь «Пегас».

Чудовищ нигде не было.

— Ну что ж, — сказал я тогда, — давайте позавтракаем, потом осмотрим корабль еще раз. Куда-то же они должны были деться.

— Я тоже буду завтракать, — сказала Алиса, которая слышала наш разговор по внутреннему телефону. — Выпустите меня из заключения.

Мы выпустили Алису и провели под конвоем в кают-компанию.

Перед тем как начать завтрак, мы заперли дверь и положили бластеры рядом с собой на стол.

— Чудеса! — сказал Полосков, принимаясь за манную кашу. — Куда они спрятались? Может, в реактор? Или выбрались наружу?

— Зловещие чудеса, — сказал Зеленый. — Чудеса не в моем вкусе. Мне с самого начала головасты не понравились. Передай мне кофейник.

— Боюсь, что эту загадку нам никогда не решить, — сказал Полосков.

Я кивнул, соглашаясь с ним.

— Нет, разрешить, — вмешалась Алиса.

— Ты уж молчи.

— Не могу молчать. Если хотите, я их найду.

Полосков засмеялся, и смеялся долго и искренне.

— Трое взрослых мужчин искали их три часа, а ты хочешь их найти в одиночку.

— А так легче, — ответила Алиса. — Спорим, что найду?

— Конечно, спорим, — смеялся Полосков. — На что хочешь?

— На желание, — сказала Алиса.

— Согласен.

— Только я одна их буду искать.

— Ничего подобного, — сказал я. — Никуда ты одна не пойдешь. Ты что, забыла, что по кораблю, может быть, бродят неизвестные чудовища?

Я был сердит на разведчиков с их опасными шутками. Сердит и на себя за то, что лег спать и упустил тот момент, когда оболочки головастов опустели. Сердит на Алису с Полосковым, которые затеяли детский спор в такой серьезный момент.

— Пошли, — сказала Алиса, вставая из-за стола.

— Сначала чай допей, — ответил я строго.

Алиса допила чай и уверенно пошла в трюм, где стоял аквариум. Мы шли за ней, чувствуя себя дураками. Ну зачем, скажите, мы ее послушались?

Алиса быстро оглядела отсек. Попросила Полоскова отодвинуть ящики от стены. Он с улыбкой послушался. Потом Алиса вернулась к бассейну и обошла его кругом. Пустые оболочки головастов темнели на дне. По поверхности воды плавали недоеденные водоросли.

— Вот, — сказала Алиса, — ловите их. Только осторожно: они прыгают.

И тут мы увидели, что на водорослях в ряд сидят три лягушонка. Вернее, не совсем лягушонка, а три создания, очень похожие на лягушат. Ростом с наперсток каждый.

Мы поймали их, посадили в банку, и тогда я, раскаявшись в своем упрямстве, спросил Алису:

— Слушай, дочка, как ты догадалась?

— Не в первый раз спрашиваешь, папа, — ответила она, не скрывая гордости. — Все дело в том, что вы все — взрослые, умные люди. И вы мыслите, как ты сам говорил, логически. А я не очень умная и мыслю, как в голову взбредет. Я так подумала: если это головасты, то потом должны быть лягушки. А лягушата всегда меньше головастиков. Вы ходили по кораблю с пистолетами и искали больших чудовищ. И даже их боялись заранее. А я сидела запертая в каюте и думала, что, наверно, не надо всегда смотреть вверх и искать что-то громадное. Может быть, посмотреть по углам и поискать ма-а-а-леньких лягушат. И нашла.

— Но зачем же лягушатам такие большие вместилища? — удивился Полосков.

— Я об этом не подумала, — призналась Алиса. — Не догадалась подумать. А если бы подумала, никогда бы не нашла лягушат.

— А что ты скажешь, профессор? — спросил Полосков меня.

— Что сказать? Надо будет тщательно исследовать оболочки головастов. Наверно, они что-то вроде фабрик, которые перерабатывают корм в сложный концентрат для лягушонка... А может быть, большим головастам легче обороняться от врагов.

— А про желание не забудь, Полосков, — строго сказала Алиса.

— Я никогда и ни о чем не забываю, — четко ответил капитан.

Глава 5

СОВЕТЫ ДОКТОРА ВЕРХОВЦЕВА

Мы послали с дороги радиограмму доктору Верховцеву: *«Прилетаем в пятницу. Встречайте»*. Верховцев сразу же ответил, что с радостью встретит нас и проведет на своем космокатере через опасный пояс астероидов, который окружает планету Трех Капитанов.

В назначенный час мы затормозили у пояса астероидов. Густой рой каменных глыб, словно облака, скрывал от нас поверхность планеты. Почему-то нас всех охватило волнение. Нам казалось, что встреча с доктором Верховцевым приведет к важным и интересным событиям. Может быть, даже и к приключениям.

Космокатер доктора мелькнул среди астероидов, словно серебряная стрела. И вот он несется перед нами.

— «Пегас», вы меня слышите? — раздался в динамике глуховатый голос. — Следуйте за мной.

— Какой он, интересно. Ему, наверно, скучно одному на планете, — сказала Алиса, сидевшая с нами на мостике в маленьком, специально для нее сделанном амортизационном кресле.

Никто ей не ответил. Полосков управлял кораблем, я исполнял обязанности штурмана, а Зеленого на мостике не было — он остался в машинном отделении.

«Пегас» изменил курс, обошел клыкастый астероид и тут же послушно скользнул вниз.

Под нами расстилалась пустыня, кое-где изрезанная ущельями и отмеченная оспинами кратеров. Серебряная стрелка катера летела впереди, указывая путь.

Мы заметно снизились. Можно было уже различить скалы и высохшие реки. Потом впереди показалось

темно-зеленое пятно оазиса. Над ним поднимался купол базы. Катер доктора вошел в вираж и опустился на ровную площадку. Мы последовали его примеру.

Когда «Пегас», чуть покачиваясь, встал на амортизаторы и Полосков сказал «добро», я увидел между зеленью оазиса и нашим кораблем три каменные статуи.

На высоком постаменте стояли три каменных капитана. Даже издали было видно, что два из них — люди. Третий — трехногий тонкий фиксианец.

— Прилетели, — сказала Алиса. — Можно выйти?

— Погоди, — ответил я. — Мы не знаем состава атмосферы и температуры. Какой ты скафандр собираешься надевать?

— Никакого, — ответила Алиса.

Она показала на иллюминатор. Из серебряного космокатера вышел человек в сером обычном костюме и серой помятой шляпе. Он поднял руку, приглашая нас.

Полосков включил внешний динамик и спросил:

— Атмосфера пригодна для дыхания?

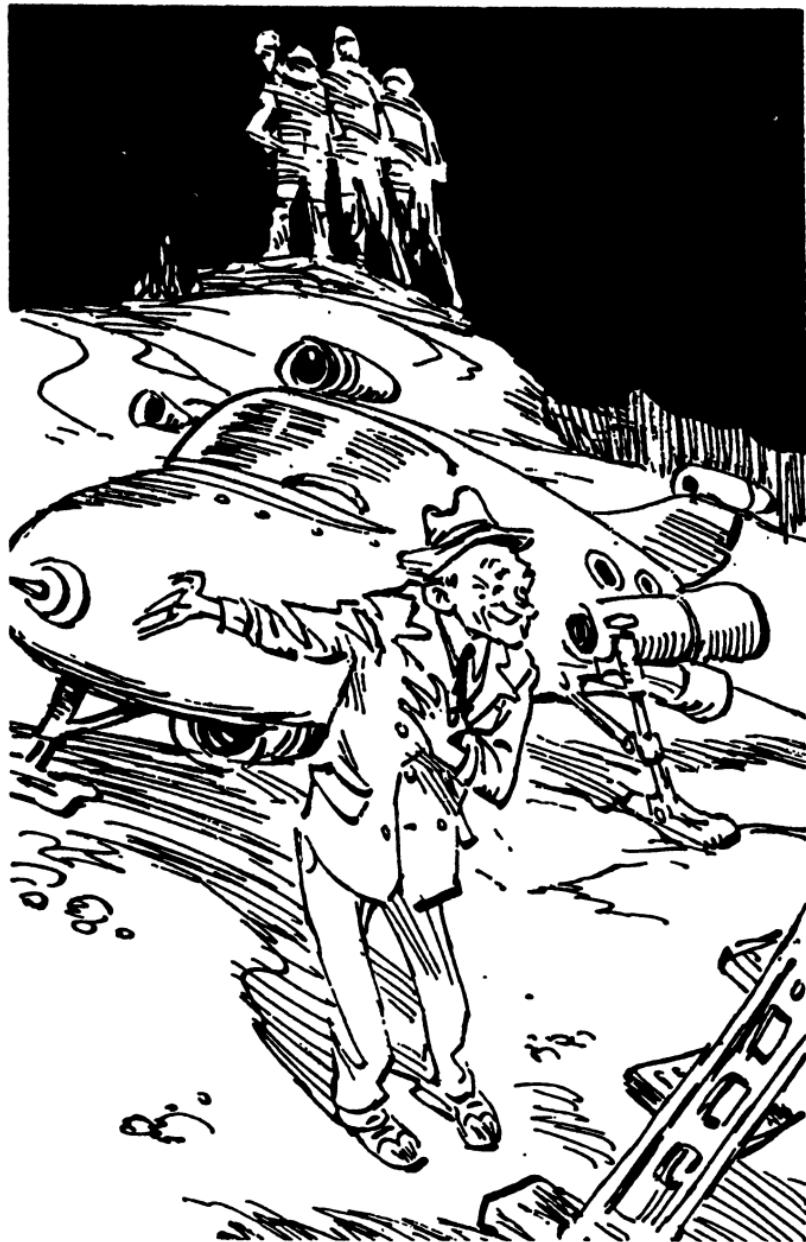
Человек в шляпе быстро закивал — идите, не бойтесь!

Он встретил нас у трапа.

— Добро пожаловать на базу, — сказал он и поклонился. — Так редко вижу здесь гостей!

Он говорил немного старомодно, под стать своему костюму.

На вид ему было лет шестьдесят. Это был невысокий, худенький и похожий на добрую старушку человек. Его лицо было исчерчено тонкими морщинками. Доктор все время жмурился или улыбался, и, если иногда его лицо разглаживалось, морщинки становились белыми и широкими. У доктора Верховцева были

— Добро пожаловать на базу, — сказал он и поклонился

длинные, тонкие пальцы. Он пожал нам руки и привлек к себе.

Мы пошли вслед за доктором к зеленым деревьям оазиса.

— Почему здесь кислородная атмосфера? — спросил я. — Ведь планета — сплошная пустыня.

— Атмосфера искусственная, — сказал доктор. — Ее сделали, когда сооружали монументы. Через несколько лет здесь построят большой музей, посвященный героям космоса. Сюда будут привозить отслужившие срок космические корабли и всякие диковинки с дальних планет.

Доктор остановился перед каменной глыбой. На ней были выбиты слова на космоязыке:

«Здесь будет построен Главный музей космоса».

— Вот видите, — сказал Верховцев. — Музей будут строить вместе восемьдесят разных планет. А пока, для начала, в центре планеты установлен мощный реактор, который выделяет кислород из горных пород. Сейчас здесь еще не очень хороший воздух, но к открытию музея воздух станет самым лучшим во всей Галактике.

Между тем мы подошли к подножию монумента.

Монумент был очень велик, с двадцатиэтажный дом. Мы остановились и, запрокинув головы, рассматривали трех капитанов.

Первый капитан оказался молодым, широкоплечим, стройным. У него был чуть курносый нос и широкие скулы. Капитан улыбался. На плече у него сидела странная птица с двумя клювами и красивой короной из каменных перьев.

Второй капитан был выше его ростом. У него была очень широкая грудь и тонкие ноги, как у всех людей,

Междуд тем мы подошли к подножию монумента

которые родились и выросли на Марсе. Лицо Второго было острое и сухое.

Третий капитан, фиксианец в тугом скафандре со шлемом, откинутым на спину, опирался ладонью о ветку каменного куста.

— Они совсем не старые, — сказала Алиса.

— Ты права, девочка, — ответил доктор Верховцев. — Они прославились, когда были молодыми.

Мы вступили в тень деревьев и по широкой аллее дошли до базы. База оказалась обширнейшим помещением, заваленным ящиками, контейнерами и приборами.

— Экспонаты начали в музей присыпать, — словно извиняясь, сказал доктор. — Идите за мной, в мою берлогу.

— Ну прямо как «Пегас» в начале нашего путешествия! — восхитилась Алиса.

И в самом деле, путешествие по базе к жилью доктора Верховцева было похоже на хождение по нашему кораблю, когда он был перегружен посылками, грузами и всяческим оборудованием.

Небольшой закуток между контейнерами, заваленный книгами и микрофильмами, в котором еле умещалась койка, тоже заваленная бумагами и пленками, оказался спальней и рабочим кабинетом хранителя музея доктора Верховцева.

— Рассаживайтесь, чувствуйте себя как дома, — сказал доктор.

Всем нам, кроме хозяина, было совершенно ясно, что рассаживаться здесь негде. Верховцев смахнул груду бумаг на пол. Листки взлетели кверху, и Алиса принялась их собирать.

— Роман пишете? — спросил Полосков.

— Почему роман? Ах да, конечно, жизнь трех капитанов интереснее любого романа. Она достойна того, чтобы ее описать как пример для будущих поколений. Но я лишен литературного дара.

Я подумал, что доктор Верховцев скромничает. Ведь сам прилетал к разведчикам, чтобы найти чертежи корабля одного из капитанов.

— Итак, — сказал доктор, — чем могу быть полезен моим дорогим гостям?

— Нам сказали, — начал я, — что вы все знаете о трех капитанах.

— Ну уж, — Верховцев даже покраснел от смущения, — это явное преувеличение!

Он положил шляпу на груду книг; шляпа старалась съехать вниз, и доктор ловил ее и снова клал на старое место.

— Капитанам, — сказал я, — удалось побывать на многих неизвестных планетах. Они встречали чудесных зверей и птиц. От них, говорят, остались записи, дневники. А мы как раз ищем на других планетах неизвестных животных. Не поможете ли вы нам?

— Ага, вот в чем дело... — Верховцев задумался. Его шляпа воспользовалась этим моментом, соскользнула вниз и исчезла под койкой. — Ах, — сказал он, — если бы я знал заранее...

— Папа, можно, я подскажу доктору? — спросила Алиса.

— Да, девочка, — обернулся к ней доктор.

— У одного каменного капитана на плече сидит птица с двумя клювами и с короной на голове. Такой птицы нет в зоопарке. Может, вы знаете что-нибудь о ней?

— Нет, — сказал Верховцев. — Почти ничего не знаю. А где моя шляпа?

— Под койкой, — сказала Алиса. — Сейчас я достану.

— Не беспокойтесь, — сказал Верховцев и нырнул под койку. Оттуда торчали только его ноги. Он искал там, в темноте, шляпу, шуршал бумагами и продолжал говорить. — Скульпторам дали последние фотографии капитанов. Они выбирали те фотографии, которые им больше нравились.

— Может, они придумали эту птицу? — спросил я, наклоняясь к койке.

— Нет-нет! — воскликнул Верховцев, и его ботинки задергались. — Я сам видел эти фотографии.

— Но хоть известно, где они сняты?

— Первый капитан никогда не расставался с птицей, — ответил Верховцев, — но, когда улетел на Венеру, подарил птицу Второму капитану. А Второй капитан, как вам известно, пропал без вести. Пропала и птица.

— Значит, даже неизвестно, где она водится?

Верховцев наконец вылез из-под кровати. Шляпу он смял в кулаке, и вид у него был смущенный.

— Простите, — сказал он, — я отвлекся.

— Значит, неизвестно, где водится птица?

— Нет-нет, — быстро ответил Верховцев.

— Жалко, — вздохнул я. — Значит, неудача. Ничем вы нам помочь не сможете. А мы так надеялись...

— Почему же не смогу? — обиделся доктор Верховцев. — Я и сам много путешествовал... Дайте только подумать.

Доктор думал минуты три, потом сказал:

— Вспомнил! На планете Эвридики водится Малый дракончик. И еще, говорят, Большой дракончик.

— Знаю, — сказал я. — Большого дракончика как-то застрелил один из капитанов.

— А вы откуда знаете? — спросил Верховцев.

— Знаю. Мне рассказал мой друг археолог Громозека.

— Странно, — произнес Верховцев и наклонил голову, рассматривая меня, словно видел в первый раз. — Тогда я еще подумаю.

Он думал еще минуту и сообщил нам о марсианском богомоле. Это было даже смешно. Марсианские богомолы живут не только во всех зоопарках — их даже дома держат. У Алисы один живет, например.

Тогда Верховцев рассказал нам о головастах, о муҳоколе с Фикса, об адских птицах с планеты Труль и о других зверях, известных по книге «Животные нашей Галактики».

— Нет, эти звери нам не нужны.

— Простите, — сказал Верховцев вежливо, — но я всю жизнь интересовался разумными существами, и животные как-то мне не встречались. Можно, я подумаю?

Верховцев снова задумался.

— Где же я бывал? — спросил он сам себя. — Ага, — ответил он, — я бывал на Пустой планете.

— Где?

— На Пустой планете. Это недалеко отсюда, в соседней звездной системе.

— Но если это Пустая планета, то какие же там звери? — удивилась Алиса.

— Этого никто не знает. Понимаете, были мы там в понедельник, все небо кишило птицами. А во втор-

ник ни одной птицы — только волки рыщут стаями. И олени. А в среду — ни тех, ни других. Планета опустела.

— Но, может, звери просто откочевали куда-нибудь?

— Нет, — сказал Верховцев, — не в этом дело. У нас был разведкатель, и мы из любопытства облетели всю планету. Ни зверей, ни птиц. Пустота. И не мы одни этому удивлялись. Я вам координаты дам.

— Спасибо, — сказал я. — Но если вы больше ничего вспомнить не можете, тогда покажите нам дневники капитанов. Они-то уж, наверно, видели разных зверей.

— А кто вам сказал про дневники? — спросил доктор и наклонил голову.

— Наш друг археолог Громозека, — ответил я.

— Никогда не слышал. Да и зачем вам дневники? Я вспомнил о склиссах. О склиссеах с планеты Шешинеру. Их там тьма-тьмущая. Мне рассказывали.

— И за это тоже спасибо, — сказал я. Но мне очень хотелось взглянуть на дневники капитанов, а доктор Верховцев почему-то дневников показывать не хотел. Чем-то мы вызвали у него недоверие.

— Пожалуйста.

— А дневники? — спросила Алиса.

— Ой, девочка, что вам в этих дневниках? Кстати, их здесь и нет. Они на Фиксе. Хранятся в архиве. Да-да, в архиве. — И доктор Верховцев вдруг ожился, словно придумал удачную ложь.

— Ну, как хотите, — сказала Алиса.

Доктор смутился, напялил мятую шляпу на глаза и сказал тихо:

— А еще вы можете побывать на рынке в Пала-путре.

— Мы там обязательно побываем, — сказал я. — Мы о нем знаем.

— Тогда я вас провожу, — сказал доктор.

Он встал и повел нас между ящиками и контейнерами к выходу с базы. Он шел быстро, словно боялся, что мы передумаем и не улетим.

Мы вернулись к памятникам. Остановились возле них.

— А что случилось со Вторым капитаном? — спросил я.

— Он погиб, вы же знаете, — ответил Верховцев.

— Нам сказали, что он пропал без вести.

Доктор Верховцев пожал узенькими плечиками.

— А можно найти Первого капитана? — не сдавался я. — Он жив?

— Да, работает где-то в космосе.

— На проекте «Венера»? Но ведь там несколько тысяч человек.

— Вы же сами знаете, как его искать. И ничего вы от меня больше не добьетесь.

— Ну что ж, — сказал я тогда, — спасибо за прием. Мы, правда, думали, что встреча будет иной.

— Я тоже так думал, — сказал Верховцев.

— Может, когда напишете роман, пришлете нам экземпляр?

— Я не пишу романов! Не умею! Кто это придумал?

— Я говорю о том романе, ради которого вы летали месяц назад к разведчикам на Малый Арктур и спрашивали у них об устройстве «Синей чайки».

— Что? — доктор Верховцев взмахнул руками. — Какая «Синяя чайка»? Какие разведчики? Я там полгода уже не был!

— Ну хорошо, хорошо, — сказал я, видя, что доктор совсем растерялся. — Мы не хотели вас обидеть.

— То-то, — сказал Верховцев. — Будете мимо лететь, заходите, всегда буду рад вас видеть. Особенно эту очаровательную девчурку.

Он протянул руку, чтобы погладить Алису по голове, но Алиса отошла на шаг в сторону, и рука доктора повисла в воздухе.

— Значит, не забудьте, — сказал он, остановившись у монумента Трех Капитанов. — Склиссы на Шешинеру и загадка Пустой планеты.

— Спасибо, доктор, — ответил я. — Мы не забудем.

Глава 6

КУСТИКИ

Доктор долго стоял у ног громадных каменных капитанов и размахивал шляпой. Золотые лучи заходящих солнц освещали его, и казалось, что он тоже статуя, только поменьше остальных.

— А-а-а! — донесся вдруг до нас далекий крик.
Мы обернулись.

Доктор бежал к нам, увязая в песке.

— За-бы-ыл! — кричал он. — Совсем забы-ыл!

Доктор подбежал к нам и минуты две пытался отдохнуться, все время начинал одну и ту же фразу, но дыхания не хватало, чтобы ее закончить.

— Ку... — говорил он. — У па...

Алиса попыталась помочь ему.

— Курица? — спросила она.

— Не-ет... ку-устики. Я... забыл про кустики сказать.

— Какие кустики?

— Стоял у этих самых кустиков и забыл про них сказать.

Доктор показал на монумент. Даже отсюда, издали, было видно, что у ног третьего капитана скульптор изобразил пышный куст, тщательно выпилив из камня его ветви и листья.

— А я думала, что это просто для красоты, — сказала Алиса.

— Нет, это же кустик! Вы никогда не слышали о кустиках?

— Никогда.

— Тогда послушайте. Всего две минуты... Когда Третий капитан был на восьмом спутнике Альдебарана, он заблудился в пустыне. Ни воды, ни пищи — ничего. Но капитан знал, что, если он не дойдет до базы, корабль погибнет, потому что все члены экипажа лежали, пораженные космической лихорадкой, а вакцина была только на базе, на пустой, покинутой базе в горах Сьерра-Барракуда. И вот, когда силы покинули капитана и путь был потерян в песках, он услышал отдаленное пение. Сначала капитану показалось, что это галлюцинация. Но он все-таки собрал последние силы и пошел по направлению к звукам. Через три часа он дополз до кустиков. Кустики растут в тех местах вокруг небольших водоемов, и перед песчаной бурей их листья трутся друг о друга, издавая мелодичные звуки. Кажется, что кустики поют. Вот таким образом кустики в горах Сьерра-Барракуда своим пением указали капитану дорогу к воде, дали возможность переждать страшную песчаную бурю и спасли жизнь

восьмерым космонавтам, погибвшим от космической лихорадки. В честь этого события скульптор на памятнике Третьему капитану изобразил кустик. Так что, я думаю, вам стоит заглянуть на восьмой спутник Альдебарана и в горах Сьерра-Барракуда найти кустики. Кроме того, Третий капитан говорил, что вечером на кустиках раскрываются большие нежные светящиеся цветы.

— Спасибо, доктор, — сказал я. — Мы обязательно постараемся найти эти кустики и привезти их на Землю.

— А они могут в горшках расти? — спросила Алиса.

— Наверно, — ответил доктор. — Но, по правде говоря, я никогда кустиков не видел — они очень редки. И встречаются только у источника в самом центре пустыни, окружающей горы Сьерра-Барракуда.

... Система Альдебарана лежала неподалеку, и мы решили отыскать кустики и, если можно, послушать их пение.

Восемнадцать раз наш космокатер облетел всю пустыню, и лишь на девятнадцатом заходе мы увидели в глубокой ложбине зелень. Разведкатель снизился над песчаными барханами, и нашим глазам предстали кусты, окружавшие родник.

Кусты были невысоки, мне по пояс, у них были длинные, серебристые с изнанки листья и довольно короткие, толстые корни, которые легко выходили из песка. Мы осторожно выкопали пять кустов, выбирая те, на которых нашли бутоны, набрали в большой ящик песка и перенесли наши трофеи на «Пегас».

В тот же день «Пегас» стартовал с пустынного спутника и взял курс дальше.

Как только кончился разгон, я начал готовить к

съемкам камеру, потому что надеялся, что на кустах вскоре распустятся светящиеся цветы, а Алиса подготовила бумагу и краски, чтобы эти цветы зарисовать.

И в этот момент мы услышали тихое, благозвучное пение.

— Что такое? — удивился механик Зеленый. — Я не включал магнитофон. Кто включил? Почему мне не дают отдохнуть?

— Это поют наши кусты! — закричала Алиса. — Надвигается песчаная буря?

— Что? — удивился Зеленый. — Откуда в космосе может быть песчаная буря?

— Пошли к кустам, пап, — потребовала Алиса. — Посмотрим.

Алиса побежала в трюм, а я немного задержался, заряжая камеру.

— Я тоже схожу, — сказал механик Зеленый. — Никогда не видел поющих кустов.

Я заподозрил, что на самом деле ему хочется выглянуть в иллюминатор, потому что он опасается, а вдруг и в самом деле надвигается песчаная буря.

Только я кончил заряжать камеру, как услышал крик. Я узнал голос Алисы.

Я бросил камеру в кают-компании и побежал скорее вниз, к трюму.

— Папа! — кричала Алиса. — Ты только посмотри!

— Спасите! — шумел механик Зеленый. — Они идут!

Еще несколько шагов — и я подбежал к двери в трюм. В дверях я столкнулся с Алисой и Зеленым. Вернее, я столкнулся с Зеленым, который нес на руках Алису. Вид у Зеленого был испуганный и борода разевалась, словно от ветра.

В дверном проеме показались кустики. Зрелище было и на самом деле ужасное. Кустики вылезли из полного песку ящика и, тяжело переступая на коротких уродливых корнях, двигались на нас. Они шли полу-кругом, покачивая ветвями, бутоны раскрылись, и среди листьев горели, словно зловещие глаза, розовые цветы.

— К оружию! — крикнул Зеленый и протянул мне Алису.

— Захлопните дверь! — сказал я.

Но было поздно. Пока мы толкались, стараясь разминуться, первый из кустов миновал дверь, и нам пришлось отступить в коридор.

Один за другим кустики последовали за своим предводителем.

Зеленый, нажимая по пути все кнопки тревоги, побежал на мостик за оружием, а я схватил стоявшую у стены швабру и попытался прикрыть Алису. Она смотрела на наступление кустиков зачарованно, как кролик на удава.

— Да беги же! — крикнул я Алисе. — Мне их долго не сдержать!

Кустики упругими, сильными ветвями схватились за швабру и вырывали ее из моих рук. Я отступал.

— Придержи их, па! — сказала Алиса и убежала.

«Хорошо, — успел подумать я, — что хоть Алиса в безопасности». Мое положение продолжало оставаться опасным. Кустики старались загнать меня в угол, а шваброй я уже не мог действовать.

— Зачем Зеленому огнемет? — услышал я вдруг в динамике голос капитана Полоскова. — Что случилось?

— На нас напали кустики, — ответил я. — Но огне-

мета Зеленому не давай. Я постараюсь запереть их в отсеке. Как только я отступлю за соединительную дверь, я тебе дам знать, и ты тут же закроешь трюмный отсек.

— Тебе не грозит опасность? — спросил Полосков.

— Нет, пока я держусь, — ответил я.

И в тот же момент ближайший ко мне куст сильно дернул за швабру и вырвал ее из рук. Швабра отлетела в дальний конец коридора, и кусты, будто ободренные тем, что я безоружен, двинулись ко мне сомкнутым строем.

И в этот момент я услышал быстрые шаги сзади.

— Ты куда, Алиса! — крикнул я. — Сейчас же назад! Они сильные, как львы!

Но Алиса проскользнула у меня под рукой и кинулась к кустам.

Что-то большое, блестящее было у нее в руке. Я кинулся за ней следом, потерял равновесие и упал. Последнее, что я увидел, была Алиса, окруженная зловещими ветвями оживших кустов.

— Полосков! — крикнул я. — На помощь!

И в ту же секунду пение кустов прервалось. Сменилось тихим журчанием и вздохами.

Я поднялся на ноги и увидел мирную картинку.

Алиса стояла в самой гуще кустиков и поливала их из лейки. Кустики раскачивали ветвями, стараясь не упустить ни капли влаги, и блаженно вздохали...

Когда мы загнали кусты обратно в трюм, убрали сломанную швабру и вытерли пол, я спросил Алису:

— Но как же ты догадалась?

— А ничего особенного, пап. Ведь кустики — растения. Значит, их надо поливать. Как морковку. А мы ведь их выкопали, посадили в ящик, а полить забыли.

Когда Зеленый схватил меня и старался спасти, я успела подумать: ведь они у себя дома живут у самой воды. И Третий капитан по их пению отыскал воду. А поют они, когда надвигается песчаная буря, которая сушит воздух и засыпает песком воду. Вот они и волнуются тогда, что воды им не хватит.

— Так чего же ты сразу не сказала?

— А ты бы поверил? Ты с ними воевал, как с тиграми. Ты совсем забыл, что они — самые обыкновенные кустики, которые надо поливать.

— Ну уж самые обыкновенные! — проворчал механик Зеленый. — Гоняются за водой по коридорам!

Тут уж наступила моя очередь как биолога сказать свое последнее слово.

— Так эти кусты борются за существование, — сказал я. — Воды в пустыне мало, родники пересыхают, и, чтобы оставаться живыми, кустам приходится бродить по песку и искать воду.

С тех пор кусты мирно жили в ящике с песком. Только один из них, самый маленький и непоседливый, часто вылезал из ящика и подстерегал нас в коридоре, шелестел ветками, напевал, выпрашивал воду. Я просил Алису не перепаивать малыша — и так уж вода сочится из корней, — но Алиса его жалела и до самого конца путешествия таскала ему воду в стакане. И это еще бы ничего. Но как-то она напоила его компотом, и теперь кустик вообще никому прохода не дает. Топает по коридорам, оставляя за собой мокрые следы, и тупо тычется листьями в ноги людям.

Разума в нем ни на грош. Но компот любит до безумия.

Разума в нем ни на грош. Но компот любит до безумия

Глава 7

ЗАГАДКА ПУСТОЙ ПЛАНЕТЫ

— Куда сначала? — спросил Полосков.

Он разглядывал космическую карту. На ней был проложен курс на Палапутру, где находится рынок зверей. Но там же пунктиром мы наметили курс на Пустую планету, о которой рассказывал Верховцев.

— На Палапутру мы всегда попадем, — ответил я. — А вот Пустая планета не указана ни в одном космическом справочнике. Может быть, рискнем?

— Но даже сам доктор Верховцев сказал, что на ней звери пропали. Может, они умерли и мы только зря время потеряем?

— И горючего мало осталось, — вмешался в наш разговор Зеленый. — Все равно в Палапутре заправляться придется. А разве на Пустой планете заправишься? Вот и останемся без горючего — жди потом, пока кто-нибудь мимо пролетит.

Но Зеленого мы не стали слушать. Он ведь пессимист. И мы были уверены, что у него горючего наверняка хватит. Он просто хотел перестраховаться.

— И все-таки, — сказал я, — заглянем на Пустую планету. Это загадка, а нет на свете ничего интереснее, чем разгадывать загадки.

И мы взяли курс на Пустую планету.

К сожалению, через два дня оказалось, что доктор Верховцев дал не совсем точные координаты. Мы должны были уже увидеть звезду, вокруг которой эта планета вращается, а впереди была пустота.

Что делать? Мы решили: летим еще один день и, если ничего не изменится, повернем обратно.

Мы решили так вечером, перед ужином, и после

этого Зеленый пошел в радиорубку, чтобы послать радиограмму на Землю о том, что у нас все в порядке, полет проходит нормально. Я отправился вслед за Зеленым.

Я люблю слушать, когда Зеленый включает радио и космос, такой пустынный и необъятный, оживает. Мы слышим, как разговаривают далекие космические базы и планеты, как перекликаются корабли и автоматические маяки передают информацию с ненаселенных планет и астероидов об обстановке, о путях метеоритных потоков и пульсирующих звездах.

Пока Зеленый готовил радиограмму, я вертел ручку приемника.

И вдруг услышал слабый женский голос:

— Нахожусь в секторе 16-2, зарегистрировала неизвестный метеоритный поток, летящий в системе Блук. Через трое суток поток пересечет пассажирскую трассу Блук — Фикс. Прошу сообщить всем кораблям.

— Мы как раз в этом секторе, — сказал я Зеленому.

— Я слышал, — ответил Зеленый, который, оказывается, отложил радиограмму и занес сообщение неизвестного корабля в бортовой журнал.

— А раз уж этот корабль в нашем секторе, давай спросим его о Пустой планете, — сказал я Зеленому. — Может быть, мы сбились с курса.

Зеленый сказал, что тот корабль слишком далеко от нас и не услышит, что наша радиация наверняка откажет, что та женщина, которая предупреждала о метеорах, все равно не знает ничего о планете, потому что ее не существует. Зеленый ворчал, а тем временем его руки крутили настройку радио и, когда неизвестный корабль принял наш вызов, он сказал:

— Говорит корабль «Пегас». Мы находимся в вашем секторе и направляемся к Пустой планете, но не знаем, правильно ли летим.

— Сейчас проверю, — ответил женский голос. — Дайте мне ваши точные координаты.

Мы включили связь с мостиком, и Полосков сообщил нам координаты. Мы их передали по назначению.

— Все понятно, — ответил женский голос. — Между вами и Пустой планетой висит облако космической пыли, поэтому вам не видна звезда. Смело летите вперед и завтра минуте облако.

— Большое спасибо, — сказал я неизвестному кораблю. — А то нам дали эти координаты на планете имени Трех Капитанов, но дал не космонавт, а хранитель музея, и мы опасались, что он ошибся.

— Доктор Верховцев? — спросил женский голос.

— Да. А вы его знаете?

— Отлично знаю, — ответила женщина. — Он чудесный и добрый старик. Как жаль, что мы с вами не встретились раньше! Мне надо передать ему письмо, а я не смогу к нему залететь. Некогда. Вы не вернетесь к Верховцеву?

— Нет, — ответил я. — Мы потом полетим на Блук, в город Палапутру. Мы биологи и ищем редких животных.

— Я тоже, — ответил женский голос. — Может, когда-нибудь мы встретимся. Но сейчас некогда. Сейчас я должна спешить. Я ищу живую туманность.

— Последний вопрос, — сказал я. — Вы сами не бывали на Пустой планете?

— Была, — ответил женский голос. — Моря там кишат рыбой, но на суще ни единого животного. Желаю успеха.

В динамике раздался глухой шум, разряды.

— Она включила двигатели на полную мощность, — сказал Зеленый, — она куда-то спешит. Что это за живая туманность?

— Живой туманности не существует, — сказал я. — Эту женщину я встретил на конференции и сказал ей, что она заблуждается. Ты слышал, как она отзывалась о докторе Верховцеве? Чудесный, говорит, старик.

— И все-таки я ему не доверяю, — проворчал Зеленый. — Если он такой чудесный, зачем говорил не-правду? Почему он то пишет роман, то не пишет? Почему уверяет, что не летал на Малый Арктур? Почему не захотел показать нам дневники трех капитанов?

И Зеленый снова принял за радиограмму.

Женщина была права. На следующий день мы засекли в локаторах маленькую звезду, вокруг которой вращалась всего одна планета. Судя по всему, это и была Пустая планета.

Мы опустились в сумерках на берегу большого озера, на краю бесконечной равнины, поросшей ровной, пожелтевшей травой. Шел мелкий дождь, долгий и скучный. Мы долго стояли перед иллюминаторами — ни зверя, ни птицы. Может, и в самом деле здесь и нет ничего?

Алиса с Зеленым пошли за водой к озеру. Вернулись они не скоро, но я не волновался, потому что мне из иллюминатора видно было, что они заняты чем-то на берегу.

Потом Зеленый вернулся, но прошел не на мостик, а к себе в каюту.

— Ты чего ищешь? — спросил я по внутренней связи.

— Удочку, — ответил Зеленый. — Здесь рыбы в озере — тьма-тьмущая. Мы ведром воды зачерпнули, а в ведре сразу три рыбины. Неужели ты, профессор, не хочешь свежей ухи?

— Нет, ответил я. — И вам не советую. Даже на Земле бывают ядовитые рыбы, а варить уху на неизвестной планете по крайней мере легкомысленно.

— Ну ладно, ладно, — сказал Зеленый. — Тогда поймаем чего-нибудь тебе в коллекцию.

Зеленый убежал обратно на берег, а я захватил Алисин плащ, чтобы она не простудилась, взял сеть и пошел к озеру.

Зеленый сетью ловить рыбу отказался, заявив мне, что это не спорт, а он спортсмен. Но мы с Алисой наловили целое ведро. Отнесли рыбу на корабль. Вслед за нами пришел промокший Зеленый, который тащил свой улов в садке.

— Не забудь дверь на корабль закрыть, — сказал я, ставя ведро у люка.

— Не забуду, — отозвался взволнованным голосом Зеленый, который так стосковался по рыбалке, что готов был ловить рыбу всю ночь, если б не было так темно.

Утром я первым делом выглянул в иллюминатор. За стеклом светило яркое солнце и множество птиц кружило над кораблем.

— Вот тебе и Пустая планета, — сказал я вслух и пошел будить товарищей. — Вот тебе и Пустая планета, — повторял я. — Вчера рыбы наловили, сегодня птицы стаями кружат.

Алису и Полоскова я разбудил, но Зеленый уже сам поднялся. Он разбирал крючки и лески.

— Готовлю снасть на большую добычу, — сказал он мне. — Чует мое сердце, что здесь щуки водятся с меня ростом.

— Только осторожно, — ответил я. — Смотри, чтоб какая-нибудь щука тебя не поймала.

Потом я спустился к люку, чтобы поглядеть на птиц поближе. И обнаружил неприятную деталь: оказывается, охваченный рыбакским угаром, наш механик забыл закрыть на ночь дверь «Пегаса». Хорошо еще, что никакой зверь не забрался внутрь, но все до одной рыбы пропали. Видно, птицы залетали в люк, как в пещеру, и перетаскали весь наш вчерашний улов.

— Это очень серьезное нарушение космической дисциплины, — сказал Полосков за завтраком, узнав об оплошности Зеленого. — Но я сам виноват в этом. Так же как и профессор. Мы обязаны были проверить люк.

— Но ничего же не произошло, — сказала Алиса. — Мы сейчас с Зеленым наловим хоть десять ведер. Вы не представляете, сколько в озере рыбы!

— Не в этом дело, — вздохнул Полосков. — Если такое еще раз повторится, мы можем смело поворачивать обратно домой. Значит, мы все такие легкомысленные, что в космосе нам делать нечего.

— Прости, капитан, — сказал Зеленый. Он понимал, конечно, что натворил, но мысль о рыбалке так его взволновала, что одной ногой он был уже на берегу озера.

Я заготовил сети для ловли птиц и вынес ружье, которое стреляет иглами, смазанными сонным составом. Пока я готовился к охоте на птиц, Зеленый сидел на

берегу, и я краем глаза следил за ним. Меня удивило, что он такой понурый. «Может, переживает?» — подумал я.

Тут погода внезапно испортилась. Откуда-то налетел сильный ветер. Он гнул траву, сдувал птиц с неба, поднял на озере высокие волны. Через несколько минут ни одной птицы на небе не осталось. Куда-то они попрятались.

Зеленый поднялся и пошел к кораблю.

Я тоже решил спрятать в корабль сети и подождать, пока погода исправится и птицы вернутся обратно.

— Ну как? — спросил я Зеленого. — Можно поздравить с уловом?

— Никакого улова, — ответил Зеленый. — Не клюет.

— Как — не клюет? Ты же сам говорил, что в озере рыбы полным-полно.

— Это вчера было. А сейчас, видно, вся рыба в глубину ушла.

— А у меня птицы разлетелись, — сказал я. — Так что нам обоим не повезло. Подождем, пока погода исправится. А ты вечером снова к озеру пойдешь? Может, здесь рыба только вечером клюет?

— Не знаю, не верю я этой планете, — мрачно сказал Зеленый. — Ведь не зря ее Пустой планетой называют. Были рыбы — нет рыб. Были птицы — нет птиц.

— Глядите, — сказала Алиса, которая стояла рядом и слышала весь наш разговор. — Смотрите, заяц!

Какой-то зверек прыгал в траве. За ним гнался другой, побольше ростом. Мы не успели разглядеть их как следует, а они уже пропали, только трава колыхалась под ветром.

— Вот видишь, — сказал я, — не пустая планета. Звери здесь есть.

— И зверей тоже не будет, — ответил Зеленый. — Помнишь, что Верховцев говорил? Хоть я Верховцеву и не верю.

— Зеленый, — сказал я, — давай проверим, куда ушла твоя рыба. Запустим в озеро биоискатель. Настроим его на рыб, и как только он обнаружит рыбу, даст сигнал.

— Как хочешь, — сказал Зеленый. — Только нет в озере рыбы. Я же старый рыбак, я знаю, когда озеро пустое.

Я вынес из «Пегаса» биоискатель и запустил прибор в озеро. Биоискатель был в водонепроницаемом кожухе и снабжен двигателем. Я надел наушники и стал ждать сигналов. Приборы показывали, что биоискатель опустился к самому дну озера, потом отплыл дальше, к самой середине. Но сигналов не поступало. Озеро было мертвым. Через полчаса мне пришлось отказаться от поисков. Биоискатель ошибиться не мог — в озере не было ни единой рыбешки.

— Если бы я вчера собственными руками не вытаскивал рыб из воды, никогда бы не поверил, что здесь может что-нибудь водиться, — признался я. — Верховцев был прав, планета странная.

— То-то и я говорю, — сказал Зеленый, смотал удочки и ушел в «Пегас».

— На горизонте большое стадо антилоп, — громко сказал динамик.

Это Полосков сверху, с мостика, увидел животных у самого горизонта.

Но я и без него уже понял, что степь кишит зверьем. В траве бегали мыши полевки, суслик поднялся столби-

ком неподалеку, какой-то зверь, очень похожий на медвежонка, прошел по берегу озера.

— Ничего страшного, — сказал я. — Будем готовить вездеход и отправимся ловить зверей.

И только мы вывели вездеход из «Пегаса», как начался ливень. Это был дождь куда сильнее вчерашнего; налетел он внезапно и гулко застучал по крыше вездехода. Мы с Алисой нырнули внутрь и, не обращая на стук дождя внимания, взяли курс в глубь степи, туда, где паслось стадо антилоп.

Антилоп не было видно. Не нашли мы и других зверей. И когда я вылез из вездехода и наклонился, чтобы рассмотреть мышей, что бегали в траве совсем недавно, оказалось, что и мыши исчезли. На этот раз я запустил биоискатель над равниной. Биоискатель вернулся обратно, долетев до самого горизонта, и не было никаких сомнений — на этой планете нет ни одного зверя.

— Что же будешь делать? — спросил я с отчаянием у Полоскова, когда мы загнали вездеход обратно в «Пегас» и уселись в кают-компании. — В самом деле пустая планета. И мне не хочется улетать отсюда, пока мы не разгадаем эту тайну.

— Мы же не можем здесь оставаться вечно, — сказал Полосков. — И мы не первые, кто столкнулся с этой загадкой. Может быть, тайна Пустой планеты так и останется неразгаданной.

— Жалко, что Зеленый забыл люк закрыть, — сказала Алиса. — Хоть бы рыбы у нас остались.

— Ладно, он и так расстроен, — прервал я Алису. — Это все-таки удивительно: прилетели вчера, дождь идет — рыб полно озеро, утром птицы летают, потом ветер поднялся, птиц разогнал — звери появились...

— Пап, — сказала вдруг Алиса, — я разгадала тайну этой планеты.

— Ну вот, конечно, — сказал мрачно Зеленый. — Никто не разгадал, а Шерлок Холмс, по прозвищу Алиса, разгадал!

— Осторожней, Зеленый, — сказал Полосков, — я уже проиграл Алисе желание, когда мы искали головастов.

— Правильно, — согласилась Алиса. — У меня ведь не научное мышление.

— Ну, рассказывай, дочка, — сказал я.

— А можно, я буду не рассказывать, а показывать?

— Если хочешь, показывай.

— Тогда посидите здесь минутку, я скоро вернусь.

— Ты наружу? Но там же дождь.

— Не бойся. Я даже промокнуть не успею. А если ты боишься, что со мной что-нибудь случится, то смотри в иллюминатор. Я только до озера и обратно.

Я подошел к иллюминатору. Видно было, как Алиса, прикрывая голову плащом, бежит к озеру, как она черпает в нем воду ведерком. Еще раз, еще... Вот она бежит обратно.

Алиса вбежала в кают-компанию и поставила ведерко на стол.

— Поглядите, — сказала она.

В ведерке медленно плавала небольшая рыбка.

— Ого! — сказал Зеленый. — Я совсем забыл, что здесь самый клев вечером. Где удочки?

— Погоди, — сказала Алиса и сунула руку в ведро. Она достала из ведра рыбку и бросила ее на стол.

— Ты что делаешь?

— Если я права... — начала Алиса, и тут же, у нас на глазах, произошло удивительное превращение.

Рыбка раза два дернулась, взмахнула хвостом, и плавники начали превращаться в крылья, чешуя — в перья, и через минуту на столе уже прихорашивалась, оправляя перья, маленькая птичка.

Пока мы смотрели, разинув рты от изумления, на то, как рыба стала птицей, птица взмахнула крыльями и взлетела. Она ударилась о потолок кают-компании.

— Ловите ее! — крикнул я. — Она же расшибется!

— Стой, папа, это еще не все, — сказала Алиса.

Птичка несколько раз ударилась о потолок и упала обратно на стол. И, упав, она стала превращаться снова. На этот раз исчезли перья, съежились крылья, и перед нами оказался мышонок. Мышонок скользнул по ножке стола и исчез в углу.

— Теперь все ясно? — спросила Алиса.

Она торжествовала. Все-таки не каждый день удается разгадать тайну, которая оказалась не по плечу стольким биологам.

— Но как же ты догадалась? — спросил я.

— А ты мне подсказал. Ты вспомнил о том, что дождь шел вчера — были рыбы, солнце — птицы, ветер — звери.

— Все правильно, — сказал я. — Это удивительная приспособляемость, но вполне оправданная на этой планете. Живые существа принимают здесь такую форму, которая им наиболее удобна. Им не страшны ни ветры, ни дожди, ни солнце. Наверно, если наступает зима, они тоже что-нибудь придумывают.

— Это можно проверить, — сказала Алиса. — Положим рыбку в холодильник.

В холодильник мы пока рыбку не стали, но

соорудили ей клетку, в которой стоял аквариум, и потом часами любовались тем, как рыба, вылезая из воды, взлетала в воздух или убегала в угол, к кормушке.

Глава 8

ЧТО РАССКАЗАЛИ УШАНЫ

Все коллекционеры и любители всяческих диковин в восьмом секторе Галактики прилетают на планету Блук. Там, у города Палапутра, раз в неделю бывает базар.

В Галактике есть несколько миллиардов коллекционеров. Например, коллекционеры Солнечной системы собираются в первое воскресенье каждого месяца на Марсе, на плоскогорье у Большого канала. Мне рассказывали, что в туманности Андромеды тоже есть могучее братство коллекционеров, а на одной из планет их столько, что они взяли в свои руки власть и вся промышленность той планеты выпускает лишь альбомы для марок, пинцеты и аквариумы.

У марсианских коллекционеров я бывал. Достал там для зоопарка редких летающих рыбок. А вот на Блуке бывать мне не приходилось.

Палапутра оказалась небольшим городом. В ней было очень много гостиниц и складов. А космодрому в Палапутре могла бы позавидовать любая столица.

Как только «Пегас» опустился на бетонное поле, к нему сразу подкатил автомобиль, в котором сидели стражники.

— Вы откуда прилетели? — спросили они Полоскова, затормозив у трапа.

— С Земли, — ответил Полосков.

— Это где?

— В третьем секторе. Солнечная система.

— Ага, так я и думал, — сказал главный стражник.

Он был очень похож на вентилятор. У него было три больших круглых уха, и когда он говорил, то вертел головой так, что поднимался ветер. Поэтому в Галактике жителей Блуга прозвали ушанами.

Стражники поднялись на борт и прошли в кают-компанию.

— А что будете продавать? — спросил стражник.

— Мы хотели бы посмотреть, — ответил я, — нет ли здесь интересных зверей для Московского зоопарка.

— Значит, вы ничего не будете продавать? — спросил стражник.

— Нет.

— И у вас на борту нет никаких зверей?

— У нас есть звери, — сказал я, — но не для продажи.

— Покажите мне их, — сказал стражник.

— Почему? — удивился Полосков. — Мы ваши гости, и вы должны нам верить.

— Вам бы я поверил, — сказал ушан, — но вы мало знаете коллекционеров. Они тащат со всей Галактики разных тварей, а у нас потом сплошные неприятности. Раньше мы были вежливые и не проверяли кораблей, а теперь проверяем. Научены горьким опытом.

И стражник, поднимая ветер ушами, рассказал нам такую печальную историю:

— Недавно на рынке обнаружился торговец. Он пришел на базар с маленьким мешочком и банкой. В

банке были белые червяки. Любители птиц сразу оценили этих червяков. Червяки были калорийные и очень нравились животным. Один коллекционер купил банку червяков. Второй купил, третий. А торговец развязывал мешок и черпал оттуда всё новых. Коллекционеры стали в очередь за червяками. Двести двадцать третьим в очереди стоял известный собиратель экзотических рыбок Крабакас с Баракаса. Он стоял, делать было нечего, и следил за тем, как торговец черпает червяков банкой из мешочка. И подсчитал, что в мешочке может уместиться только три с половиной банки червяков, не больше. Тогда Крабакас с Баракаса догадался, что дело нечисто. Он подошел к торговцу и спросил: «Разве мешок бездонный?»

— Нет, ваше благоушие, — перебил главного стражника его помощник в этом месте рассказа, — он спросил: «Откуда вы берете червяков?»

— Молчи, — сказал третий стражник. — Ничего подобного. Крабакас с Баракаса спросил его: «Дайте мне ваш мешочек посмотреть».

— Молчать! — прикрикнул на своих помощников главный стражник. — Уши откушу, если будете перебивать!.. Торговец не обратил на слова Крабакаса никакого внимания. Может быть, оттого, что диаметр Крабакаса всего полмиллиметра, хотя длиной он восемь метров и сам похож на очень-очень тонкого синего червяка. Тогда Крабакас обратился к коллекционерам, которые стояли в очереди, и воскликнул: «Мне не нравится этот подозрительный торговец!»

— Простите, ваше благоушие, — не выдержал снова помощник стражника, — но я осмелиюсь сказать, что Крабакас с Баракаса сказал тогда другим коллекционерам: «Держите вора».

— Ты с ума сошел! — зашипел на него третий стражник. — Крабакас сказал: «Я не менее разумное существо, чем вы, торговец, и попрошу обращать на меня внимание! И вообще отдайте мешок».

— Всё, — замахал ушами начальник стражников. — Я ухожу в отставку!

Стражники поссорились, перешли на свой, совершенно непонятный язык, который состоит в том, что они очень хитрым образом шевелят ушами. В каютах компаний поднялась буря, и неизвестно, чем бы кончилась ссора стражников, если бы порывом ветра не сдуло со стола кофейник. Кофейник разбился, и стражникам стало стыдно за свое поведение.

— Простите нас, — сказал главный ушан. — Мы немного погорячились.

— Ничего, ничего, — сказал я, стараясь не улыбаться и собирая с пола осколки кофейника, пока Алиса бегала за тряпкой, чтобы вытереть коричневую лужу.

— Крабакас с Баракаса, — продолжал главный ушан, — объяснил коллекционерам свои подозрения, и они общими усилиями отняли у торговца маленький мешочек. В мешочке умешалось всего две горсти червей. Но когда они выгребли часть червей наружу, то тут же на глазах черви принялись делиться пополам и расти. Вдруг с дальнего конца базара раздался испуганный крик. Один любитель певчих птиц высypал корм в клетку и увидел, что черви размножаются на глазах.

— Нет, — сказал второй стражник, взмахивая ушами. — Осмелюсь возразить, ваше благоушие...

Но главный стражник не стал слушать возражения. Он схватил своих помощников за уши и вытащил их

из кают-компании, захлопнул дверь и сказал с облегчением:

— Теперь я расскажу спокойно.

Но дверь тут же приоткрылась, и в щель просунулось ухо непокорного стражника.

— Осмелюсь... — начал он.

— Нет, это невозможно! — Главный стражник прижался к двери тощей спиной и закончил рассказ: — Оказалось, что эти черви размножаются с невероятной быстротой. Так быстро, что в десять минут их уже втрое больше, а за час — в шестьсот раз больше, чем раньше.

— А чем же они питаются? — удивилась Алиса.

— Воздухом, — ответил стражник. — Само собой разумеется, воздухом.

— Кислородом! — крикнул из-за его спины второй стражник.

— Азотом! — закричал третий.

Главный стражник прикрыл лицо ушами от стыда за своих подчиненных. Лишь через пять минут он настолько пришел к себе, что мог закончить рассказ:

— В общем, уже через три часа весь рынок в Пала-путре был на метр завален червяками, коллекционеры и торговцы разбежались куда глаза глядят.

— А торговец? — спросила Алиса.

— Торговец в суматохе исчез.

— Убежал, — послышалось из-за двери.

— Гора червяков расползлась во все стороны. К вечеру она достигла центра города. Все пожарные машины, которые заливали червяков водой и пеной из огнетушителей, не смогли справиться с нашествием. Червяков пытались жечь, травить, посыпать ДДТ, топтать ногами, но все напрасно. Воздуха на планете

становилось все меньше и меньше. Пришлось раздать кислородные маски. Тревожные сигналы SOS полетели с планеты Блук во все концы Галактики. Но спас планету любитель птиц Крабакас с Баракаса. Он напустил на червяков едулок — птичек, маленьких ростом, но настолько прожорливых, что ни один уважающий себя коллекционер их держать не будет: чистое разорение. В конце концов от червяков удалось избавиться, хотя едулки заодно сожрали всех муравьев, пчел, ос, комаров, бабочек, тараканов, шмелей и назовых жуков.

— Так зачем же этот торговец продавал таких опасных червей? — спросила Алиса.

— Как — зачем? Хотел получить прибыль. Ведь этот мешочек был бездонным.

— Нет, — сказала Алиса, — этого быть не может. Не такой уж он дурак. Ведь коллекционеры скоро догадались, в чем дело.

— Конечно, не дурак! — крикнул из-за двери другой стражник. — Он хотел погубить нашу планету!

— А зачем?

— Мы сами не знаем, — признался главный стражник, отошел от двери и впустил своих помощников. — Мы не знаем, но с тех пор проверяем все корабли, приходящие из Солнечной системы.

— Почему именно из Солнечной системы?

— Это тайна, — сказал первый стражник.

— Никакая не тайна, — вмешался второй. — Просто тот торговец был из Солнечной системы. Он был Человек.

— Совсем странно, — сказал я. — Но хоть есть его описание? Как он выглядел?

— Никак. Для нас все люди на одно лицо.

— Все равно должны быть какие-то отличительные черты.

— Была черта, — сказал помощник стражника.

— Молчи! — приказал ему начальник.

— Не буду, — сказал помощник. — Тот человек ходил в головном уборе с горизонтальными полями и поперечным углублением наверху.

— Не понимаю, — сказал я. — Что еще за поперечное углубление?

— Ваше благоушие, покажите им фотографию. Может, они нам помогут, — сказал помощник.

— Нет, нельзя, это секретная фотография.

— Можно. Раз я сказал, она уже не секретная.

— Но ты не сказал, а выдал государственную тайну.

— Тем более.

Тогда его благоушие вынул из кармана фотографию. Фотография была помята, она была любительская, смазанная, но все равно никаких сомнений не оставалось: на ней был изображен доктор Верховцев с банкой в одной руке и небольшим мешочком — в другой.

— Быть не может! — удивился я.

— Вы его знаете?

— Да. Он живет на планете имени Трех Капитанов.

— Ай-ай-ай, на такой хорошей планете живет такой плохой человек! Когда вы его видели?

— Три дня назад.

— А у нас он был в прошлом месяце. Теперь давайте осмотрим ваш корабль. А вдруг у вас на борту есть червяки?

— У нас нет червяков.

— Запирается, — подсказал своему начальнику второй ушан. — Не хочет говорить.

— Тогда не разрешим выходить в город, — сказал начальник. — Где у вас телефон? Будем считать, что все на борту больны галактической чумой. Тогда вы добровольно улетите. А нет — такую дезинфекцию начнем, что пожалеете, что прилетали.

— Мы ничего дурного не замышляем, — постарался я успокоить стражника. — Мы этого человека видели только раз. И, может быть, даже не его. Ведь бывают же очень похожие люди. И зачем доктору, директору музея, торговать червяками?

— Не знаю, — сказал печально главный ушан. — У нас столько несчастий! Мы уже перестали доверять нашим гостям.

— А что еще случилось?

— И не спрашивайте. Кто-то истребил почти всех говорунов.

— Говорунов?

— Да, говорунов. Это наши любимые птицы.

Глава 9

НАМ НУЖЕН ГОВОРУН

Мы с Алисой пошли на базар пешком, а вездеходу велели подъехать туда часа через два.

Утро было хорошее, ясное, небо чистое, оранжевое, облака легкие, зеленые, песок под ногами мягкий, голубой.

Мы вышли на главную улицу города. По обе стороны ее стояли гостиницы. Гостиницы были очень не похожи одна на другую, потому что каждая из них стро-

Мы вышли на главную улицу города

илась специально для жителей той или иной планеты или звездной системы.

Была там гостиница «Крак», похожая на детский воздушный шарик метров сто в поперечнике. Из-под гостиницы торчали края антигравитаторов. В ней останавливались привыкшие к невесомости космические бродяги, у которых не было своей планеты. Они летали на кометах и метеорных потоках и там раскидывали шатры.

Потом мы миновали гостиницу «Чудесное место». Эта гостиница тоже была шаром, но твердым, массивным, наполовину вкопанным в землю. На ней мы увидели вывеску: «Только для жителей метановых планет». Из-за неплотно прикрытой двери шипела струйка газа.

Следующей оказалась гостиница «Сковородка»: ее стены были раскалены — не дотронешься, несмотря на сто слоев изоляции. В «Сковородке» останавливались жители звезд, для которых купание в раскаленной лаве все равно, что для нас купание в пруду летним днем.

Были гостиницы, подвешенные в воздухе и зарытые в землю, были с дверью на крыше и вообще без окон и дверей. И вдруг мы увидели небольшое здание с колоннами, самыми обычными окошками и самой обычной дверью. Над ней была вывеска: «Волга-машка».

— Смотри, пап, это, наверно, для людей! — сказала Алиса.

Мы остановились перед гостиницей, потому что нам приятно было увидеть ее — все равно что встретиться со старым знакомым.

Из гостиницы вышел высокий человек в форме кос-

монавта торгового флота. Он кивнул нам, и мы сказали ему:

— Здравствуйте. Вы откуда?

— Мы привезли с Земли на планету Блук регенераторы кислорода, — ответил он. — Может быть, вы слышали — здесь случилась неприятность: они чуть было не потеряли весь воздух.

Пока я разговаривал с космонавтом, Алиса стояла рядом и глядела на гостиницу. Вдруг она схватила меня за руку.

— Папа, смотри, кто там.

У окна на третьем этаже стоял доктор Верховцев и смотрел на нас сверху. Встретившись со мной взглядом, он тут же отошел от окна.

— Не может быть! — воскликнул я. — Он не успел бы сюда прилететь.

— Пойдем спросим, как он сюда попал, — сказала Алиса.

Дверь в гостиницу была резная, тяжелая, с позолоченной гнутой ручкой. А внутри холл был отделан, словно боярский терем. Стены расписаны единорогами и красными девицами, а вдоль стен стояли широкие скамьи. Видно, ушанские архитекторы видели знаменитую двадцатисерийную телепередачу «Борис Годунов». Посреди боярских палат я остановился.

— Погоди, Алиса, — сказал я. — Мне все это не нравится.

— Почему?

— Посуди сама: мы только что расстались с доктором Верховцевым, прилетаем сюда, и нам стражники говорят, что он чуть было не погубил планету, потому что продавал белых червяков, и тут же мы видим его в окне гостиницы.

— Тем более, — сказала Алиса. — Мы должны его спросить, в чем дело.

— Ну ладно, — согласился я и подошел к длинному столу, за которым между чучелом лебедя и пластико-вым ковшом стоял ушастый портье в белом кафтанчике.

— Скажите, — спросил я его, — в каком номере остановился доктор Верховцев?

— Одну минуточку, добрый молодец, — ответил портье, заложил уши за спину и открыл громадную книгу в кожаном переплете с застежками. — Верховцев... — бормотал он. — Ве-ри-хо-ви-цев... Есть Верховцев!

— И где же он живет?

— Восьмом тереме проживает. На третьем этаже, — сказал портье. — А вы будете его друзья?

— Мы его знакомые, — осторожно сказал я.

— Прискорбно, — сказал портье, — что у такого плохого и грубого постояльца есть такие хорошие на вид знакомые.

— А что, — спросил я, — он вас обидел?

— Идите, — ответил портье. — Терем номер восемь. И скажите ему, басурману, что если он будет и впредь варить сосиски на кровати и ломать роботов — стольников-постельников, то мы его попросим съехать с нашего уважаемого постоялого двора.

— А мне Верховцев показался очень тихим человеком, — сказал я Алисе, когда мы поднимались по лестнице.

Навстречу нам спускались люди — линеанцы, фиксианцы и другие существа, которые живут на планетах с такими же условиями, как на Земле. Некоторые из них несли в руках клетки, аквариумы, альбо-

мы с марками или просто сумки. Они спешили на базар.

Восьмой номер находился в самом конце длинного коридора, устланного множеством персидских ковров. Мы остановились перед пластиковой дверью, расписанной под дуб, и я нажал на кнопку звонка.

Никакого ответа.

Тогда я постучал в дверь. От легкого толчка дверь послушно растворилась. Небольшая комната была обставлена и украшена по иллюстрациям в исторических романах из жизни Земли. В ней были хрустальная люстра и керосиновая лампа без фитиля, вольфрамовый самовар и японская ширма. Но Верховцева не было.

— Доктор! — позвал я — Вы здесь?

Никакого ответа.

Алиса вошла в комнату, заглянула за ширму. Я от двери сказал ей:

— Пойдем отсюда, неудобно в чужую комнату залезать...

— Сейчас, пап, — ответила Алиса.

Я услышал за своей спиной чье-то быстрое дыхание. Я оглянулся. В дверях стоял очень толстый человек в черном кожаном костюме. У него были пухлые губы и несколько подбородков, которые лежали на воротнике.

— Вам кто нужен? — спросил он очень высоким, нежным, детским голосом.

— Мы ищем своего знакомого, — ответил я.

— Извините, я живу в соседнем номере, — сказал толстяк, — и я услышал, как пять минут назад человек, который здесь живет, ушел. Вот я и решил вас предупредить.

— А куда он пошел, не знаете?

Толстяк почесал свои подбородки, подумал немного и сказал:

— Я думаю, на базар. Куда бы ему еще пойти?

Мы покинули гостиницу и отправились к базару. «Странный человек доктор Верховцев», — думал я.

Мы миновали гостиницу, сделанную в виде аквариума, — в ней жили обитатели планет, покрытых водой, — и гостиницу, похожую на чайник. Из носика чайника вырывался пар — там жили куксы с Параселя. У них на планете жарко, вода кипит, и планета окутана горячим паром.

Из гостиниц выходили их постояльцы. Многие шли в скафандрах, и скафандры были самые разные. Кое-кто полз по земле, кое-кто летел над нашими головами. Под ногами мелькали коллекционеры ростом чуть побольше муравья, а рядом с ними шествовали коллекционеры ростом чуть ниже слона.

Чем ближе мы подходили к базару, тем гуще становилась толпа, и я взял Алису за руку, чтобы она не взначай на кого-нибудь не наступила или кто-нибудь нечаянно не наступил бы на нее.

Базар раскинулся на много километров. Он был разделен на несколько секций. Сначала мы миновали секцию собирателей раковин. Потом прошли сквозь секцию коллекционеров книг, с трудом пробились сквозь заполненную народом секцию собирателей минералов и драгоценных камней. Через цветочные ряды мы прошли довольно свободно, только в одном месте мне пришлось взять Алису на руки, потому что ей чуть не стало дурно от запаха фиксианских роз.

Но когда мы очутились в секции филателистов, Алиса попросила меня:

— Погоди.

Километровая площадка была уставлена складными столиками. Столиков было, как сказал мне один стражил, четырнадцать тысяч триста. За столиками сидели филателисты — по двое, а где и по четверо. И они менялись марками. Те, кому не досталось места за столиками, обменивались стоя или просто гуляли вокруг. Алиса купила серию объемных движущихся марок с изображением сирианских птиц, черногорскую марку 1896 года, альбом для фиксианских марок, который сам устанавливал марку на нужное место, только поднеси к нему. Потом она поменяла черногорскую марку на две марки с планеты Шешинеру.

— Это специально для тебя, пап, — сказала она.

Одна марка была совсем белая, на второй виднелась лишь надпись маленькими буквами: «Молодой склисс на пастбище».

— Ты, пап, хотел узнать про склисса.

— Но где же склисс?

— А склисс будет завтра, — сказал давешний толстяк, которого мы встретили в гостинице. Он нас догнал.

— Как так — завтра?

— На этих марках изображение появляется не каждый день, а только по четным числам, — сказал толстяк.

— А что будет на второй марке?

— На второй? На второй ничего не будет. Она истрачена.

— Так зачем же она? — удивился я.

— Это очень редкая марка. Жители Шешинеру не любят писать письма, и потому почти все марки с их планеты попадаются неиспользованные. А пустые мар-

ки очень редкие. Ваша дочка правильно сделала, что приобрела такую редкую марку.

Сказав это, толстяк помахал рукой и заспешил, подпрыгивая, дальше.

Мы чуть было не заблудились в секциях, подсекциях и отделениях рынка. Но тут впереди послышались птичий крики, рычание зверей и писк насекомых. Мы вышли на площадь, уставленную клетками, аквариумами, садками, загонами. Это и был отдел космической живности.

Даже мне, опытному космобиологу, было очень трудно разобраться в том, что мы увидели. Звери и птицы были настолько разнообразные, а владельцы их были порой и того разнообразнее, что я начал свое путешествие с грубой ошибки. Я подошел к темно-синей птице на трех двухметровых желтых ногах. От ее ноги тянулась цепочка к ее хозяину, — неизвестному мне инопланетчику, составленному из разноцветных шаров. Я спросил у него, сколько стоит эта прекрасная птица. И тут птица ответила мне на хорошем космическом языке:

— Я не продаюсь. Но если желаете, могу продать вам шаровика разнокрапчатого. И попрошу меня не оскорблять.

Оказывается, я перепутал, кто кого держит на цепочке. Стоявшие вокруг коллекционеры и торговцы рассмеялись, а птица тогда обиделась и стукнула меня по голове длинным клювом.

Я поспешил уйти, потому что птицу охватил гнев и она начала примериваться для следующего удара.

— Папа, — сказала вдруг Алиса, — иди сюда. Смотри, как интересно.

Я оторвался от разглядывания кристаллических жу-

ков, которых мы давно хотели заполучить для зоопарка, и обернулся к ней.

Алиса остановилась перед большим пустым аквариумом. Рядом стоял стульчик, и на нем сидел карлик.

— Посмотри, папа, каких интересных зверей продает этот человек.

— Ничего не вижу, — признался я. — Аквариум пустой.

Человечек грустно вздохнул и смахнул слезу.

— Вы не первый, — сказал он, — вы не первый.

— А что у вас в аквариуме? — вежливо спросил я. — Микроорганизмы?

— Нет, это ужасно! — сказал карлик. — Я уйду. Совсем уйду.

— Папа, — прошептала Алиса так громко, что слышно было за десять метров, — у него там невидимые воздушные рыбы. Он мне сам сказал.

— Невидимые?

— Девочка права, — сказал карлик. — Это самые обыкновенные невидимые рыбы.

— Очень интересно, — сказал я. — А как же вы их ловите?

— Сетями, — сказал карлик. — Невидимыми сетями. Рыбы летят-летят, попадают в невидимые сети, и я их везу домой.

— А можно одну подержать? — спросил я.

— Подержать? — Карлик очень удивился. — А как же вы ее будете держать?

— Руками.

— Но вы же ее не удержите.

— Почему?

— Потому что эти воздушные рыбы очень скольз-

кие. Они ускользают, как только до них дотронешься. Вы мне не верите?

Я не ответил. Тогда карлик взмахнул ручками и вскликнул:

— Пожалуйста! Смотрите, хватайте, выпускайте на волю! Делайте что хотите! Унижайте меня! Оскорбляйте!

Карлик стащил с аквариума большую тряпку, цепко схватил меня за руку и заставил залезть рукой в аквариум.

— Ну? — кричал он. — Ну? Поймали? Ничего вам не поймать!

Рука моя ощущала только пустоту. Никаких рыб в аквариуме не было.

— Здесь ничего нет, — сказал я.

— Ну, вот видите? — обратился карлик, заливаясь слезами, к окружившим нас любопытным. — Он убедился, что рыбы такие скользкие, что их нельзя поймать, но не хочет признаться.

Я поболтал рукой в пустом аквариуме и только вытащил руку наружу, как карлик закричал снова:

— Он выпустил всех моих рыб! Он их распугал! Разве я не предупреждал, что нельзя болтать рукой в аквариуме? Теперь я нищий! Я разорен!

Зрители недовольно роптали на двадцати языках и глядели на меня с осуждением.

Даже Алиса сказала:

— Ну зачем же ты так, папа?

— Но неужели вы не понимаете, — обратился я к окружающим, — что в аквариуме ничего не было?

— Откуда нам знать? — ответил мне вопросом полосатый, как тигр, с белыми усами житель планеты Икес. — А если он прав? Если рыбы невидимые и их

нельзя поймать? Как мы можем проверить, что он говорит неправду?

— Правильно, — поддержал его ушан. — Зачем ему лететь с другой планеты и везти пустой аквариум?

— Чтобы каждый день продавать его снова, — сказал я.

Но никто меня не слушал.

Пришлось заплатить печальному карлику за десять редких рыб. Карлик, видно, не ждал, что я так быстро сдамся, и был растроган, благодарил и обещал, если поймает невидимую рыбу, обязательно принесет ее мне. А когда мы уже собирались уходить, он сказал:

— Девочка, разреши, я сделаю тебе маленький подарок.

— Пожалуйста, — сказала Алиса. — Я буду очень рада.

— Возьми.

Карлик покопался в кармане и вынул оттуда пустую руку. Сложил ладонь лодочкой, как будто в ней что-то было, и протянул Алисе.

— Это, — сказал он, — шапка-невидимка. Бери, не стесняйся. Я люблю делать хорошим людям бесценные подарки. Только осторожно. Шапка соткана из такой тонкой ткани, что она ничего не весит и ее нельзя почувствовать.

Алиса поблагодарила жулика, сделала вид, что прячет подарок в сумку, и мы пошли дальше.

Вдруг под ноги к нам бросилось непонятное существо. Оноказалось пушистым шариком на палочках и доставало до колен. Удивительного цвета было это существо — ярко-красное в белую крапинку, как мухомор.

— Держи его, пап! — сказала мне Алиса. — Он убежал у кого-то.

— И не подумаю, — сказал я, кладя в карман бумажник. — Может, это не животное, а коллекционер, который ищет убежавшего зверя. Я его поймаю, а он вызовет полицию за то, что я его оскорбил, не догадавшись, какой он умный.

Но тут же мы увидели, как вдогонку за красным шариком спешит толстая двухголовая змея в блестящем переливающемся скафандре.

— Помогите, — кричала она. — Индикатор убежал!

Красный шар пытался укрыться за моими ногами, но змея протянула одну из ста тонких ножек, болтавшихся у нее по бокам, и подхватила беглеца. Он тут же изменил цвет с красного на желтый и подобрал прямые ножки.

— Простите, — сказал я толстой змее, — что это за животное?

— Ничего интересного, — сказала змея. — Таких у нас на планете много. Мы их зовем индикаторами. Они не умеют говорить, зато меняют цвет в зависимости от настроения. И бывают очень любопытные цвета. У вас нет куска сахара?

— Нет, — сказал я.

— Жалко, — ответила змея и достала откуда-то кусок сахара.

При виде сахара шарик пошел лиловыми разводами.

— Радуется, — сказала змея. — Правда, красиво?

— Очень, — согласился я.

— Мы им специально придумываем новые ощущения, чтобы найти необыкновенные цвета. Хотите, я его стукну? Он станет черным.

— Нет, не надо, — сказал я. — А вы не продадите его нам для Московского зоопарка?

— Нет, — ответила одна из голов змеи; другая тем временем молча свесилась вниз. — Обменять могу.

— Но у меня не на что меняться.

— Ну вот на эту штуку, на этого звереныша, — сказала змея и показала сразу десятью ножками на Алису.

— Нельзя, — сказал я, стараясь не обижаться, потому что сам недавно принял разумное существо за неразумную птицу. — Это моя дочь.

— Фу, какой ужас! — воскликнула гневно змея. — Я немедленно вызову блюстителей порядка. Это же запрещено!

— Что запрещено? — удивился я.

— Запрещено торговать своими детьми. И обменивать их на зверей тоже запрещено. Неужели вы не читали правил у входа на базар? Вы изверг и варвар!

— Ничего подобного, — засмеялся я. — Я с таким же успехом могу продать Алису, как она меня.

— И того хуже! — закричала змея, прижимая к груди цветной шар: индикатор, видно, перепугался и стал белым с красными крестиками вдоль спины. — Дочь торгует собственным отцом! Где вы такое видели?

— Честное слово, — взмолился я, — мы друг друга не продаем! У нас на Земле вообще не принято отцам продавать своих детей, а детям — своих родителей. Мы просто пришли вместе купить каких-нибудь редких зверей для нашего зоопарка.

Змея подумала немножко и сказала:

— Не знаю уж, верить вам или нет. Лучше спросим у индикатора. Он такой чувствительный. — Она накло-

нила обе головы к индикатору и спросила его: — Этим странным существам можно верить?

Индикатор стал изумрудно-зеленым.

— Как ни странно, он уверяет, что можно.

Тут змея успокоилась и добавила совсем другим тоном:

— А ты хочешь, чтобы я тебя им отдала?

Индикатор стал золотым, словно луч солнца.

— Очень хочет, — перевела его эмоции змея. — Берите его, пока я не раздумала. И еще возьмите справочник «Как кормить индикатор и как добиться нежно-розовых эмоций».

— Но я не знаю, что дать вам взамен.

— Ничего, — сказала змея. — Я же вас оскорбила подозрениями. Если вы в обмен на индикатор согласитесь меня простить, я до вечера буду счастлива.

— Ну конечно, мы на вас не обижаемся, — сказал я.

— Нисколько, — сказала Алиса.

Тогда змея взмахнула множеством своих ножек, шар-индикатор взлетел в воздух и упал на руки Алисе. Он оставался золотым, только по его спине, словно живые, бежали голубые полоски.

— Он доволен, — сказала змея и быстро уползла, не слушая наших возражений.

Индикатор спрыгнул с Алисинах рук и пошел сзади нас, пошатываясь на тонких прямых ножках.

Нам встретилась целая семья ушанов. Большой ушан, уши у которого были больше, чем у слона, его жена-ушанка и шесть ушат. Они несли канарейку в клетке.

— Смотри! — воскликнула Алиса. — Это канарейка?

— Да.

— Это не канарейка, — сказал строго отец-ушан. —

Это райская птица. Но мы ее совсем не хотели покупать. Мы искали настоящего говоруна.

— И не нашли, — сказали хором ушата, поднимая ветер ушками. — Нет ни одного говоруна.

— Это удивительно! — сказала нам ушанка. — Еще в прошлом году полбазара было занято говорунами, а теперь их совсем не стало. Вы не знаете, почему?

— Нет, — сказал я.

— И мы не знаем, — ответил ушан. — Придется нам разводить райских птиц.

— Папа, — сказала Алиса, когда они ушли, — нам нужен говорун.

— Почему? — удивился я.

— Потому что всем нужен говорун.

— Ладно, пойдем искать говоруна, — согласился я. — Только сначала я предлагаю тебе посмотреть на паука-ткача-троглодита. И если нам его отдадут, мы его обязательно купим. Это заветная мечта нашего зоопарка.

Глава 10

МЫ КУПИЛИ ГОВОРУНА

Мы с Алисой обошли весь базар, купили для зоопарка восемнадцать разных зверей и птиц, большинство из которых на Земле еще никому не приходилось видеть. Алиса спрашивала каждого торговца или коллекционера:

— А где достать говоруна?

Ответы были самые разные.

— Говоруны перестали класть яйца, — сказал один.

- Говоруны перемерли от загадочной болезни.
- Говорунов держать нельзя.
- Кто-то скupил всех говорунов на планете.
- Говорунов никогда и не было.

И еще много других ответов. Но мы так и не поняли, что же произошло на самом деле. Все признавали, что раньше говоруны были самыми обычными птицами и их любили держать дома и в зоопарках. Но за последний год говоруны почти все куда-то исчезли. Говорили, что по домам ходили люди и скupали говорунов. Говорили, что из зоопарка говорунов кто-то украл. Говорили, что в главном говоруньем питомнике они заболели лихорадкой и умерли. И чем безнадежнее было найти говоруна, тем больше Алисе хотелось хотя бы поглядеть на эту птицу.

— А что в говорунах особенного? — спросил я Крабакаса с Баракаса, с которым мы только что познакомились.

— Ничего особенного, — ответил Крабакас вежливо, свивая в кольца синий хвост. — Они говорят.

— Попугай тоже говорят, — сказал я.

— Про попугаев не знаю, не слышал. Но, может быть, у вас называют попугаями говорунов?

— Может быть, — согласился я, хотя вряд ли попугай водились на этой планете. — А где они водятся?

— Чего не знаю, того не знаю, — сказал Крабакас с Баракаса. — Может быть, они водились именно на этой планете. Я слышал, что говоруны могут летать между звезд и всегда возвращаются к родному гнезду.

— Не найти нам говоруна, — сказал я Алисе. — Придется возвращаться. Тем более, что твой индикатор уже проголодался.

Индикатор услышал мои слова и в знак согласия стал светло-зеленым.

Мы повернули к выходу, и тут меня остановил крик Крабакаса. Он, как синий смерч, взвился над клетками.

— Эй! — кричал он. — Землянин, вернись скорей сюда!

Я вернулся. Крабакас свился в клубок и сказал:

— Хотели посмотреть на говоруна? Ну, тогда считайте, что вам сказочно повезло. У меня за клетками спрятался человек, который принес настоящего взрослого говоруна.

Алиса, не дослушав, бросилась обратно, и за ней семенил индикатор, переливаясь от нетерпения всеми цветами радуги.

За стеной птичьих клеток спрятался маленький ушан с прижатыми ушами. Он держал за хвост большую бедную птицу. У птицы было два клюва и золотая корона.

— Ой, — сказала Алиса, — ты узнаешь ее, папа?

— Что-то знакомое, — сказал я.

— «Знакомое»! — передразнила меня Алиса. — Эта птица сидит на плите статуи Первого капитана!

Алиса была права. Я вспомнил. Конечно, именно говоруна изобразил скульптор.

— Вы продаете птицу? — спросил я у ушана.

— Тише! — зашипел тот. — Если вы не хотите ее и меня погубить, тише!

— Покупайте без разговоров, — сказал мне на ухо Крабакас с Баракаса. — Я бы сам купил, но вам она нужнее. Может быть, это последний говорун на планете.

— Но почему такая тайна? — спросил я.

— Ой, — сказала Алиса, — ты узнаешь ее, папа?

— Я и сам не знаю, — ответил хозяин говоруна. — Я живу далеко от города и редко здесь бываю. Давным-давно, несколько лет назад, этот говорун пришел ко мне. Он был истощен и ранен. Я его выходил, и он с тех пор жил у меня в доме. Этот говорун, видно, за свою жизнь побывал на разных планетах. Он говорит на многих языках. Несколько дней назад я был по делам в городе и встретился в столовой с одним старым другом. Мы разговорились, и старый друг сказал мне, что в городе совсем не осталось говорунов. Кто-то их скупает или убивает. А я тогда ответил другу, что у меня живет говорун. «Береги его», — сказал мне друг. Тут к нам подошел один землянин и сказал, что хочет купить говоруна...

— Он был в шляпе? — спросила вдруг Алиса.

— В шляпе, — ответил ушан. — А вы откуда знаете?

— Пожилой и худой?

— Да.

— Значит, это он, — сказала Алиса.

— Кто — он? — спросил Крабакас с Баракасом.

— Тот самый, который торговал червяками.

— Конечно, это он, злодей! — воскликнул Крабакас.

— Погодите, не перебивайте, — остановил нас ушан. — Я тогда отказался продать свою любимую птицу и поехал обратно домой. И представляете, в ту же ночь кто-то старался проникнуть в мой дом. А на следующую ночь меня хотели поджечь. Но говорун проснулся и разбудил меня. Вчера я нашел еще не оконченный подкоп под мой дом. А сегодня ночью в мою спальню кто-то бросил огромный камень. И я понял: если оставлю птицу дома, не жить мне на свете. Если не боитесь смерти, берите птицу, но за последствия я не отвечаю.

— Берите, — сказал Крабакас, — птица редкая, хорошая, а вам все равно улетать отсюда. Вам не страшно.

— Берем, папа? — спросила Алиса и протянула руку к говоруну.

Я не успел ответить, как говорун легко взлетел на плечо Алисы.

— Прощай, друг, — вздохнул ушан.

Я расплатился с ушаном, и тот сразу убежал. Даже деньги считать не стал.

— Кормить говоруна можно белым хлебом, — сказал нам на прощание добрый Крабакас, — и молоком. Полезно давать шиповниковый сироп.

Сказав так, Крабакас свернулся в синий клубок и улегся на клетку с канарейками.

Мы отправились к выходу с базара. Впереди шла Алиса, и на плече у нее сидел говорун. Правда, он еще не сказал ни слова, но это меня не волновало. За Алисой семенил индикатор и задумчиво менял цвета. Потом шел я и вел на поводке купленного за бешеные деньги, очень редкого, работающего, почти разумного паука-ткача-троглодита. Паук прял аккуратный шерстяной шарф в клеточку, и уже связанный конец шарфа волочился по земле. Сзади ехал автоматический вездеход, полный клетками и аквариумами, — там для человека и места бы не нашлось. Со всех сторон к нам оборачивались коллекционеры и повторяли на десятках языков:

— Смотрите, говоруна несут!

— Говорун!

— Живой говорун!

Вдруг говорун наклонил голову набок и заговорил.

— Внимание! — сказал он по-русски. — Посадка на

этую планету невозможна. Я перехожу на планетарную орбиту, а ты, друг милый, не забудь включить амортизаторы.

Сказав это, говорун без всякой паузы перешел на незнакомый нам язык и барабанил на нем минуты две.

— Вот это попугай! — сказала Алиса.

Говорун замолчал, прислушался к ее словам и повторил:

— Вот это попугай!

Потом еще подумал и произнес моим голосом:

— Но почему такая тайна?

Потом голосом своего прежнего хозяина:

— В ту же ночь кто-то старался проникнуть в мой дом. А на следующую ночь меня хотели поджечь.

— Все ясно, — сказал я. — Нам с тобой, Алиса, повезло: это сверхпопугай, всем попугаям попугай. Он запоминает сколько угодно слов, и притом сразу.

А тем временем говорун снова начал говорить по-русски:

— Слушай, Второй, мне нечего тебе подарить. Хочешь, бери моего говоруна. Он будет тебе напоминать о наших скитаниях — ведь у него в голове все умещается, до последнего слова. И ты знаешь, как его настроить на нужный текст.

Говорун ответил сам себе другим голосом:

— Спасибо, Первый. Мы еще увидимся...

Потом в горле говоруна что-то затрепетало, загудело, словно вдали поднимался в небо космический корабль.

— Папа, ты понимаешь, что он говорит? — спросила Алиса.

— Кажется, да, — ответил я. — Кажется, это голоса знаменитых капитанов.

Мы вышли с площади и постарались обойти секцию филателистов, чтобы не проталкиваться с нашим необыкновенным грузом сквозь толпу. Навстречу нам кинулся знакомый толстяк в черном кожаном костюме.

— Ну как? — спросил он. — Нашли, что искали?

— Да, — ответил я. — Все в порядке.

— Мы говоруна купили, — сказала с гордостью Алиса. — И он запомнил такие интересные вещи, что вы и не представляете.

В этот момент говорун снова открыл свои клювы, расправил коронку на голове и заговорил голосом Первого капитана:

— Ты же знаешь, Второй, как мне хочется снова уйти в космос. Но всему есть предел.

Толстяк обернулся к Алисе, увидел говоруна, и лицо у него стало похожим на плоский блин, а глаза побелели и спрятались глубоко в глазницах.

— Уступите его мне, — сказал толстяк.

— Почему? — удивился я.

— Так надо, — сказал толстяк и протянул руку к говоруну.

Говорун изловчился и больно клюнул его в палец.

— Ой! — крикнул толстяк. — Проклятая тварь! Я давно за тобой охочусь.

— Уберите руку, — сказал я.

Толстяк опомнился.

— Извините, — сказал он. — Я давно ищу говоруна. Я специально за ним прилетел за восемьдесят световых лет. Вы не можете мне отказать! Я заплачу, сколько вы хотите.

— Но мне не нужны ваши деньги, — сказал я. — У нас на Земле вообще уже нет денег. Мы берем их с

собой, только когда летим в космос, в те места, где еще есть деньги.

— Но я вам дам за эту птицу все, что вы хотите!
Я вам подарю целый зоопарк!

— Нет, — ответил я твердо. — Насколько я понимаю, говорунов уже почти не осталось. В зоопарке он будет в безопасности.

— Отдайте, — сказал толстяк злобно. — А то отниму.

— Только посмейте! — сказал я.

Мимо проходили два полицейских-ушана. Я обернулся к ним, чтобы позвать их на помощь, но толстяк как сквозь землю провалился.

Мы пошли дальше.

— Видишь, папа, с говорунами связана какая-то тайна, — сказала Алиса. — Ты никому его не отдавай.

— Не бойся, — успокоил я ее.

Мы шли по пустынной дороге. За невысокой изгородью шумел рынок. Впереди уже виднелись гостиницы города Палапутры. Вдруг сзади послышались легкие шаги. Я быстро обернулся и замер от удивления.

По дороге бежал, догоняя нас, доктор Верховцев. Шляпа его была сдвинута набок, костюм измят, и на вид он был еще худее, чем прежде.

— Профессор, — сказал он мне, задыхаясь, — вам грозит страшная опасность. Как хорошо, что мне удалось вас догнать! Какое счастье!

— Что за опасность? — спросил я.

— Опасность кроется в говоруне. Если вы с ним не расстанетесь немедленно, ваш корабль погибнет. Я знаю точно.

— Послушайте, доктор Верховцев, — сказал я сердито, — ваше поведение более чем странно. Вы себя очень таинственно вели на планете имени Трех Капи-

танов и сказали нам, что не знаете, какая птица изображена на памятнике. Потом вы, как говорят, приехали сюда и пытались уничтожить весь кислород на планете, торгуя белыми червяками. Вы плохо вели себя в гостинице: варили сосиски на кровати и ломали роботов-стольников. А теперь требуете, чтобы мы отдали вам говоруна... Нет, не перебивайте меня. Когда вы одумаетесь, приходите к нам на корабль, и там мы поговорим в спокойной обстановке.

— Вы пожалеете, — сказал Верховцев и сунул руку в карман.

Индикатор покраснел от страха. Паук-ткач-троглодит замахал на Верховцева недовязанным шарфом.

— Осторожнее, папа, у него пистолет! — крикнула Алиса.

— Полосков! — сказал я в микрофон, висевший у меня на груди. — Засеки мои координаты! Мы в опасности! Срочно на помощь!

Услышав мои слова, Верховцев замер, раздумывая. На наше счастье, на дороге показалась большая толпа коллекционеров, которые волокли упиравшегося зеленого слона. Верховцев перемахнул через загородку и исчез.

— Ой, как мне все это нравится! — сказала Алиса. — Какие настоящие приключения!

А мне, честно говоря, не очень нравятся такие приключения. Ведь мы ехали собирать животных для зоопарка, а не воевать с доктором Верховцевым.

Через три минуты над нами повис катер с «Пегаса». Это Полосков прилетел на помощь. Катер медленно летел над нами до самого корабля, и мы добрались до него без всяких осложнений.

Глава 11

КУРС К СИСТЕМЕ МЕДУЗЫ

Как только мы разместили зверей в клетки и накормили их, я прошел на мостик и послал телеграмму на базу разведчиков на Малом Арктуре. Телеграмма была такая:

«Проверьте, где находится доктор Верховцев. Мне кажется, что он не тот, за кого себя выдает».

Вечером пришел ответ с Малого Арктура:

«Доктора Верховцева на планете Трех Капитанов нет. Больше ничего пока сообщить не можем».

— Мы и без них знаем, что его нет на планете Трех Капитанов, — сказал, прочтя телеграмму, Полосков. — Он здесь.

Для говоруна мы сделали большую клетку и повесили ее в кают-компании. Говорун весь день бормотал что-то на незнакомых языках и никак не хотел изобразить кого-нибудь из капитанов. Но Полосков все равно поверил нам с Алисой и сказал:

— Я тоже думаю, что это тот самый говорун, который принадлежал Первому капитану и которого Первый капитан подарил Второму, когда они расстались.

— А не может так быть, — спросила Алиса, — что Верховцев специально гонялся за всеми говорунами, потому что хотел заполучить этого самого говоруна?

— Но зачем ему говорун? — спросил я.

— Как — зачем? Мы знаем, что Второй капитан пропал без вести. И никто не знает, где он. Мы знаем, что у него был говорун...

— Правильно! — сказал механик Зеленый. — Конечно! Наша девочка совершенно права. Капитана нет, а говорун здесь. Значит, говорун знает, где капитан. И Верховцев хочет это узнать.

— Так почему он делает из этого тайну? — спросил я. — Мы бы ему с удовольствием помогли.

Послышался стук. Кто-то пришел к нам.

Я отправился к люку и раскрыл его. На трапе стоял толстяк в черном кожаном костюме.

— Простите за беспокойство, — сказал он. — Я хотел извиниться за мое поведение на рынке. Но мне так хотелось получить живого говоруна, что я не удержался.

— Ничего, — ответил я, — мы не обижаемся. Только говоруна мы вам все равно не отдадим.

— Ну и не надо, — сказал толстяк весело. — Только я не хочу, чтобы вы обо мне плохо думали. Пожалуйста, не откажите мне в любезности, возьмите на прощанье от меня подарок.

Он протянул мне очень редкое животное: алмазную черепашку с Менаты. Панцирь этой черепашки сделан из настоящих алмазов и сверкает так, что глазам больно смотреть.

— Берите, не стесняйтесь, — сказал толстяк. — У меня их три.

Конечно, мне не стоило брать подарок от такого странного человека, надо бы поостеречься. Но ведь ни в одном зоопарке Земли нет алмазных черепашек! Пять лет мы охотились за ней, и вот нашелся человек, который нам ее дарит.

— Не отказывайтесь, — сказал толстяк. — До свиданья. Может, еще увидимся. Запомните, меня знают на ста планетах и зовут Весельчак У.

На трапе стоял толстяк...

И он затопал башмаками по трапу, спустился вниз и, подпрыгивая на ходу, направился к Палапутре.

Уже стемнело, оба солнца планеты сели почти одновременно, только с разных сторон горизонта, и потому над космодромом пылали два заката, один красивее другого. И я подумал, что все-таки нельзя думать о людях плохо. Вот толстяк, например, настоящий энтузиаст биологии. И не пожалел подарить нам такое редкое животное.

В очень хорошем настроении я вернулся в кают-компанию и показал моим друзьям подарок. Черепашку передавали из рук в руки, и все любовались причудливой игрой света на алмазах ее панциря.

— Куда дальше летим? — спросил Полосков после ужина.

— К склиссам, — сказала Алиса, — на планету Шешинеру.

— Ну что ж, — согласился я, — мы все равно туда собрались.

И вдруг говорун, до того сидевший смирно и глядевший, как мы пьем чай, снова заговорил.

— Ты собираешься лететь? — спросил он голосом Первого капитана.

— Да. Я полечу ему навстречу, — ответил говорун голосом Второго капитана.

— Ну ладно, Второй, если будет трудно, позовешь меня на помощь.

— Если смогу.

— Пришли говоруна. Он расскажет. Знаю, как заставить его говорить. Ты ему передашь все подробности.

— Ну, до встречи.

— До встречи.

Говорун замолчал.

— Ну, ты слышал, Полосков? — спросила Алиса.

— Конечно, слышал, не кричи, — ответил Полосков и задумался.

Говорун покачал золотой короной, словно раздумывал, продолжать или нет. И вдруг сказал медленно и раздельно голосом Второго капитана:

— Держи курс в систему Медузы.

Мы ждали, не заговорит ли говорун снова. Но говорун закрыл глаза и сунул голову под крыло.

— Значит, Второй капитан попал в беду и послал говоруна за помощью, — сказала Алиса. — Как же заставить говоруна все нам рассказать?

— Погодите, — вмешался я. — Ну с чего вы решили? Ведь говорун не полетел на Венеру, где работает Первый капитан, а вернулся на родную планету. Значит, его никто никуда не посыпал. Второй капитан мог просто погибнуть. И тогда говорун полетел домой.

— Все может быть, — сказал Полосков и поднялся из-за стола.

Он вышел из кают-компании и вернулся через пять минут, принеся с собой карту Галактики. Он расстелил ее на столе, отодвинув чашки, и ткнул пальцем в край карты.

— Здесь, — сказал он, — находится система Медузы. Совершенно не исследована. В ней есть планеты. Я предлагаю лететь туда. Если капитан жив, то мы ему поможем. Если он погиб, мы, по крайней мере, будем знать, где это случилось.

— Но ведь он мог погибнуть в открытом космосе, — возразил я.

— Но что могло случиться с великим капитаном в открытом космосе?

— Взрыв корабля, например.

— А говорун остался цел?

— Ну, мало ли что может случиться!

Я молчал. В конце концов, у экспедиции были свои задачи, и неизвестно, есть ли вообще какие-нибудь животные в системе Медузы. Пока мы долетим до системы и вернемся обратно, пройдет все время, отпущенное на экспедицию. А ведь мы ничего не знаем, кроме того, что сказал говорун. Вдруг капитан побывал там, а погиб совсем в другой части Галактики? Об этом я и сказал своим товарищам. Но чем дольше я говорил, тем меньше был уверен в своей правоте и тем больше понимал, что ни Полоскова, ни Алису я не убедил.

— Хорошо, — сказал я наконец, — попытка не пытка. Только сначала мы отправимся на Шешинеру. Надо же разобраться, кто такие склиссы.

— Добро, — согласился Полосков, водя пальцем по карте. — Это по дороге. Кроме того, мы сможем останавливаться по пути на других планетах и искать редких животных для зоопарка.

— Теперь спать, — сказал я. — Завтра с утра подъем и отлет. Все звери накормлены, напоены?

— Так точно, товарищ начальник экспедиции, — ответила Алиса, которая отвечала за кормление зверей.

— А где алмазная черепашка? — спросил я.

— Только что здесь была, — сказал Полосков. — Где же она?

Мы потратили целый час, облазили весь корабль и нашли алмазную черепашку только с помощью индикатора, который отыскал ее у самого люка.

— Видно, убежать хотела, — сказал Зеленый. — Я же предупреждал. За этими черепашками глаз да глаз. Индикатор пожелтел.

Я вытащил табличку цветовых чувств индикатора, которую дала мне двухголовая змея, и сказал:

— Желтый цвет — недоверие.

— Не веришь черепашке? — спросил Зеленый у индикатора. — Я тоже.

Индикатор стал таким желтым, что даже свет ламп померк.

— Ну ладно, — сказал тогда я. — Запрем ее в клетку.

Индикатор оставался таким же желтым, но по спине его поплыли черные полосы. Таблица сообщила нам, что черные полосы на желтом фоне означают несогласие.

— Ну хорошо, — сказал я. — Если ты такой недоверчивый, мы ее на ночь закроем в сейф.

И тогда индикатор стал счастливого темно-зеленого цвета.

Глава 12

ТАКОЕ ПЕЧАЛЬНОЕ ИЗОБРЕТЕНИЕ

Когда «Пегас» подлетал к планете Шешинеру, посылок и грузов в нем заметно поубавилось. Можно было ходить по коридорам и не натыкаться на мешки, ящики и контейнеры.

Мы миновали уже треть Галактики и оказались в таких местах, куда не заходят рейсовые лайнеры с Земли.

Планета Шешинеру лежит в стороне от больших путей. Ее животный мир небогат — еще триста лет назад

она была голой и необитаемой, но потом сюда прилетели колонисты с Розодора и сделали на ней искусственную атмосферу, посадили сады и соорудили газоны.

Мы бы не стали тратить время на посадку, но доктор Верховцев еще на планете Трех Капитанов сказал нам, что слышал о том, что на планете Шешинеру живет зверь по имени склисс.

«Пегас» опустился на планету глубокой ночью, в стороне от тусклых огоньков небольшого города. Садились мы тихо, чтобы не разбудить горожан и не испугать их: на Шешинеру редко прилетают корабли и некоторые шешинерийцы их вообще не видели.

Двигатели смолкли, механик Зеленый расчесал бороду и лег спать, капитан Полосков остался на мостице, чтобы внести поправки в устаревшую навигационную карту, Алиса писала письмо бабушке, надеясь отправить его с Шешинеру, а я спустился в первый трюм, чтобы выбрать пустую клетку для склисса и накормить зверей.

На корабле было тихо и тепло. Я почти беззвучно шел по мягкому ковру и думал о том, что надо будет запастись на Шешинеру водой и достать шерсти для паука-ткача-троглодита. Ветвистый кустик поджидал меня за углом, и я сказал ему:

— Спать сейчас же! А то завтра не полью.

Кустик в ужасе взмахнул листочками и запуршал, втискиваясь в свой отсек.

Вдруг я услышал негромкое чавканье. Кто-то залез на склад, где хранились оставшиеся посылки. Я остановился и прислушался. Неизвестно, кто из зверей вылез из клетки, — ведь не всякого возьмешь голыми руками.

Я осторожно заглянул в приоткрытую дверь склада. Пусто. Но чавканье стало слышней. Я вошел в отсек. Чавканье доносилось из-за двери запертого шкафа-холодильника. Там хранились ананасы.

Меня удивило, что ключ торчит снаружи — никто не мог забраться в холодильник и запереть себя без ключа.

Я медленно протянул руку к ключу, повернул его и распахнул дверь.

В шкафу, дрожа от холода, сидел небольшой зеленый человек и грыз остренькими зубками ананас.

Человек в ужасе поднял глаза и прижал ананас к груди.

— Вы не смеете, — сказал он.

— Хоть бы очистили ананас, — ответил я. — И вообще, как вы сюда забрались?

— Поужинать не дадут спокойно! — сказал человек и исчез вместе с ананасом.

Я протер глаза. Холодильник был пуст. Трех ананасов на полках не хватало. Кто-то дотронулся до моей ноги, и я от неожиданности подпрыгнул.

Оказалось, это все тот же беспокойный кустик бродит по трюму.

— Немедленно спать! — крикнул я на него, хотя никогда не кричу на животных и растения.

Кустик подобрал ветки и бросился наутек.

Я снова взглянул на холодильник. Спиной ко мне стоял зеленый человек и пытался, поднявшись на цыпочки, стащить с полки большой ананас.

— Стой! — крикнул я.

Человечек оглянулся, и я понял, что это вовсе не тот же самый похититель, который три минуты назад жевал ананас.

В шкафу, дрожа от холода, сидел небольшой зеленый человек

— Не волнуйтесь, — сказал человечек, — я имею разрешение.

И он тут же исчез, унося ананас.

Таких чудес я никогда еще не видел. У меня даже голова закружилась. Я глупейшим образом заглянул в холодильник, будто кто-то мог скрываться там, в глубине.

В тот же момент меня толкнули, на полке стоял третий зеленый человек.

— Не мешайте, — сказал он, — зашибу. И тут же потянулся за ананасом.

— Ну, уж это черт знает что такое! — возмутился я. — Вы откуда?

— Я здесь живу, — ответил человечек, взял ананас и растворился в воздухе.

Это было выше моих сил. Я нажал на кнопку телефона и вызвал Полоскова.

— Гена, — сказал я, — ты не спиши?

— Нет, — ответил капитан. — Работаю. А что у тебя с голосом?

— С голосом? Ничего.

— Он дрожит, как заячий хвост. Что-нибудь случилось?

— Скажи, Гена, люк в корабль задраен?

— Конечно, задраен. Ведь никто не выходил.

— А Зеленый спит?

— Спит. И Алиса спит. Я только что проверял. Алиса писала письмо, писала и заснула на половине. А что произошло?

— Скажи, в каких случаях людям мерещатся зеленые человечки?

— Маленькие? — спросил деловито Полосков. — На плече сидят? С хвостиками? Где-то я об этом читал. В старой книге.

— Нет, — ответил я, — довольно большие, без хвостов, едят ананасы. Вот! Вот он! Четвертый!

И в самом деле, еще один похититель возник в холодильнике, подмигнул мне и исчез.

— Иду! — сказал Полосков обеспокоенно. — Ничего не предпринимай. Держи себе в руках.

К тому времени, когда Полосков прибежал в трюм, на полках оставалось меньше половины ананасов, и сразу два зеленых человечка подсаживали друг друга, чтобы забраться на верхнюю полку холодильника.

— Нет, — сказал Полосков, — ты их не пугай. Это, наверно, не галлюцинация.

— Какая еще галлюцинация! — обиделся человек. — Можете потрогать.

— Некогда — прервал его второй.

— Привет Алисе, — сказал первый.

И они исчезли, чтобы уступить место еще одному.

— Алиса на самом деле спит? — спросил я у Полоскова.

— Спит.

— А откуда они могут о ней знать?

— Ума не приложу. Сумасшедший дом какой-то!

В холодильнике было пусто. Никто больше не появлялся.

— Давай закроем туда дверь, — сказал Полосков. — Так спокойнее.

Я захлопнул дверь в холодильник.

— Откуда они могут знать об Алисе? — повторил я. — Опустились мы сюда час назад, никто из нас наружу не выходил...

Мы долго не спали с Полосковым, старались придумать объяснение странному явлению. Но так ничего и

не придумали. Проверили еще раз запоры на люках, обошли корабль. Пусто, тихо, мирно.

На всякий случай я лег спать в каюте Алисы. Спать было неудобно, потому что коврик на полу был жесткий, а под голову пришлось подложить Алисины резиновые ласты.

К счастью, я успел встать раньше, чем проснулась Алиса, и потому, когда она открыла глаза, я уже как ни в чем не бывало сидел в кресле и листал «Справочник по определению обитателей Галактики».

— Ты что здесь делаешь? — спросила Алиса.

— Да так, зашел поглядеть в твоей библиотеке, как выглядят местные жители.

— А почему ты непричесанный?

Я захлопнул книжку — потом погляжу — и поспешил в каюту привести себя в порядок.

Там, моясь, я чуть было не убедил себя, что никаких зеленых человечков и не было, все это мираж, сон и наваждение.

С такой мыслью я и спустился в трюм заглянуть в холодильник.

Холодильник был раскрыт, абсолютно пуст — ни одного ананаса, — и перед ним стоял задумчиво Полосков.

— В общем, я полагаю, — сказал он, — что местные жители научились проходить сквозь стены, хоть это и противоречит всем законам природы.

— Нет, наверно, это не местные жители, — сказал я. — Наверно, мы подцепили в космосе какую-то паразитическую цивилизацию.

Тут в трюм вошла Алиса.

— Доброе утро, Полосков, — сказала она. — Куда вы дели ананасы?

— Их украли, — сказал Полосков. — И мы думаем, как наказать вора.

— Кого? — удивилась Алиса.

— Чертей зеленых, — ответил Полосков. — Вот бы мне до них добраться! Ведь подумать только, с какими глазами я появлюсь на Редвайте! Там ждут эти ананасы!.. Вот он, смотрите, ловите!

И в самом деле, в холодильнике вдруг обнаружился зеленый человечек; он окинул взглядом пустые полки и сказал, не глядя на нас: «Опоздал я», — и тут же растворился.

— Вот он, — повторил Полосков. — И даже не поймаешь.

— Так это местный житель, — сказала Алиса. — Я смотрела в книге, которую папа оставил на кресле.

— Ты уверена?

— Совершенно уверена.

— Тогда тем хуже для них. Немедленно посылаю жалобу в их правительство. Разве так встречают гостей? — Полосков сильно рассердился.

— Прости их, капитан.

— Нет, и не подумаю их прощать. Где телефон?

— Полосков, подумай, — взмолилась Алиса. — Это такие милые и добрые люди! Они не хотели красть ананасы. Так уж получилось. Нечаянно.

— Ты слишком добрая, Алиса, — возразил Полосков. — Сегодня ночью, не успели мы приземлиться, они уже забрались на склад и ташат ананасы, а через полчаса они возьмутся за остальные грузы.

— Полосков, — сказала Алиса твердо, — ты забыл, что проиграл мне спор? Желание?

— Помню, — сказал Полосков.

— Так вот, мое желание — прости им ананасы.

И в этот момент за стенами корабля раздался страшный шум. Настолько страшный, что он проник сквозь обшивку. Мы забыли обо всех зеленых человечках и со всех ног бросились к трапу. На ходу Полосков успел нажать кнопку тревоги, и в коридорах замигали красные лампочки.

Полосков распахнул верхний люк, и с высоты третьего этажа мы выглянули наружу.

Вставало тусклое, огромное, красное солнце. По небу быстро неслись длинные сизые облака. Вся поляна перед «Пегасом» была заполнена зелеными человечками. Они размахивали флагами, платками, раскачивали транспаранты со словами «Добро пожаловать» и кричали хором и вразнобой:

— С при-е-з-дом!.. Здрав-ствуй, Али-са!.. Спа-си-бо!.. Ур-р-ра-а-а-а!.. — и другие приветствия на своем непонятном для нас языке.

При виде Алисы радости их не было предела. Казалось, что небо обрушится на землю.

Несколько зеленых человечков в мгновение ока оказались у люка, подхватили Алису, и не успел я ахнуть, как они исчезли вместе с ней, чтобы появиться в самой гуще толпы. И Алису на высоко поднятых руках понесли к городу, белеющему на горизонте.

Отставший от остальных пожилой зеленый человечек подождал, пока мы спустимся по трапу вниз, и тогда поздоровался и сказал:

— Очевидно, вам не все понятно, дорогие гости.

— Не все понятно, — сказал Полосков.

— С Алисой ничего не случится? — спросил я.

— Ровным счетом ничего. Разрешите объясниться?

— Конечно.

— Вы присаживайтесь на траву, земля теплая, не простудитесь.

Мы послушались пожилого зеленого человечка, и он рассказал вот что.

Еще довольно недавно планета Шешинеру ничем не отличалась от прочих захудальных провинциальных планет Галактики. Но лет десять назад один шешинериец изобрел средство — таблетки, которые позволяли путешествовать во времени на год-два в любую сторону. Сначала всю планету охватила великая радость, все бросились глотать таблетки и путешествовать туда-сюда. Но через несколько недель наступило горькое похмелье.

Один отправлялся в будущее и там узнавал, что от него уйдет жена или что его дом обкрадут. Другой отправлялся в прошлое, чтобы исправить совершенную там грустную ошибку, но исправить ее не мог, а мог ее лишь повторить. Если ты подозревал кого-то в обмане, ничего не стоило вернуться в тот день и проследить за своим недоброжелателем. Если ты боялся, что умрешь от какой-нибудь болезни, ничего не стоило съездить в будущее и посмотреть, не обманули ли тебя врачи. И постепенно люди стали бояться будущего — туда никто уже не ездил. Зато все зачастили в прошлое. У каждого человека есть какие-то приятные воспоминания. И вот он отправляется в прошлое, чтобы еще раз пережить приятный момент. Потом снова едет туда же, снова и снова... До бесконечности.

— Пойдемте в город, — сказал пожилой зеленый человечек, — и вы увидите, к чему все это привело.

Мы последовали за ним в город. Город был запущен, замусорен. Торжественная процессия с Алисой ушла куда-то вперед, и на улицах лишь изредка встречались прохожие. На нас они не обращали внимания,

но время от времени кто-нибудь из прохожих исчезал. Другой мог возникнуть посреди улицы, подумать о чем-то и вновь исчезнуть.

— Это они путешествуют во времени, — сказал наш спутник. — Настоящее их не интересует. Будущего они боятся. Никто не работает. Правительство пыталось запретить таблетки, но их так просто изготавливать, что каждый стал их делать у себя дома.

— Теперь мне понятно, — сказал я, — почему уже вчера ваши соотечественники знали и об Алисе, и о прилете нашего корабля.

— Конечно. Они же попадали в ваш холодильник из будущего.

— И все-таки, почему такая радость по поводу приезда Алисы? — спросил Полосков. — Почему не по поводу моего, например, приезда?

— А очень просто, — сказал пожилой шешинериц. — Мы ведь очень незлобивые, мирные люди. И мы ценим доброе к нам отношение.

— Ну и что? Алиса же не знала о том, что вы залезете к нам в холодильник.

— Ах, какая наивность! — сказал укоризненно зеленый человечек.

Он растворился в воздухе и через три секунды появился снова с большим ананасом в руках.

— Я только что побывал в вашем холодильнике, — сказал он.

— Но там уже нет ананасов.

— Но я побывал там вчера ночью. Разве непонятно? Проще простого. Я сейчас улетал в прошлое и вчера ночью взял из холодильника ананас. Но я не украл ананас, а взял его, потому что Алиса сегодня утром напомнила Полоскову, что она еще раньше выиграла у

него желание и ее желание — отдать нам ананасы. Поэтому сегодня утром мы встречали Алису с благодарностью за то, что она разрешила нам брать ананасы вчера ночью...

— Я сойду с ума! — сказал Полосков. — Сначала было сегодня утро, потом была вчера ночь, и вы брали ананасы, которые еще нельзя было брать, потому что их потом можно будет брать...

— А у нас осталось в жизни так мало радостей, — сказал зеленый человечек, не слушая Полоскова. — И мы никогда раньше не пробовали ананасов. Я, например, теперь буду каждый день отправляться во вчерашний день, чтобы съесть ананас, который я съел вчера...

Мы некоторое время молчали, переваривали новости. Потом шешинериец вздохнул и сказал:

— Не могу больше. Я пошел в прошлое доедать ваш ананас.

— Стойте, — остановил я его, — у меня к вам деловой вопрос.

— Лучше и не спрашивайте, — сказал зеленый человечек. — Я же знаю, о чем вы спросите.

— Ах, да, — сказал я.

— Вы спросите о звере по имени склисс, из-за которого вы сюда прилетели.

— Конечно.

— Мы можем вам привести сто склиссов, но ведь вы откажетесь от них. Вот смотрите, один лежит за углом. Вы сейчас разведете руками и скажете: «Это же самая обыкновенная корова!»

Мы заглянули за угол. Там лежала корова.

Я развел руками и сказал:

— Это же самая обыкновенная корова!

— Вот видите.

Тут зеленый человечек попрощался с нами и ушел, вернее, исчез, потому что все жители этой планеты имели странное обыкновение растворяться в воздухе. И он не видел того, что случалось потом, и все его умение глядеть в будущее и прошлое не помогло. Потому что мы взяли эту корову, привезли ее в Московский зоопарк, и она до сих пор там — один из самых популярных экспонатов.

Как только наш зеленый проводник исчез, корова потянулась, медленно поднялась на ноги и развернула длинные перепончатые крылья, которые до того были обмотаны вокруг ее живота. Корова вздохнула, поглядела на нас большими печальными глазами, потрясла крыльями, смахивая с них пыль, оттолкнулась стоптанными копытами и перелетела через улицу. Летела она как корова — плохо и неумело, но ведь все-таки летела!

И тогда я спросил неожиданно появившегося рядом зеленого мальчишку:

— Это чья корова?

— Склисс? — спросил мальчишка.

— Ну да, чей это склисс?

— Да ничей, — сказал мальчишка. — Кому склиссы нужны? Их пасти совершенно невозможно — разлетаются. Так что вы берите, не жалко.

И мы отправились к «Пегасу», гоня перед собой склисса хворостиной. Склисс иногда взлетал в воздух, но быстро уставал и переходил на ленивую трусцу.

Потом к нам привязался еще один склисс, но мы его с собой брать не стали — и одного прокормить не так легко. Склисс долго, обиженно мычал и махал хвостом.

Алиса вернулась вскоре после нас, ей стало скучно

с шешинерийцами. Да и они о ней быстро забыли — разлетелись кто в прошлое, а кто и в недалекое будущее.

Глава 13

ПАРАЛИЗОВАННЫЕ РОБОТЫ

— Ну, теперь, — сказал Полосков, когда мы поднялись с планеты, на которой потеряли весь наш запас ананасов, — прямым ходом в систему Медузы. Никто не возражает?

Никто не возражал. Я хотел было возразить, но Алиса так на меня посмотрела, что я сказал:

— В полете кораблем распоряжается капитан. Как скажет Полосков, так и будет.

— Тогда нигде больше не будем задерживаться, — сказал Полосков.

Но через два дня нам пришлось задержаться и изменить курс.

Корабельная радиоэлектроника «Пегаса» приняла сигнал бедствия SOS.

— Откуда он? — спросил я Полоскова.

— Сейчас все узнаем, — сказал наш капитан, склоняясь над приемником.

Я уселся в свободное кресло на мостице, решил воспользоваться минутой, отдохнуть. Я с утра устал. У индикатора болел живот, и он менял цвета, как светофор на оживленном перекрестке. Паук-ткач-троглодит за недостатком сырья добрался до сонного снука в соседней клетке и состриг с него всю длинную шерсть, так что я снука и не узнал. Снук в результате просту-

дился и кашлял на весь трюм. Пришлось сооружать изолятор. Говорун всю ночь бормотал на непонятном языке, охрип и скрипел, как несмазанная телега. Пришлось его отпаивать горячим молоком с содой. Кустики перессорились ночью из-за сливовых косточек и самому маленькому обломали сучья. Алмазная черепашка прорезала острыми гранями панциря дыру в двери, ведущей в машинное отделение, и пришлось снова запереть ее в сейф.

Я устал, но знал, что так всегда бывает, когда везешь коллекцию редких зверей. Все эти болезни, неприятности, драки и конфликты ничто по сравнению с кормежкой. Правда, мне помогала Алиса, но она проспала, и утреннюю кормежку мне пришлось взять на себя.

Хорошо еще, что зверей пока было не очень много и в большинстве они могли дышать земным воздухом. Только под стеклянный ящик с бежевыми жуками пришлось подставить печку, потому что жуки привыкли жить в вулканах...

— Все ясно, — услышал я голос Полоскова.

О чём он? Ах да, я задумался и совсем забыл — ведь мы получили сигнал бедствия.

— Сигнал идет с планеты Шелезяка. Что же у них могло приключиться?

Полосков открыл последний том справочника планет и прочел вслух:

— «Планета Шелезяка. Открыта фиксианской экспедицией. Населена металлической культурой весьма низкого уровня. Есть предположение, что жители планеты — потомки роботов, спасшихся с неизвестного космического корабля. Отличаются прямодушием и гостеприимством. Однако очень капризны и обидчивы. Полезных ископаемых на планете нет. Воды тоже нет.

Атмосферы нет. Ничего на планете нет. Если что и было, роботы все истратили и живут в бедности». Да, — сказал Полосков, — не очень интересная планета. Но что же у них случилось?

— SOS, — продолжал твердить радиоприемник. — У нас эпидемия. Просьба помочь.

— Придется свернуть с пути, — вздохнул Полосков. — Нельзя же оставлять в беде разумные существа.

И мы повернули к планете Шелезяка.

Только когда мы увидели из космоса серый, лишенный воздуха, гор и океанов шар планеты, Полосков наконец смог вызвать тамошнего диспетчера.

— Что у вас произошло? — спросил он. — Какую помочь мы можем вам оказать?

— У нас эпидемия... — проскрипел голос в динамике. — Мы все больны. Нам нужен доктор.

— Доктор? — удивился Полосков. — Но ведь у вас железная цивилизация. Может быть, выслать к вам механика?

— Можно и механика, — согласились с Шелезяки. — Но доктора тоже.

Мы спустились на ровное, пыльное и пустынное поле космодрома. Давно ни один корабль не снижался здесь.

Когда пыль осела, мы спустили трап и вывели вездеход. Полосков остался на корабле, а Зеленый, Алиса и я поехали к длинному, низкому, скучному зданию космовокзала. Ни души, ни тени вокруг. Если бы только что с ними не разговаривали, никто бы не догадался, что на планете есть живые существа. На дороге валялась отломанная, ржавая нога робота. Потом колесо с выломанными спицами.

Как-то грустно было ехать по такому запустению. Хотелось даже громко крикнуть: «Есть кто живой?»

Двери в космовокзал были раскрыты настежь. Внутри было также пустынно и тихо. Мы вышли из вездехода и остановились в дверях, не зная, куда отправиться дальше.

В большом сером динамике, подвешенном под потолком, послышалось шуршание, и уже знакомый скрипучий голос произнес:

— Поднимитесь по лестнице до маленькой черной двери. Толкните ее, и она откроется.

Мы послушались и нашли узкую лестницу. Лестница была крутая и такая же пыльная, как и все вокруг. Она кончалась маленькой черной дверцей. Я толкнул дверцу, она не поддалась. Может, заперта?

— Толкайте сильнее! — раздался голос из-за двери.

— Дай-ка мне, — сказал механик Зеленый.

Он нажал на дверь плечом, ухнула, и дверь с визгом растворилась. Зеленый не удержался и влетел внутрь.

— Так я и думал, — сказал он мрачно на лету и врезался в сидящего за столом металлического жителя планеты.

Робот был тоже покрыт пылью.

— Спасибо, что прилетели, — сказал робот, поднимая руку, чтобы помочь Зеленому подняться. — Я думал, что не захотите к нам прилететь. Не ожидал. Никто у нас не летает.

— Но у вас очень слабая станция, — сказал я. — Мы услышали ее только потому, что пролетали мимо. Это чистая случайность.

— А когда-то наша станция была сильнейшей в секторе, — сказал робот.

Тут что-то заурчало в его железном чреве, и он застыл с открытым ртом. Робот поводил руками и молча взывал о помощи. Я поглядел растерянно на Зеленого, и тот сказал:

— Врач здесь не нужен.

Он подошел к роботу и ударил кулаком ему под подбородок. Рот с лязгом захлопнулся, и робот сказал:

— Спаси...

Зеленому пришлось еще раз грубо обойтись с роботом. При этом он сказал:

— Попрошу вас широко рот не открывать. Не вечно же мне стоять с кулаком над вами.

Робот кивнул и продолжал говорить, лишь чуть-чуть приоткрывая рот, чтобы не заело.

— Я послал сигнал SOS, — сказал он, — потому что уже две недели меня никто не приходит сменить на дежурстве. Я подозреваю, что всех моих земляков хватил паралич.

— А почему вы так думаете?

— Потому что у меня самого ноги отнялись.

— И давно вас поразила такая болезнь? — спросил я.

— Нет, не очень, — сказал робот. — У нас вообще в последние годы были перебои со смазкой, но все-таки мы кое-как обходились. А после того как на нас рассердился один человек и проклял нас страшным проклятием, жуткий, таинственный паралич начал губить нас от мала до велика. И вот я, боюсь, последний более или менее здоровый робот на всей планете. Но паралич подбирается уже к сердцу. И, как видите, даже челюсть заедает.

— Ну-ка, дайте я посмотрю. Может, все-таки вы за-

были смазку обновить, — сказал с подозрением Зеленый.

Он подошел к роботу и откинул крышку у него на груди, сунул внутрь палец, и робот захихикал:

— Щекотно!

— Потерпите, — строго сказал механик. Он проверил у него шарниры на ногах и руках, выпрямился и сказал, вытирая платком руки: — Смазка есть. Ничего не понимаю!

— И мы ничего не понимаем, — согласился робот.

Мы поехали в город. Мы заходили в дома — длинные скучные помещения с рядами одинаковых нар. На нарах лежали одинаковые роботы, покрытые пылью. На лбах их горели индикаторные лампочки. Это значило, что роботы живы. Роботы крутили глазами, но пошевелиться не могли. Наконец, так ничего и не поняв, мы вернулись на космовокзал и положили в вездеход тяжелого дежурного робота. Он хоть еще говорил. И мы отвезли его на «Пегас», чтобы разобрать его там и проверить, что за странная эпидемия поразила планету.

Робот сам помогал нам его развинчивать, давал советы, какую гайку крутить, на какую кнопку нажимать. Был робот запущен, грязен, но никаких особенностей повреждений отыскать мы в нем не смогли. Вообще-то служебные роботы этого типа, давно снятые с производства в Галактике, строились на века и приспособлены были работать и в глубоком космосе, и в вулканах, и под водой, и под землей. Только их надо было время от времени смазывать, но это они сами отлично умели делать.

Наконец на большом рабочем столе в нашей лаборатории мы разложили части робота, а его голову по-

ложили отдельно, в углу, и подключили ее к корабельной электросети.

— Ну что? — спросила голова робота, когда Зеленый кончил разборку его тела.

Зеленый пожал плечами.

— Что же теперь делать? — спросила голова тихо. — Ведь погибает целая цивилизация.

— Придется послать радиограмму на Землю или на какую-нибудь другую большую планету, — сказал я. — Пусть пришлют оттуда специальную экспедицию и специалистов по болезням роботов.

— Ну какие у нас могут быть болезни! — воскликнула голова робота, и рот остался открытым.

Пришлось мне подойти и стукнуть его по подбородку.

— Благодарю вас, — сказал робот. — Но оставлять нас без присмотра жалко. Ведь представьте себе, ни одного подвижного существа на целой планете. Первый же ливень или наводнение всех нас погубит безвозвратно — ведь мы даже не можем вытереться.

— Но послушайте, — сказал я, — мы же не можем оставаться у вас, пока не придет помощь!

— Но разве у вас важное дело? — спросила голова робота.

Я не успел ответить, потому что Зеленый сказал:

— Чем черт не шутит. Попробую смазку сменить. Можно вас машинным маслом смазать?

— Если хорошее масло, то можно, — ответила голова робота.

И тогда Зеленый начал протирать все детали и части робота и смазывать их нашим маслом.

А между тем робот спросил снова:

— А что у вас за дело?

— Мы собираем животных для Московского зоопар-

ка, — сказал я. — Редких животных. Мы должны как можно скорее закончить экспедицию и вернуться домой. Ведь это очень сложно — везти с собой целый зоопарк.

— Но если вы нам поможете, — сказала голова робота, — мы вам дадим наших животных. Таких нигде больше нет.

— А что это за животные?

И тогда робот рассказал.

Когда-то, много лет назад, на этой планете потерпел аварию автоматический космический корабль, на борту его было несколько универсальных роботов. Они остались живы и построили себе хижину из обломков корабля. Потому они нашли на планете залежи железа и других металлов, нашли уран и много других полезных ископаемых. И тогда роботы начали строить себе детей, и мало-помалу роботов на планете развелось очень много.

Но роботы хоть и мыслят, но не умеют заглядывать в будущее. В те времена на планете были вода и воздух, трава и деревья. Но роботам дела не было до того, что творится вокруг. Они пользовались полной свободой и скоро понастроили на планете много заводов, и все заводы изготавливали роботов, а новые роботы строили новые заводы и изготавливали новых роботов. И так продолжалось до того дня, когда весь кислород на планете был израсходован в топках, все деревья были переведены на сараи для запасных частей, все звери перемерли, все горы были срыты до основания и все моря израсходованы на охлаждение двигателей. Кончились и полезные ископаемые. Остались на голой планете только роботы — много миллионов

одинаковых роботов, которым вдруг стало нечего делать.

Пришлось тогда роботам кинуть жребий, и тех, кому не повезло, разбирали на запасные части или меняли на смазочное масло с пролетавшими мимо кораблями или со звездными бродягами. Так и жили роботы. Понемногу их становилось все меньше, но все равно на планете оставалось еще несколько миллионов бездельников. Решили было роботы построить космический корабль и полететь на какую-нибудь еще не заселенную планету, чтобы начать все дело сначала, но корабль построить они не смогли, потому что у них не было чертежей, а сами ничего изобретать они не умели. И так продолжалось до самого последнего дня. А потом на роботов напала странная эпидемия и всех их хватил паралич.

— Но о каких животных вы говорите? — спросил я голову робота.

— О роботных животных. Мы хотели, чтобы у нас все было как у людей. И когда мы поняли, что местные животные вымерли, потому что не смогли жить на пустой планете, мы сделали искусственных животных. Но потом нам стало не до них, и мы решили разобрать животных на запасные части для роботов. Таких теперь не делают. Но животные почувствовали опасность и убежали. До сих пор они бегают по ровным долинам планеты Шелезяка. И если вы нам поможете, мы поймаем для вас несколько совершенно необыкновенных железных животных.

— Спасибо, — сказал я голове робота, а сам подумал, что такие животные вряд ли пригодятся нашему зоопарку, каждый школьник на Земле может построить механическую черепаху или электронного ежа.

Пока мы разговаривали с головой робота, Зеленый вытер все его части и смазал их заново. Потом привинтил роботу руки-ноги и нажал на красную кнопку. Мы все с волнением ждали, что произойдет. Робот неуверенно приподнял руку, потом сделал шаг вперед. Нога послушалась его. Он сделал еще один шаг, взмахнул сразу обеими руками, наклонился вперед, потом назад и начал плясать. Никогда в жизни мне не приходилось видеть пляшущего робота. Он чуть не опрокинул стол, чуть не отдавил мне ногу, и казалось даже, что робот от радости смеется.

Наплясавшись вдоволь, робот крикнул:

— Спаси... — и замер.

Ведь в голове-то смазку ему не меняли.

Но на этот раз механик Зеленый настал бить его кулаком по подбородку. Он просто влил ему в раскрытый рот банку масла.

Робот захлебнулся, что-то заклокотало у него внутри, рот закрылся, открылся вновь, и робот музыкальным, звучным голосом запел песню «Нам не страшен серый волк», которую, видно, подслушал когда-то очень давно.

— Значит, все дело в смазке, — сказал робот, немного успокоившись. — Но ведь она была почти свежая. Мы ее меняли.

Зеленый, не сказав ни слова, набрал на стеклышко старой, снятой с робота смазки и отошел к микроскопу.

— Все ясно, — сказал он через минуту. — Надо было догадаться с самого начала. В смазке завелись бактерии, которые превращают масло в наждачный раствор. Интересно, как же эти бактерии могли попасть в ваше масло?

Робот задумался. Мы все вместе перешли в кают-

компанию, чтобы продолжить разговор. Робот все думал. Мы разлили себе чай, а перед роботом поставили баночку с подсолнечным маслом — большим лакомством для роботов. Робот рассеянно выпил баночку и продолжал думать.

Вдруг над его головой проснулся говорун. Он увидел нашего гостя и, широко раскрыв клюв, запел:

— «Нам не страшен серый волк...»

Причем пел он голосом робота.

Мы очень удивились. Только робот не удивился. Он поднял голову и сказал говоруну:

— Здравствуй, птица. Как ты себя чувствуешь?

Но говорун продолжал петь, размахивая крыльями, потому что ответить он ничего не мог — говоруны не очень умные птицы.

— Вы знаете говоруна? — спросила Алиса.

— Знаю, — ответил рассеянно робот. — Я сам его ремонтировал.

— Как же вы могли ремонтировать живую птицу? — удивилась Алиса.

— Несколько лет назад, — ответил робот, — эта птица прилетела на нашу планету из космоса. У нас в то время уже было мало воздуха и совсем не осталось местных животных. Но говоруну, если вы знаете, не обязателен воздух. Он может перелетать между планетами и не дышать по несколько недель и даже месяцев. Но этот говорун еле-еле долетел до нашей планеты. Кто-то напал на него в пути и тяжело ранил птицу. Мы выходили говоруна, откармливая его смазочным маслом, но одно крыло ему пришлось отрезать и заменить протезом.

— Не может быть! — воскликнул я. — Неужели мы не заметили бы этого?

— Посмотрите, — ответил с гордостью робот. — Мы очень хорошие мастера.

Я поднялся и подошел к говоруну. Птица словно догадалась, что мне нужно, и расправила правое крыло. Я ощупал его. Под перьями был металл. Робот сказал правду.

— Вот видите — сказал робот торжественно. — Даже вы не заметили.

— А что было с птицей потом? — спросила Алиса.

— Она прилетела к нам с системы Медузы, — сказал робот. — За ней кто-то гнался и хотел убить. Пока мы чинили птицу, она нам много рассказывала, и мы поняли, что кто-то потерпел аварию или попал в беду на одной из планет системы Медузы и птица спешила рассказать об этом другу того, кто попал в беду. Мы бы сами помогли, но у нас не было космического корабля.

— И вы отпустили птицу?

— Отпустили, — сказал робот. — Но мы старались ей объяснить, что она не долетит до того сектора Галактики, куда так спешила. Хоть искусственное крыло и не отличается от настоящего, очень далеко на нем не улететь. Но, к сожалению, птица нас не поняла. Она не очень умная птица. Но мы знали, что неподалеку от нас находится планета Блук, родной дом говорунов. И мы подумали, что говорун сможет долететь до дома. С тех пор я его не видел.

— Вот видишь! — сказала мне Алиса. — Теперь ты не сомневаешься, что Второй капитан был жив и послал птицу за помощью?

— Но с тех пор прошло четыре года, — ответил я. — Значит, он погиб.

— Но я должен рассказать вам, — произнес ро-

бот, — о странном событии. Оно произошло совсем недавно. Месяц назад. Как раз за три дня до начала эпидемии. Я бы не вспомнил о нем, если бы не увидел говоруна... К нам на планету спустился небольшой черный корабль. С него сошел человек в шляпе. Мы думали, он хочет выменять у нас лишних роботов, но оказалось, что его корабль сломался и ему нужна была наша помощь... Мы с удовольствием помогли этому человеку...

— Это был доктор Верховцев, — прошептала Алиса.

— А когда его корабль был готов к полету, мы спросили его, не даст ли он нам смазочного масла или свежих газет в награду за работу. Но этот человек в шляпе очень грубо ответил нам, что мы ничего не получим. И мы должны быть ему благодарны, что он оставил нас в живых. И тогда я сказал ему: «Стыдно, пришелец! Я понимаю, что, когда мы помогли безмозглой птице говоруну и починили ему крыло, а он ничего не дал нам взамен, в этом нет ничего удивительного. Но вы — разумное существо и по внешнему облику происходите с Великой Земли. Стыдно!» А он тогда спросил: «Какому говоруну вы починили крыло?» Я сказал, что это было почти четыре года назад и совсем не относится к делу. Но он настаивал, и я рассказал ему историю о раненой птице. Вы бы видели, как он разгневался! Он проклинал нас за то, что мы помогли этой птице, и, когда узнал, что она полетела на планету Блук, с проклятиями начал собираться в обратный путь. «Придется, — говорил он, — тратить время на проклятую птицу. А то еще проговорится». А ночью его видели у главной цистерны...

— Какой цистерны?

— Все ясно! — сказал робот. — Он подходил к главной цистерне со смазочным маслом! Он плохой человек, и он мог подсыпать в нее вредных бактерий...

Мы сказали роботу, что бактерии могли попасть на планету и другим путем, но робот мотал головой и ни о чем и слышать не хотел.

На прощанье мы дали роботу бочку со смазочным маслом, чтобы он мог привести в порядок хотя бы десяток роботов, и обещали, что, как только выйдем в космос, сразу пошлем радиограмму на ближайшую планету, чтобы оттуда роботам прислали корабль с маслом.

Когда робот ушел, мои друзья взъярились.

— Скорее, — торопили они меня, — скорее в путь! Мы можем еще спасти капитана! Теперь уж нет никаких сомнений, что он попал в беду и доктор Верховцев очень боится, что кто-нибудь узнает правду.

— Мне вообще стыдно за землян, — сказал мрачно Зеленый. — И пока мы не разгадаем эту тайну, я не смогу глядеть в глаза инопланетцам. Если среди жителей Земли нашелся такой подлый человек, наш долг — его найти и обезвредить. И в этом нам поможет Второй капитан, которого мы обязательно найдем. А звери подождут.

Я вздохнул и согласился, потому что и Алиса и Полосков были совершенно согласны с Зеленым.

— Ладно, — сказал я. — Подчиняюсь большинству. Хотя и считаю, что ваши надежды основаны лишь на слухах и никакого Второго капитана мы в системе Медузы не найдем. Но как только мы убедимся, что произошла ошибка, то мы немедленно возвращаемся в центр Галактики и спешно собираем животных.

— Готовить корабль к отлету! — сказал Полосков

твёрдым голосом. — Зеленый, спуститесь в машинное отделение. Заводите супердвигатели.

Я подошел к иллюминатору, чтобы кинуть последний взгляд на пустынную планету, которую загубили, не подумав о том, что творят, деловитые роботы. И тут увидел, что к «Пегасу» по пыльному полю бежит наш знакомый робот. Он что-то нес в руках.

Я встретил робота у трапа.

— Держите зверей, — сказал он. — Только обязательно смените смазку. Пока что они все парализованы.

Он высыпал к моим ногам груду каких-то металлических вещей.

— До свиданья, — сказал он, глядя, как я убираю трап. — Если найдете этого вредителя в шляпе и не будете знать, что делать, отдайте его нам. Мы его смашем испорченной смазкой.

Робот засмеялся и зашагал по пыли.

Пока корабль разгонялся до космической скорости, я сменил смазку металлических зверей. Все-таки любопытно мне было поглядеть, какие робото-зверята водились на этой планете. И когда через два часа в лабораторию заглянул Зеленый, он чуть в обморок не упал от удивления. По полу лаборатории бегали зверьки на колесиках. Они пищали, дрались между собой и пытались карабкаться по стенам. Звери были страшненькие, но чем-то походили на мышей и кошек. Видно, когда роботы их строили, они вспомнили о настоящих кошках и мышах.

Я посадил робото-зверушек в железную клетку, но они иногда из нее вылезали и гонялись по коридорам за алмазной черепашкой.

Глава 14

ПОГОНЯ ЗА ЛЕДИ ВИНТЕР

Система Медузы затерялась на самом дальнем конце нашей Галактики. Вокруг большой, с длинными, как спутанные волосы, протуберанцами звезды крутится всего три планеты. Первая, самая близкая от звезды, раскалена настолько, что стало ясно — делать нам там нечего.

Мы подлетели ко второй планете.

Планета была пустынная, мрачная. Солнечные лучи отражались от блестящих сизых скал, отражались от асфальтовых озер, отражались от редких голых деревьев. Над планетой дул вечный ветер.

— Ну как? — спросил я у говоруна. — Это та планета или нет?

Говорун склонил голову набок и ничего не ответил.

— Пап, — сказала Алиса, подойдя к иллюминатору в кают-компании, — ты не умеешь с ним разговаривать. Он тебя боится.

— А тебя не боится?

— Меня никакие звери не боятся, — сказала Алиса. Она держала на руках металлическую кошку на колесиках, и кошка все норовила лизнуть Алису в нос холодным масляным языком. — Говорун, милый, скажи нам, ты своего хозяина на этой планете оставил?

Говорун прислушался к словам Алисы и ответил голосом Второго капитана:

— Остерегайся миражей. Не доверяй им. Но присматривайся внимательно.

— Ну вот, глупая твоя птица, — сказал я в сердцах. — Ее о планете, а она о миражах?

— Посмотрим, — ответила Алиса.

За иллюминатором пошел дождь. Дождь был несильный, но от ветра струи дождя изгибались и стегали по обшивке «Пегаса». Даже смотреть на эту планету было неуютно. Наступал тоскливый, долгий вечер.

— Ладно, — сказал Полосков. — Все равно сегодня уже поздно вылезать наружу. Давайте ужинать и спать.

После ужина Алиса загнала металлических котят в клетку, взяла книгу и уселилась на диванчик в кают-компании. Я в который раз отправился искать сбежавшую алмазную черепашку, чтобы она чего-нибудь не натворила. Полосков с Зеленым тоже занялись своими делами.

Так прошло часа два-три. Я вернулся в кают-компанию. Алиса все еще читала. В кают-компании было уютно и тепло и особенно приятно, потому что за иллюминатором все так же вил ветер, хоть дождь и перестал.

Я подошел к иллюминатору и поглядел в полумрак. Равнина была скучно освещена двумя большими лунами. И вдруг я застыл от изумления.

По долине к нашему кораблю медленно шли несколько человек. Это были именно люди, без скафандров, в странной одежде. Они были заняты разговором между собой и, казалось, совсем не замечали корабля. Я сказал тихо:

— Алиса, смотри.

Алиса бросила книгу на диван и подбежала ко мне.

Люди подошли поближе, и можно было разглядеть, что они одеты в камзолы, на головах у них широкополые шляпы, а поверх камзолов — короткие широкие плащи. Четверо были мужчинами. За ними медленно, словно нехотя, шла женщина с пышной прической и в

Мужчины оживленно разговаривали, женщина молчала

широком платье до земли. Мужчины оживленно разговаривали, женщина молчала.

— Алиса, это не галлюцинация? — спросил я, не веря собственным глазам.

— Нет, — ответила Алиса. — Не спугни их. Я их знаю.

— Селезнев! — загремел вдруг над ухом динамик. — Селезнев, ты не спиши?

Я узнал голос Полоскова.

— Ты где? — спросил я.

— На мостике. Погляди в иллюминатор. Ты что-нибудь понимаешь?

— Гляжу, — ответил я, — и ничего не понимаю. Откуда здесь быть людям?

— А я понимаю, — сказала Алиса. — Я этих людей знаю.

Я обернулся к ней. Может, Алиса бредит?

— Неужели ты не узнаешь, папа? — удивилась Алиса. — Ну ладно, ты, может быть, забыл эту женщину, но второго человека справа ты должен знать!

— Да нет же! — ответил я. — Говори, не томи!

— Второй справа — это Портос, — сказала Алиса. — Видишь, он наклонился к д'Артаньяну, слушает его. Наверно, они решили все-таки казнить леди Винтер.

— Какую еще леди Винтер! — закричал я. — Я с ума сойду! Откуда здесь Портос?

— Не знаю, — сказала Алиса. — Но это они. Это же мушкетеры короля. Если бы это были гвардейцы кардинала, мы бы с тобой их сразу отличили.

— Полосков, ты слышишь? — спросил я.

— Слышу, — сказал Полосков спокойно. — По-моему, Алиса совершенно права. Гвардейцев кардинала мы бы с тобой сразу отличили от мушкетеров короля.

Между тем четыре мушкетера подошли к самому кораблю. Я прижал нос к иллюминатору, чтобы посмотреть, что они будут делать дальше. Мушкетеры остановились, и один из них, по-моему Арамис, красавчик с тонкими усиками, изящно взмахнул рукой, прося леди Винтер идти вперед.

— Очень интересно, — сказала Алиса, встав на цыпочки, чтобы удобнее смотреть вниз. — Казнят они ее или нет? Ты как думаешь, папа?

— Я уже ничего не думаю, — ответил я. — Полосков, может трап спустить?

И тут мушкетеры пошли дальше, вошли в стену корабля и исчезли.

— Они сквозь стены ходят, — услышал я растерянный голос Полоскова.

Капитана трудно удивить. Он видел в десять раз больше, чем удается увидеть за жизнь обыкновенному человеку. Его не испугаешь ни Малым дракончиком, ни пузырями с Иелы, ни космическими пиратами. Но мушкетеров короля, проходящих сквозь стены «Пегаса», ему еще видеть не приходилось.

— Может, это тоже путешественники во времени, как на Шешинеру? — спросил я.

Алиса перешла на другую сторону кают-компании и заглянула в противоположный иллюминатор.

— Вот они, — сказала Алиса. — Я так и думала. Они прошли сквозь корабль и даже не заметили.

Я перебежал через кают-компанию. И в самом деле, мушкетеры как ни в чем не бывало уходили от корабля, и их шпаги поблескивали под светом двух лун. Они миновали скалу и скрылись в ущелье...

— Пошли на мостик, — сказал я Алисе. — Оттуда лучше видно.

— Пошли, — сказала Алиса и взяла с дивана книжку, которую читала весь вечер. Книжка называлась «Три мушкетера».

Я начал о чем-то догадываться.

— Дай сюда книжку, — сказал я Алисе.

На ходу я раскрыл ее. Раскрыл как раз на картинке, где был нарисован один из мушкетеров — д'Артаньян в плаще и при шпаге.

Когда мы взбежали на мостик, Полосков, стоявший у большого иллюминатора, поднял руку и поманил нас к себе.

За иллюминатором, посреди равнины, стояла тонкая березка, и под ветром ее листья трепетали, словно живые. Вокруг березки росла трава, и можно было увидеть у самых корней дерева шляпку большого подберезовика.

— Это что-то знакомое, — сказал Полосков задумчиво. — Где-то я это видел.

— Знаю где, — сказала Алиса. — Это любимая открытка Зеленого. Она висит у него над кроватью в каюте, и он всегда смотрит на нее и читает вслух стихи: «Идет-гудет Зеленый шум...»

— Миражи, — сказал Полосков.

— Да, — согласился я. — Конечно, это миражи. И говорун не ошибся, когда голосом Второго капитана предупредил нас о миражах. Но кто и почему их делает? Кому мы обязаны редким развлечением?

Березка растворилась в темноте, а с дальнего склона горы по направлению к «Пегасу» двинулась странная процесия. В ней были люди, фиксианцы, существа с неизвестных нам планет и звезд, роботы, звери. Толпа миражей окружила корабль, словно не замечая его.

Они проходили сквозь него, растворялись, раздваивались, проходили друг сквозь друга.

— Пап, — сказала Алиса, — пойдем посмотрим на них вблизи.

— И отсюда видно, — возразил я. — Мы же не знаем их свойств. А вдруг они не такие уж бесплотные, как кажутся.

Мы долго смотрели на процессию призраков, а когда равнина опустела, Алиса снова начала кончить:

— Ну, пап, ну давай спустимся, еще не поздно. Вот, погляди, только один мираж остался — д'Артаньян.

И в самом деле, на опустевшую долину вышел одинокий мушкетер и начал задумчиво расхаживать неподалеку от корабля.

— Идите, — сказал тогда Полосков. — Только далеко от «Пегаса» не отходите. А я буду смотреть, чтобы с вами чего-нибудь не случилось.

Полосков, как всегда, угадал мое желание. Конечно, мне очень хотелось посмотреть на призраков вблизи. Я только беспокоился как бы чего не случилось с Алисой. Но пойти без нее — значит поссориться надолго. Она считала миражи своими — ведь она же первой угадала трех мушкетеров.

Мы спустились по трапу на равнину. Она была совершенно пуста. Д'Артаньян куда-то пропал.

— Подождем, — сказала Алиса. — Наверно, они снова придут.

Я подошел к тому месту, где недавно росла березка. На земле лежали лишь окружные камешки — ни травинки, ни листочка.

— Смотри, пап, кто идет, — сказала Алиса. — Ты только подумай!

Я поднял голову и вздрогнул. Навстречу шел я сам,

держа за руку Алису. Причем мы оба без скафандров, в тапочках и, казалось, совсем не нуждались в воздухе.

Алиса побежала навстречу самой себе.

— Стой! — крикнул я ей. — Ты куда?

Но Алиса уже добежала до своего двойника и с разбега пролетела сквозь мираж, споткнулась о камень, упала на колени. Мираж сразу исчез. Пока я спешил на помощь Алисе, возник новый мираж. Он быстро двигался к Алисе, словно хотел ее схватить. На этот раз мираж изображал доктора Верховцева. Шляпа его была надвинута на глаза и острые узкие плечи подняты к самым ушам.

Я успел встать между миражем и Алисой, закрывая ее, потому что я совсем не был уверен в том, что Верховцев — только мираж.

Но доктор не заметил Алису. Он прошел совсем рядом, улыбаясь, словно увидел кого-то. Я посмотрел ему вслед. Навстречу Верховцеву шел толстяк в черном кожаном костюме. Они протянули друг другу руки и, сблизив головы, заспорили о чем-то.

Алиса поднялась и взяла меня за руку.

— На этой планете не сохранишь секрета, — сказала она. — Зато мы теперь знаем, что толстяк с Верховцевым знакомы и не зря они оба просили у нас говоруна.

Миражи разговаривали беззвучно, а с другой стороны к нам шел еще один мираж. Он изображал трех капитанов. Но не каменных, как мы видели их на планете имени Трех Капитанов, а самых настоящих, в синих мундирах космического флота. Капитаны остановились, взялись за руки, словно прощались. И тут же растворились, исчезли. Вместо них на равнине возник один капитан. Второй. Высокий, тонкий, с горбатым

носом. Капитан стоял нахмурившись, будто размышлял о чем-то. На плече у него сидел говорун. Капитан окинул взглядом долину и быстро пошел к еще одному миражу, возникшему на горизонте. Мираж был космическим кораблем голубого цвета, и на борту его была выложена драгоценными камнями большая темно-синяя чайка.

И эти миражи растаяли... Исчез и Верховцев с толстяком.

Алиса сказала:

— Я никогда еще не видела такого красивого корабля.

А в наушниках у меня прозвучал голос Полоскова:

— Послушай, профессор, ты когда-нибудь видел такой красивый корабль? Это, наверно, «Синяя чайка» Второго капитана.

— Конечно, — сказала Алиса. — Может, он скрывается где-то здесь? Надо будет его найти.

На горизонте, там, где стояла «Синяя чайка», вспыхнул яркий свет. И мы увидели, как корабль поднимается над планетой.

— Улетел твой мираж, — сказал Зеленый. — Я так и думал.

— Да, похоже на то, что «Синяя чайка» улетела отсюда, — согласился с ним Полосков.

Я наклонился над тем местом, где Алиса упала, спеша к нашим двойникам. Я наклонился, потому что меня удивила одна вещь: два округлых камешка вдруг медленно покатились, словно их кто-то толкнул. Но ведь никого рядом не было. Даже ветер утих. Я протянул руку, чтобы подобрать камень, но он прибавил ходу и откатился подальше. И вдруг из него начал расти мираж. Сначала туманный, прозрачный, но потом

превратившийся в леди Винтер. Леди Винтер побежала к горам, подобрав пышную юбку.

— Не уйдешь, — сказал я вслух. — Так я и думал. Ведь чудес не бывает!

Я прыгнул вперед, как будто хотел схватить миледи. В тот момент, когда я упал на то место, где она находилась, мираж исчез. Под руками у меня лежал круглый камешек.

— Что с тобой? — удивилась Алиса. — Почему ты гоняешься за миледи?

— Я ее поймал, — сказал я.

Зеленый усмехнулся:

— Не тут-то было. Ваша миледи пропала без следа.

— Она у меня в руке, — сказал я. — Сейчас вернусь на корабль и все вам объясню.

В каютах-компаний я положил на стол круглый камешек и еще пять таких же, которые я подобрал на пути к кораблю. Камешки лежали смирно, в ряд. Самые обыкновенные камни, размером с картофелину да и формой похожие на картошку.

— Разрешите представить, — сказал я, — жителей этой планеты.

— Живые существа? — удивился Зеленый. — Вот бы никогда не подумал!

— И с очень интересной способностью. Они могут создавать зрительные иллюзии — копии людей, предметов, причем не только тех, что видели, например, трех капитанов или доктора Верховцева, но и улавливать образы, которые живут в воображении людей. Вот, например, Алиса читала «Трех мушкетеров», смотрела на картинки в книге, представляла себе, какими эти мушкетеры должны быть, и мы их увидели.

Ведь они, Алиса, точно такие, как ты их себе представляла?

— Точно-преточно такие, — сказала Алиса.

— Зачем этим камешкам нужны миражи, как они их делают, пока неизвестно.

— Может, им просто скучно? — спросила Алиса. — Лежат они на голой земле и скучают. А любой посетитель, любой гость для них — просто замечательное развлечение.

— Все может быть, — согласился я. — Так будем искать здесь или полетим к третьей планете?

— Мне кажется, что третья планета интереснее, — сказал Полосков. — Я посмотрел на снимки — там есть растительность, воздух, вода.

Тут один из камешков превратился во Второго капитана. Капитан печально посмотрел на нас. А говорун сказал его голосом:

— Искать будешь на планете-три. Искать будешь на планете-три.

— Вот видите, — сказала Алиса.

И мы тут же стартовали к третьей планете в системе Медузы.

Глава 15

ПТЕНЕЦ ПТИЦЫ КРОК

Четыре солнца быстро крутились над этой планетой, и ночь на ней наступала лишь иногда, и никак нельзя было без сложных вычислений угадать, в какой момент вдруг потемнеет, промелькнут короткие сумерки и на планету опустится недолгая темнота. Проходило

полчаса, иногда меньше, и новое солнце быстро поднималось над колючими кустами и моментально вкатывалось на небо.

Планета заросла лесами и кустарниками. У полюсов леса были низкие, прижатые к земле, а в тропиках поднимались на невероятную высоту.

Планета оказалась раем для биолога. И кого здесь только не было! Океаны кишили рыбами, медузами, червями, морскими змеями, леса были полны всякого зверя и бабочек с метровыми крыльями, а выше, над острыми скалами и пологими холмами, летали различные птицы.

— Мы здесь останемся надолго, — сказал я, когда мы спустились на вершину холма, поросшего кустами. — Одной этой планеты хватит на пятьдесят зоопарков.

— Ну и отлично, — сказал Полосков. — Мы заодно приведем корабль в порядок.

— Хорошо, — сказала Алиса. — Но сначала найдем Второго капитана. Я уверена, что он где-то здесь.

— Только одна на поиски не выходи, — предупредил я Алису. — Тут очень опасные звери.

— Но ведь я — царь природы, — сказала Алиса.

— Звери об этом не знают, — сказал я. — Они необразованные.

— Но как мы найдем Второго капитана? — спросила Алиса.

— Пока мы начнем с того, — ответил Полосков, — что запустим над планетой металлоразведчик.

— Зачем?

— Он будет кружить на низкой орбите и, как только обнаружит следы металлов, которые употребляются на космических кораблях, даст нам знать.

— И долго он будет кружить?

— Ему надо недели две, чтобы обследовать всю планету.

— Ой, как долго!

— А пока ты будешь мне помогать, — сказал я. — На тебя возлагается кормежка зверей.

— И поливка кустиков, — добавила Алиса. — А то они разбегутся.

В этот момент молоденький кустик вошел в кают-компанию и робко остановился на пороге. Он покачивал ветвями, напевал, старался дать нам понять, что хочет компота.

— Вот, — сказал механик Зеленый, — до чего ты их разбаловала! Скоро кусаться начнут. Дай ему компота, бог с ним.

На следующий день мы поднялись рано, до рассвета. Полосков снаряжал металлоразведчик, а я грузил в вездеход сети и съемочную камеру.

Мы были так заняты своими делами, что упустили момент, когда появилась птица Крок. Я увидел лишь, как на меня упала чья-то тень, и услышал хлопанье крыльев, которое показалось мне хлопаньем парусов.

— Ложись! — крикнул Полосков.

Я упал на траву.

Прямо над моей головой лязгнули когти, и птица Крок, промахнувшись, взмыла вверх, чтобы кинуться снова.

Тогда-то я ее и разглядел.

Это была огромная тварь, размером с небольшой пассажирский самолет. У нее были узкие длинные крылья, короткий хвост и мощный загнутый клюв, как захваты у подъемного крана. Птица сделала небольшой круг и, словно пикирующий бомбардировщик, пошла вниз.

Я попытался отползти, но понял, что не успею.

Я зажмурился и вцепился в колесо вездехода. И в этот момент грянул выстрел.

Оказывается, механик Зеленый успел подбежать к люку с пистолетом и выстрелить в птицу, когда она была всего в трех метрах от меня.

Птица взмыла и взвилась в воздух. Рядом со мной упало ее перо. Перо было метр длиной и такое твердое, что вонзилось концом в сухую землю и ушло в нее, словно богатырский меч.

Я вытащил перо и показал его Алисе.

— Слушай, — сказал я ей, — хозяин этого пера очень обижен и хочет взять кого-нибудь из нас на ужин. Тебе понятно?

— Понятно. Но ведь вездеход ему не поднять?

— Вездеход не поднять.

— Значит, я поеду с тобой в вездеходе.

— Нет, Алиса, — сказал я. — Я сейчас отправлюсь на разведку и вернусь к обеду. Все, кроме тебя, заняты. Некому даже готовить обед и кормить зверей. И не забудь, что у паука-ткача-троглодита кончается шерсть.

— Ну хорошо, — согласилась Алиса.

— Ну, как с металлоразведчиком? — спросил я Полоскова, садясь в вездеход.

— Не понимаю, — ответил он. — Почему-то не ладится. Никогда не отказывал, а сейчас не ладится.

Вездеход медленно ехал сквозь кусты, покачиваясь над выбоинами и легко скатываясь с пригорков. Кусты расходились спереди и вновь смыкались сзади вездехода. Я размышлял о том, что хорошо бы поймать эту птицу. В Палапутре ее называют птицей Крок. Мне очень хотелось бы достать это чудовище для зоопарка,

но я понимал, что вряд ли удастся перевезти ее на «Пегасе». Другое дело, если найти ее гнездо и захватить с собой птенцов. Гнезда должны быть где-нибудь на скалах — ни одно из деревьев не выдержит тяжести жилища птицы Крок.

Я повернулся к далеким горам. Дорогу мне пересекла процессия длинноногих желтых ящериц. Впереди семенила самая высокая, за ней — поменьше... Я насчитал их двадцать три штуки. Последняя из ящериц была совсем маленькая. Я мог поймать ее, но не стал — сначала надо осмотреться, выяснить, чем они питаются, а то не довезешь до Земли.

Высоко надо мной пролетела птица Крок. Она держала путь к горам. Вернее всего, ее гнездо именно там.

Я выпустил автоматическую сеть и накрыл ею метровую синюю бабочку. Пока я управлял манипуляторами, чтобы усыпить бабочку и спрятать в багажник вездехода не повредив крыльев, зажегся экран видеофона и на нем показалось встревоженное лицо Полоскова.

— Послушай, — сказал он, — я запустил металлоразведчик.

— Ну и отлично, — сказал я. — Погоди, сейчас уложу бабочку...

— Но связь с ним прервалась.

— С металлоразведчиком?

— Ну да. Этого еще никогда не бывало. Я все проверил. Через три минуты после взлета он замолчал.

— Придется подняться на катере, догнать его и починить, — сказал я, укладывая бабочку в контейнер.

— Об этом я и хотел тебе сказать. Я полечу искать его, а ты возвращайся к кораблю. Не нравится мне эта планета.

— Ты неправ, Гена, — сказал я. — Планета отличная. Я рад, что мы сюда попали.

— А если и на самом деле здесь погиб Второй капитан?

— Ты веришь в это?

— Не знаю. Но если такой опытный капитан мог здесь погибнуть, значит, планета скрывает какую-то грозную опасность, о которой мы не подозреваем.

— Но, может, просто двигатели отказали? Ведь это случается даже с самыми лучшими кораблями. Или на капитана напало местное чудовище. Например, птица Крок. Ты видел, какой у нее клюв?

— Конечно, видел.

И Полосков отключил экран.

Еще одна птица пролетела надо мной к горам, и я запомнил направление полета. Наверняка там гнездо. Надо будет обязательно съездить. Неожиданно наступили сумерки. Я повернулся обратно к кораблю.

Я поставил вездеход у самого трапа, в темноте поднялся по нему и прошел на мостик. Первым делом я проверил, где мои спутники. Зеленый сидел в машинном отделении и колдовал с приборами. Алиса отозвалась из каюты. Сказала, что читает. Тогда я вышел на связь с Полосковым.

— Как у тебя дела? — спросил я.

— Запеленговал металлоразведчик, — ответил Полосков. — Скоро догоню. Не выключай радио.

Я уселся у иллюминатора и слушал, как Полосков бормочет что-то себе под нос, стараясь поймать металлоразведчик. Короткая ночь кончилась. Я глядел вдаль, на лес, горы и намечал себе путь на завтра. Вот поеду вдоль той речки, потом взберусь на холмы...

Надо будет взять Алису. В вездеходе ей ничего не грозит...

— Поймал, — сообщил Полосков. — Взял его захватами и поворачиваю обратно.

И в этот момент я увидел, что на площадку перед «Пегасом» вышла Алиса. Она шла осторожно, на цыпочках, оглянулась на иллюминаторы, но меня не заметила.

Было прохладно, и Алиса надела желтый пушистый комбинезон. Видно, собралась куда-то далеко. Но самое удивительное — перед ней по траве гордо шествовал говорун. Он был привязан на длинной цепочке. Другой конец цепочки Алиса держала в руках. Она сказала что-то говоруну, и тот взлетел в воздух. Алиса отпустила побольше цепочки, чтобы не мешать говоруну лететь. Он взмахнул крыльями и медленно, будто понимая, что Алиса не умеет летать, направился к лесу.

Только тогда я опомнился.

Я включил динамик и крикнул на весь лес:

— Алиса, ты с ума сошла! Немедленно возвращайся!

Но тут я испугался, что она меня не послушается, и побежал по трапу вниз, чтобы догнать ее и возвратить на корабль.

Когда я побежал к люку, Алиса была уже у самого леса.

А над ней кружила громадная птица Крок.

— Алиса! — крикнул я.

Но она была далеко и не услышала моего крика.

Ни ружья, ничего нет под рукой!

Что делать?!

Не помня себя я бросился вниз по трапу.

Алиса увидела снижающуюся птицу и от страха вы-

пустила цепочку. Перепуганный говорун метнулся к деревьям.

Я бежал к Алисе и видел, как птица Крок выпустила белые когти, как она схватила желтую пушистую фигурку, и, набирая скорость, взмыла вверх.

Я бежал, глядя, как уменьшается, поднимаясь, птица, размахивал руками...

Через десять минут Полосков снизился у «Пегаса». К тому времени мы с Зеленым уже были готовы к погоне. Мы снарядили малый катер.

— Вы куда? — удивился Полосков.

— Крок украла Алису! — крикнул Зеленый. И замолчал, потому что от горя потерял дар речи.

— Прыгай сюда! — приказал мне Полосков. Он опустил свой катер к самой земле.

Я подпрыгнул, ухватился за нижний край раскрыто-го люка и перемахнул в рубку.

Полосков тут же набрал высоту.

— Куда она полетела? — спросил он громко, пере-крывая жужжание двигателя.

— Туда, к горам, — ответил я. — Там у них, навер-но, гнездо.

Мы добрались до гор за несколько минут. Но найти гнездо было не так легко. Тысячи одинаковых острых скал поднимались над плоскогорьем, и мы больше часа кружили над ними, ничего не находя. И с каждой ми-нутой у нас было все меньше шансов найти Алису жи-вой.

Помогла нам сама птица Крок. Мы увидели, как она летит над скалами.

— За ней, — сказал я.

— Погоди, — ответил Полосков. — Мы ее спугнем, и она не покажет нам дорогу к гнезду.

Я бежал к Алисе и видел, как птица Крок
выпустила белые когти

Он задержал полет катера, и мы повисли над скалами. Птица летела к вершине горы, куда мы еще не поднимались. Там птица сложила крылья и снизилась. Полосков тут же взял курс на гору, набирая при этом высоту.

Когда мы уже подлетали к горе, снизу поднялось сразу пять или шесть птиц. Они приняли наш катер за неведомого летающего врага. Птицы отважно кидались на нас, и Полоскову пришлось вспомнить фигуры высшего пилотажа, чтобы не столкнуться с озлобленными кроками.

— Вон гнезда, смотри! — сказал Полосков.

Я прижался к иллюминатору.

На крутом склоне горы виднелись темные круги гнезд. Гнезда были сложены из камней и сучьев и прилеплены к площадкам над пропастью.

Когда мы снизились, то смогли разглядеть, что в некоторых гнездах сидят птицы, широко раскинув крылья, видно, прикрывая от врагов птенцов или яйца.

— Смотри, — сказал я.

В одном из гнезд что-то желтело. Катер, как живой, ринулся к этому гнезду. Так быстро, что птицы отстали.

— Нет, это не Алиса, — сказал Полосков, — это птенцы.

И в самом деле, в гнезде сидели три покрытых пухом птенца. Увидев нас, они широко разинули крючковатые клювы. Одна из птиц спикировала мимо нас, опустилась на гнездо и прикрыла его крыльями.

— Бери выше, — сказал я Полоскову.

Тут мы увидели еще одну птицу. Она подлетела к горе, неся в клюве большую рыбу.

— За ней! — сказал я.

Птица нас не заметила. Она спустилась к самому дальнему гнезду.

И в том гнезде между двумя птенцами сидела Алиса. Она издали тоже показалась мне птенцом — виной тому был ее желтый пуховый комбинезон.

Птенцы при виде матери раскрыли клювы, но птица поднесла рыбину к Алисе и попыталась втолкнуть добычу Алисе в рот. Алиса отбивалась, но птица была настойчива.

Полосков расхохотался.

— Что с тобой? — спросил я, не отрывая глаз от странного зрелища.

— Ничего Алиске не грозит, — смеялся Полосков. — Ее приняли за птенца и прописали ей усиленное питание.

Полосков был прав. Алису спас пуховый комбинезон.

Мы зависли над гнездом, Полосков спустил трап, и Алиса поднялась в катер, пока я отпугивал птиц сонными гранатами и хлопушками.

— Может, захватим птенцов? — спросил Полосков, все еще улыбаясь.

— В следующий раз, — ответил я. — Как ты себя чувствуешь, Алиса?

— Неплохо, — сказала Алиса.

Она была измазана рыбьей чешуей, а в остальном совершенно цела и здорова.

— Я только сначала испугалась, — сказала она. — А потом, когда меня принесли в гнездо, мне было даже уютно. Мы с птенцами грелись друг о другу. Только вот большая птица обязательно хотела, чтобы я ела. Ну прямо как бабушка: «Скушай ложечку манной кашки».

Полосков веселился, спрашивал Алису, не научилась

ли она летать или, может, хочет вернуться к новым родителям.

— А зачем ты вообще-то ушла из корабля? — спросил я строго, после того как немного успокоился.

— Я пошла искать Второго капитана.

— Как так?

— Я слышала, что у Полоскова разведчик плохо работает. И вообще две недели ждать невозможно. И тогда я подумала, что говорун, может быть, помнит дорогу к тому месту, где он слышал голос Второго капитана. Я попросила его показать мне дорогу, и он полетел.

— А почему же ты не попросила разрешения?

— Ты бы не разрешил?

— Нет, конечно. И никакого Второго капитана здесь нет. Забудь о нем.

— Нет? — спросила Алиса. — Он здесь. Только жаль, что говорун улетел. А то бы мы его в два счета нашли.

— Что ты еще придумала?

— А вот что я нашла в гнезде, — ответила Алиса, доставая из кармана осколок фарфорового блюдца с надписью золотом: «... няя чайка». — «Синяя чайка», правда? — спросила она. — Или ты не веришь?

— Ну-ка, покажи, — взмолился Полосков. — Ну и везет же тебе.

— Не скажи, — возразила Алиса. — Ради этого осколка мне пришлось полетать в когтях птицы Крок. Ты летал когда-нибудь таким образом?

— Нет, — улыбнулся Полосков.

— А осколок она мне сама дала. Видно, он у них в гнезде игрушка для птенцов. Вот она мне его и дала поиграть.

Я задумался. Алиса была права. Похоже, что «Синяя чайка» и на самом деле на этой планете. Но как ее найти?

— Что произошло с разведчиком? — спросил я Полоскова. — Ты еще не проверял?

— Странно, но кто-то разбил в нем индикатор металлоискателя.

— Разбил?

— Сам разбиться не мог — индикаторный механизм находится в самом центре разведчика.

— Что же делать? — размышлял я вслух.

Мы опустились перед «Пегасом» и вышли на поляну, поглядывая на небо — не летит ли птица Крок.

— А вот и говорун, — сказала Алиса.

И тут я заметил, что перед самым моим носом к земле спускается тонкая цепочка.

С дерева слетел говорун и кружил над нами, будто приглашая идти за ним искать капитана.

Глава 16

ЗЕРКАЛЬНЫЕ ЦВЕТЫ

Алиса схватила цепочку, на которой был привязан говорун. Птица не сопротивлялась, не возражала, будто понимала, чего от нее хотят. Она медленно летела над кустами, и, если мы отставали, она поднималась чуть выше и парила в воздухе, поджиная нас. Идти было нелегко, потому что тропинок на этой планете никто для нас не протаптывал. Приходилось перелезать через сгнившие стволы, прорицаться сквозь лианы и колючки, переходить через быстрые ручьи.

Желтые ящерицы на высоких, длинных ногах выскакивали из-под пней и с визгом разбегались, предупреждая лесных обитателей, что идут чужие.

Потом мы попали на поляну, поросшую множеством белых хищных цветов. Цветы громко чавкали, пожирая бабочек и пчел, и тянулись к нам, хватали лепестками за ноги. Но прокусить башмаки они не могли и оттого злились и даже рычали. За перелеском открылась еще одна поляна. Цветы на ней были красного цвета. Они оказались очень любопытными: как только мы появились из-за деревьев, все лепестки повернулись в нашу сторону, будто за нами наблюдали и принюхивались. Над поляной слышался шепот.

— Они большие сплетники, — сказала Алиса, — и теперь до вечера будут обсуждать, во что мы были одеты и как шли.

Еще долго нам слышался шепот и бормотание любопытных цветов.

Это была цветочная планета. Нам за тот день попались еще цветы, которые дрались между собой, цветы, которые при виде нас прятались под землю, цветы, что прыгали с места на место, болтая в воздухе длинными корнями, и множество просто цветов, синих, красных, зеленых, белых, желтых, коричневых и в крапинку. Некоторые росли на земле, некоторые на деревьях или кустах, другие на скалах, в воде или медленно парили в воздухе.

Часа два мы бежали за говоруном. Наконец страшно устали.

— Погоди! — крикнул я говоруну. — Надо отдохнуть.

Мы спрятались под большим деревом, чтобы нас не увидела кружившая над нами птица Крок, и устрои-

лись в тени. Говорун уселся на ветке над нами и, как всегда, задремал. Он был ленивой птицей и, когда не говорил или не работал, всегда дремал.

Полосков сел, прислонился спиной к стволу и спросил с сомнением:

— А вдруг говорун просто решил погулять?

— И не думай так! — возмутилась Алиса. — Если так думать, то уж лучше повернуть обратно.

Неожиданно солнце зашло за вершины деревьев и наступила короткая ночь. Сразу на небе высыпали звезды.

— Смотри, — сказала Алиса, — одна звезда движется.

— Это, наверно, астероид, — сказал я.

— А может, корабль, — сказала Алиса.

— Ну откуда здесь взяться кораблю?

Звезда закатилась за деревья. Еще минут через пять наступил рассвет. На этот раз сразу три солнца с трех сторон выкатились на небо и стало очень светло и жарко. Вокруг зажужжали пчелы и застремотали кузнечики.

— Пора вставать, — сказал Полосков, поднимаясь, — говорун зовет нас дальше.

— Вперед! — крикнул говорун голосом Первого капитана. — Вперед, а там разберемся. — Потом добавил совсем другим голосом: — «Бороться и искать, найти и не сдаваться», как говорил знаменитый капитан Скотт.

— Видишь, папа, — сказала Алиса, — он нас подбадривает. Мы скоро приDEM.

Я не разделял восторгов Алисы. Я знал, что мы увидим, если говорун и на самом деле ведет нас к месту посадки Второго капитана. Мы увидим опутанные лианами и заросшие цветами обломки «Синей чайки».

От самого капитана, наверно, и следов не осталось. Но я шел за Полосковым.

Мы пробирались сквозь чащу еще часа полтора, и вдруг говорун взмыл вверх, словно проверял, не порвется ли цепочка.

— Запомни это место! — крикнул он сверху. — Запомни это место, капитан.

Потом голос изменился, и с высоты до нас донеслись слова:

— Держите птицу! Хватайте птицу! Не выпускайте ее живьем!

— Кому он подражает? — спросила Алиса.

— Не знаю, — ответил Полосков. — Может, Верховцеву?

Говорун что-то искал.

— Отпусти цепочку, — сказал я Алисе.

Она меня послушалась. Говорун взмыл еще выше, превратился в точку среди облаков и тут же камнем ринулся вниз.

— Нашел, — сказал Полосков.

Но тут мы увидели, что за говоруном гонится птица Крок. Она догоняла его.

— Стреляй! — крикнул я Полоскову.

Наш капитан выхватил пистолет и, не целясь, выстрелил. Птица Крок, которая уже почти настигла говоруна, громко ухнула. Казалось, что она потеряет равновесие и упадет, но птица удержалась и медленно полетела над лесом.

Мы побежали туда, где скрылся говорун. За зарослями кустов открылась зеленая поляна. Ее окружали крутые холмы, поросшие пузатыми деревьями. Говоруна нигде не было видно.

Мы остановились на краю поляны. Она поросла не-

высокой шелковистой травой, а по краям ее, словно специально посаженные кем-то, росли необычайные цветы. Короткие, широкие, металлического цвета лепестки окружали серединку цветка размером с большую тарелку. Серединка была зеркальная, зеркала цветов были чуть выпуклыми, и в каждом цветке отражалась вся поляна. Цветки сидели на коротких толстых стеблях без листьев.

— Не подходи, Алиса, — сказал я. — Вдруг они ядовитые?

— Нет, — сказала Алиса, — я не думаю. Смотри.

И мы увидели, как из кустов выскоцил зверек, похожий на зайца. Зверек подскочил к цветку и посмотрелся в зеркало. Потом так же спокойно, будто нас здесь и не было, снова скрылся в кустах.

— Какая-то ошибка, — сказал Полосков. — Никаких следов корабля. Наверно, говорун ошибся.

— Или мы ошиблись, побежали за ним, как маленькие, — сказал я.

Я подумал о том, как далеко нам возвращаться к кораблю. Можно было бы, конечно, вызвать Зеленого с катером или вездеходом, но мне не хотелось оставлять корабль без охраны.

Алиса вышла на середину поляны, огляделась, подошла поближе к цветку. Цветок чуть повернул зеркало, словно хотел, чтобы Алиса в него посмотрелась.

— Возьмем их с собой, — сказала Алиса.

— Ладно, — ответил я.

Полосков вынул из кармана портативный металлоискатель и обошел с ним всю поляну. Металлоискатель ни разу не пискнул.

— Здесь корабля нет и не было, — сказал Полосков наконец. — Надо возвращаться.

Мы срезали букет зеркальных цветов. Букет был тяжелый, словно цветы были вырезаны из камня. Мы несли букет по очереди, и я хотел было выбросить часть цветов, но Алиса ни за что не соглашалась.

До корабля мы добрались чуть живые. К счастью, пока нас не было, ничего там не произошло.

— Ну как? — спросил Зеленый. — Неудача, конечно?

— Полная неудача, — ответил Полосков, снимая башмаки и вытягиваясь на диване в кают-компании.

Алиса притащила тем временем два больших горшка и налила в них воды, чтобы зеркальные цветы не засохли.

— Да, — сказал я, — корабля там нет. К тому же мы потеряли говоруна. Может, он попал в когти птице Крок.

— Ничего, — сказал Полосков, лежа на диване. — Завтра с утра я начну ремонтировать металлоразведчик, и мы не улетим с этой планеты, пока не найдем капитана.

Что-то сильно ударило меня по ноге. Я наклонился и увидел, что это алмазная черепашка.

— Как она сюда попала? — спросил я Зеленого. — Ведь мы заперли ее в сейф.

— Она так скреблась и стучалась, — ответил Зеленый, — что я ее пожалел. А что за странные цветы вы принесли?

— Зеркальные цветы, — сказал я.

Зеленый подошел к букету и спросил:

— Зеркальные?

— А что?

— Я в них смотрюсь, а они отражают вовсе не меня, — сказал он.

Я обернулся и понял, что Зеленый совершенно прав: в зеркальных серединках цветов отражался вовсе не он, а Алиса. А за ее головой были видны маленькие фигурки — моя и Полоскова. И стояли мы не в кают-компании, а на круглой поляне.

— Очень интересно! — сказал я. — Значит, эти цветы, пока живые, все отражают и запоминают, будто фотографируют.

Тук-тук-тук! — раздалось в кают-компании. Полосков вскочил с дивана и кинулся к иллюминатору.

По ту сторону стекла сидел говорун и стучал клювом, чтобы привлечь наше внимание.

— Ты только подумай, какая умница! — сказал я. — Сейчас мы тебя впустим.

Оба клюва говоруна открывались. Он что-то говорил, но мы не могли ничего услышать через стену корабля.

Когда я выбежал к люку и открыл его, говорун уже поджидал меня там. Он влетел в корабль и сразу направился в кают-компанию. Я шел за ним по коридору. Говорун летел неуверенно, потом спустился на пол и пошел, прихрамывая, пешком. Полосков открыл дверь в кают-компанию и при виде птицы сказал:

— Ну и попал ты, бедняга, в переделку!

Говорун ответил невпопад:

— Больше держаться нет сил! Скоро ли придет помощь?

— Это голос Второго капитана, — сказала Алиса. — Он видел Второго капитана!

— Алиса, — сказал я, — но ведь Второй капитан мог сказать эти слова и четыре года назад. Ты же знаешь, какая хорошая память у говоруна.

— Нет, — сказала Алиса, — он видел Второго капитана. Пошли скорей назад, на поляну.

— Нет, только не сейчас, — ответил Полосков. — Даже у меня ноги не ходят. А ты — девочка. Ты устала в десять раз больше. И, кроме того, в том месте, где мы были, капитана нет. Даже если бы в десяти метрах в окружности была хоть одна пуговица, хоть одна гайка, металлоискатель ее бы нашел.

— Значит, надо было отойти на десять метров в сторону, — сказала упрямая Алиса. — И если вы не пойдете, я пойду одна.

— Сначала ты выспишься, — сказал я строго. — А потом мы все вместе вернемся в тот район. Мы же обещали, что не улетим с планеты до тех пор, пока не найдем капитана ... или пока не убедимся, что его здесь нет.

Глава 17

МЫ СМОТРИМ В ПРОШЛОЕ

Жить на такой планете было бы нелегко. Когда мы поднялись утром, корабельные часы показывали восемь часов, а за иллюминатором смеркалось — снова начиналась короткая ночь. Пока мы завтракали, ночь миновала и наступило утро.

Яркие лучи осветили кают-компанию, и Алиса, взглянув на зеркальные цветы, стоявшие в вазах, сказала:

— Смотрите, меня уже нет.

В зеркалах, в которых вчера вечером отражалась Алиса, виднелась знакомая нам поляна, но на ней ни-

кого не было. Пока мы смотрели на зеркала, во всех цветах поляна померкла, наступили сумерки. Мы глядели в темные зеркала цветов, и я сказал:

— Это странные цветы — цветы-фотоаппараты.

В зеркалах начало светать. Мы даже забыли о завтраке. Никто не мог оторваться от удивительного зрелища. Не спеша, минута за минутой, цветы, оказывается, фотографировали все, что происходило на поляне. И теперь показывали нам.

— Интересно, сколько эти цветы живут? — размышлял вслух Полосков.

— Наверно, несколько дней, — ответил я. — Как и все цветы.

И тут мы увидели в зеркалах отражение зверька, похожего на зайца. Он выскочил из кустов и помчался к цветам. В зеркалах еще не рассвело, и поэтому мы не сразу поняли, что же странного в его движениях.

— Да он же прыгает задом наперед! — воскликнула Алиса.

Зверек и на самом деле приближался к цветам задом наперед. А потом, постояв перед цветком, таким же странным образом вернулся в кусты.

— Испорченное кино, — засмеялась Алиса. — Сапожники! Смените ленту!

— Нет, — сказал Полосков. — Это не испорченное кино. Потому что эти цветы не просто зеркала, а зеркала фотографирующие. Они могут это делать, если на их зеркале все время нарастает слой за слоем. Тончайшие слои. Миллионы слоев. Только одно изображение закрепится в зеркале — его прикрывает следующий слой. И так далее. А когда цветок срезан, он не может дальше наращивать слои в зеркале, и они начинают слезать с него — слой за слоем. И мы видим то, что

В зеркалах начало светать. Никто не мог оторваться от удивительного зрелища

видело зеркало. Только наоборот. Как будто пленку отматывают назад. Ясно?

— Вполне возможно, — согласился я. — Очень интересный цветок. Но нам пора собираться. Пускай Полосков готовит к полету металлоразведчик, а я съезжу на вездеходе на ту поляну и поищу, нет ли вокруг нее следов погибшего корабля «Синяя чайка».

— Я с тобой, папа, — сказала Алиса. — И говоруна возьмем.

— Ладно.

Я пошел вниз готовить вездеход, а Алиса осталась в каютах-компаниях. Ей интересно было смотреть кино наоборот.

— Алиса! — крикнул я, заводя машину. — Ты готова?

— Сейчас! — крикнула Алиса в ответ. — Одну минутку!

И тут же позвала меня:

— Папа, скорее сюда! Да скорее же! А то они уйдут.

Я в три прыжка взлетел по трапу и вбежал в каютах-компанию. Алиса стояла у зеркал.

— Смотри, — сказала она, услышав, что я вошел.

Во всех зеркалах отражалась одна и та же картина: посреди поляны стояли два человека: толстяк в кожаном костюме и доктор Верховцев. За кустами был виден острый нос скоростного космического корабля.

Толстяк с Верховцевым о чем-то спорили. Потом задом наперед ушли.

— Они где-то здесь, — сказала Алиса. — Они не догадались, что цветы их выдадут.

— Похоже, что ты права, — ответил я. — Но почему? Почему?

— Что — почему?

— Наверно, они тоже не знают, где капитан. А то почему они гоняются за говоруном?

— А может, капитан у них в плена и они боятся, что об этом узнают? Они поймали капитана, посадили его в тюрьму, а говорун улетел. Вот они и боятся.

— Но зачем кому-то сажать капитана в тюрьму? Выдумщица ты, Алиса!

— И ты ничего не будешь делать? Пускай так все и остается?

— Нет, — ответил я. — Безделье — самое бездарное занятие.

Я потянулся к микрофону, нажал кнопку и сказал:

— Полосков, Зеленый, слушайте. Только сейчас на зеркале цветка мы с Алисой видели толстяка с Верховцевым. Это значит, что они были здесь по крайней мере за день до нас. Они прилетели на скоростном корабле. Что вы думаете по этому поводу? Перехожу на прием.

— Я думаю, что Второй капитан где-то на этой планете, — сказал Полосков.

— А я думаю, что нам лучше сейчас улететь отсюда, — сказал Зеленый. — Нас всего трое, и наш корабль не защищен от нападения. Мы должны немедленно лететь к населенной планете и оттуда связаться с Землей или Фиксом. Оттуда прилетит специальный корабль из Службы галактической безопасности. Они лучше нас справятся с неожиданностями.

Зеленый, конечно, говорил разумно. Но он всегда преувеличивает трудности и опасности. Поэтому я сказал:

— Пока что никто на нас не нападает. Хотя, конечно, мы должны принять меры защиты.

— Правильно, — согласился со мной Полосков. — Улетать так вот, сразу, мне не хочется. Сначала мы должны сделать все, что в наших силах, чтобы помочь Второму капитану.

— Правильно, — сказала Алиса.

— Даже удивительно! — сказал Зеленый. — Можно подумать, что я струсил. А я просто стараюсь быть разумным. На борту у нас ребенок и беззащитные звери. Может так получиться, что мы капитану не поможем и сами пострадаем. Но если капитан решает, что нам нужно остаться, я буду сражаться до последнего патрона.

— Ну, до этого, надеюсь, не дойдет, — ответил я. — Мы прилетели сюда для того, чтобы выяснить, не случилось ли беды с одним из капитанов. Мы ни на кого не собираемся нападать и ни с кем не хотим воевать.

— А я, кстати, не такой уж беззащитный ребенок, — сказала Алиса. — Поедем на поляну?

— Погоди, — сказал я. — Посмотрим еще в зеркала. Но больше там ничего не происходило. Так ничего и не дождавшись, мы с Алисой все-таки взобрались в вездеход и обехали на нем окрестности поляны. Мы нашли только следы посадки корабля за холмами. Трава там была выжжена тормозными двигателями, и узкая тропинка вела сквозь кусты к поляне.

Мы вернулись к обеду и застали Зеленого в кают-компании. Он задумчиво стоял перед зеркальными цветами и тянул себя за рыжую бороду. В другой руке у него была виброритва.

— Ты чего, Зеленый? — спросил я.

— Думаю, — ответил механик.

В зеркалах отражался тихий солнечный день.

— Я думаю, — продолжал Зеленый, — сколько живут эти цветы.

— Наверно, несколько дней, — сказал я.

— А вдруг им вовсе не несколько дней, а много лет? Вдруг они год за годом запоминают все, что происходит вокруг? Посмотри, какие толстые зеркала — сантиметров по шесть каждое. И очень плотные. А за два дня, пока стоят у нас, они не стали тоньше. Можно, Алиса, я произведу операцию над одним цветком?

— Давайте, — сказала Алиса, которая сразу сообразила, в чем дело.

Зеленый перенес один из цветков на стол в лабораторию, закрепил его зажимами и начал тонкую операцию.

— Я сниму сразу сантиметр, — сказал он.

— Погоди, — остановил я механика. — Начни с тонкого слоя: может быть, ничего и не получится.

Зеленый послушался меня и включил виброритву. Индикатор, белый от любопытства, вышел из угла и подошел поближе, тихо переступая ногами-палочками. Кустики зашевелились в своей клетке — думали, что будут давать компот. Паук-ткач-троглодит перестал вязать шарф.

Тонкий слой, прозрачный, словно целлофановая пленка, отделился от зеркала. Зеленый осторожно снял его и положил на стол.

Несколько секунд зеркало оставалось темным, но в тот момент, когда я уже решил, что ничего не получилось, зеркало вдруг просветлело. Оно отражало на этот раз ветреный, пасмурный день.

— Все правильно! — сказала Алиса. — Поехали глубже в прошлое!

— Но как мы сможем считать дни? — подумал я

вслух. — Ведь мы же не знаем, какой толщины слой одного дня.

Но Зеленый меня не слушал. Он поддел ножом край зеркала и приподнял сразу полсантиметра зеркальной поверхности. Слой отогнулся. Индикатор, от нетерпения меняя цвета, как светофор на оживленном перекрестке, не удержался, сунул длинный тонкий нос под руку Зеленому.

— Ну вот! — расстроился Зеленый. — Я не могу работать, если мне все мешают!

— Он нечаянно, — вступилась за индикатора Алиса. — Ему же интересно.

— Всем интересно, — сказал Зеленый. — Но я ни за что не ручаюсь.

— Продолжайте, — попросил я.

Зеленый осторожно снял слой.

— Как стекло в иллюминаторе, только гнется, — сказал он.

Мы все склонились над ставшим чуть тоньше темным зеркалом.

Понемногу оно прояснилось. Все та же поляна. Но только трава стала бурой, кусты осыпались, а оставшиеся листья пожелтели. Ни бабочек, ни пчел — тоскливо и мрачно. С пасмурного неба сыплет редкий снег, но не остается на земле, а медленно тает на травинках.

— Осень, — сказала Алиса.

— Осень, — согласился Зеленый. Он поднес к зеркалу лупу и сказал: — Обыкновенным глазом не видно, но очень интересно смотреть, как снежинки появляются на кустах и взлетают в небо.

Мы все по очереди посмотрели на снежинки-наоборот. Даже индикатор посмотрел и зашелся салатным цветом от удивления.

— Сколько времени с осени прошло? — спросил меня Зеленый.

— Сейчас лето, — ответил я. — Год здесь чуть больше четырнадцати земных месяцев. Значит, примерно наш год.

— Так, — сказал Зеленый и достал из шкафчика микрометр. — Теперь, — сказал он, — мы сможем точно сказать, сколько зеркалу лет и...

— ... и сколько нам нужно снять с него, чтобы увидеть поляну, какой она была четыре года назад, — закончила за него фразу Алиса.

— Сначала, — сказал Зеленый, — срежем с зеркала чуть поменьше четырех лет.

— Не много ли? — спросил я. — Ведь стоит срезать больше, и мы пропустим тот момент, когда здесь был Второй капитан.

— Пропустим — не страшно, — сказал Зеленый, отмечая толщину слоя, — у нас еще целый букет.

Пока он говорил, я краем глаза увидел, что алмазная черепашка быстренько топает к выходу из лаборатории. Проклятая непоседа опять выбралась из сейфа. Я хотел было догнать ее, но потом передумал — жаль было упустить тот момент, когда Зеленый снимет с зеркала четыре года.

— Как у вас дела? — спросил по радио Полосков, который все еще колдовал с металлоразведчиком.

— Все в порядке, — сказал я.

— Тогда я сам полечу на разведчике. Не хочу его одного отпускать. Что-то ненадежно он работает.

— Когда будешь искать «Синюю чайку», — предупредил я, — не забудь, что на планете может оказаться еще один корабль.

— Не забуду.

— Оставь линию связи включенной. Если что, сразу свяжись с нами.

— Помню.

— Может быть, к твоему возвращению у нас будет сюрприз.

— Отлично! Только я люблю хорошие сюрпризы. Плохих сюрпризов не выношу.

Полосков улетел. Слышно было, как зажужжал разведчик, поднимаясь в воздух.

— Готово, профессор, — сказал Зеленый. — Рискнем?

В третий раз Зеленый снял слой с зеркала. На этот раз такой толстый, что еле удержал его в руке. Лепестки цветка облетели, и на столе лежала лишь круглая, вогнутая, словно тарелка, середина цветка.

Она долго не хотела светлеть. Уж очень давно на нее не попадал свет.

А когда наконец показалось изображение, мы поняли, что поляна выглядит совсем не так, какой мы ее видели теперь. Круг посредине, поросший теперь травой, был голый, серый, словно бетонная крышка гигантского люка. Можно было даже разглядеть круглую щель, отделявшую крышку от окружающей земли.

— Видишь! — торжествовала Алиса. — Это правильная поляна!

— Теперь осторожно, — сказал я. — Главное — не срезать лишнего.

— Понимаю, — сказал Зеленый, — не маленький.

Но точно срезать не удалось. Пятнистый, светлый, почти прозрачный от нетерпения и жгучего любопытства индикатор в самый ответственный момент нечаянно подтолкнул Зеленого в локоть. Виброритва скольз-

знула по плоскости и врезалась глубоко внутрь. Зеркало раскололось и упало со стола на пол.

Индикатор от стыда уменьшился вдвое, почернел. Он хотел, чтобы его убили. Он метался по лаборатории, гладя палочками ножек разъяренного Зеленого, наконец, бросился на пол и стал совсем черным.

— Не расстраивайся, — уговаривала несчастного индикатора Алиса. — С каждым может случиться. Мы знаем, что ты ни в чем не виноват.

Она обернулась к Зеленому, который все еще проклинал индикатора на чем свет стоит, и сказала:

— Зеленый, не надо, пожалуйста! Ведь индикаторы такие чувствительные, что он может от расстройства умереть.

— И в самом деле, — поддержал я ее, — у нас еще целый букет. Ты же сам говорил.

— Ладно, — согласился Зеленый. Он человек отходчивый и, в общем, не злой. — Жалко, сколько времени потеряли. Может, минута нам осталась до того, как мы разгадаем тайну Второго капитана.

Индикатор, услышав это, съежился еще больше.

Во главе с Зеленым мы вернулись в кают-компанию. Индикатор плелся сзади, все еще почти черный, а вредные кустики вытягивали ветви, чтобы он споткнулся и упал.

Мы даже не успели войти в кают-компанию. Зеленый остановился в дверях и сказал только:

— Ах!

Я заглянул ему через плечо. Обе вазы были свалены на пол, а цветы разорваны, растоптаны, уничтожены какой-то злобной силой. Ни одного целого зеркала не осталось. Лепестки были разбросаны по всей комнате.

И вдобавок ко всему снова исчез говорун.

Глава 18

ШПИОН

Цветы были уничтожены. Говорун пропал. Мы остались у разбитого корыта. Как помочь капитану?

Я протянул руку к микрофону и вызвал Полоскова.

— Геннадий, — сказал я, — у нас тут осложнения. Скажи, ты где сейчас?

— Лечу над северным полюсом планеты. Пока ничего не обнаружил. А что у вас случилось?

— Сейчас некогда рассказывать. В общем, нам удалось с помощью зеркальных цветов узнать, что было здесь четыре года назад. Вернее, почти удалось узнать. Но в этот момент кто-то разбил все зеркала. Нам нужны зеркальные цветы. Сколько тебе лететь до поляны?

— Минут двадцать, — сказал Полосков. — Но потом еще столько же мне надо будет снижаться.

— Тогда не беспокойся, — сказал я. — Продолжай полет.

— И не подумаю, — ответил Полосков. — Я поворачиваю к «Пегасу». Если кто-то мог разбить цветы, значит, или на корабле, или возле него есть враги. Ничего не предпринимайте без меня.

— Хорошо, — согласился я.

Когда я повесил микрофон на место, Алиса сказала:

— Побежали скорей на поляну.

— Зачем? — спросил я.

— Неужели непонятно? Сорвем новые цветы. Видно, их тайна такая важная...

— Но...

— Давайте я поеду на вездеходе, — сказал Зеленый. — Ничего со мной не случится. Я сниму четы-

рехлетний слой на месте и немедленно сообщу вам на корабль.

— Я с Зеленым, — сказала Алиса.

— Да погодите вы! — возразил я. — Подождем Полоскова. У него катер, и мы доберемся до поляны куда быстрее, чем на вездеходе. И лучше нам теперь не разделяться. А пока надо посмотреть, как мог забраться на корабль тот, кто разбил зеркала.

Я вышел в коридор и пошел к люку. Если люк закрыт, значит, злоумышленник скрывается на «Пегасе». Если он открыт, значит, кто-то вошел на «Пегас», натворил бед и убежал. В это я мало верил. Ну когда ему было забраться на корабль, найти дорогу в кают-компанию, специально уничтожить все цветы? Почему он этим занялся именно тогда, когда мы заглянули на четыре года назад? Как догадался? И я понял, что этот негодяй скрывается на корабле и знает, что мы вот-вот разгадаем тайну Второго капитана. Это был кто-то, кто видел, чем мы занимаемся... Но кто? В лаборатории были Зеленый, Алиса и я. Если не считать индикатора. Ага, индикатор! Он толкнул Зеленого под локоть!.. Нет, быть не может. Индикатор хоть и очень чувствительное существо, но он все-таки зверь, не больше. Даже говорить не умеет. А может, не хочет?

И тут я подошел к люку. Люк был раскрыт настежь.

Все мои теории рассыпались на мелкие кусочки. Да и не могли не рассыпаться. Если бы я подумал еще чуть-чуть, то вспомнил бы, что индикатор ни на секунду от нас не отлучался и не мог разбить зеркала в кают-компании.

Люк был распахнут, и таинственный злодей ушел с корабля, утащив с собой нашего драгоценного говоруна. Может, вообще последнего говоруна на свете.

На лужайке перед кораблем светило солнце, зеленели кусты и пели птицы. Мир и благодать. Даже трудно поверить, что здесь происходят не очень приятные события.

Я поглядел на небо. Не летит ли Полосков? Полоскова пока что не было. Лишь высоко-высоко, под самыми облаками, кружила птица Крок.

— На помощь, капитаны! — услышал я вдруг знакомый голос. — Только вперед, а там разберемся.

— Ты где говорун? — крикнул я. — Тебе нужна помощь? Я спешу!

— «Три танкиста, — запел из кустов говорун голосом Первого капитана, — три веселых друга — экипаж машины боевой!»

Я побежал на голос птицы, раздвинул кусты и увидел говоруна. Говорун не мог лететь, потому что он катил перед собой клювом тяжелую алмазную черепашку. Он помогал себе ногами, крыльями, а свободным клювом распевал песни и звал на помощь.

— Вот спасибо тебе! — сказал я. — Вот спасибо! А мы уж начали беспокоиться, куда ты снова запропастился.

Говорун гордо расправился и аккуратно сложил крылья. Он сделал свое дело.

Я подобрал черепашку.

— Молодец! — сказал я говоруну. — Увидел, что эта проказница опять удирает, бросился за ней, догнал и притащил домой. Тебе за это положено пять кусков сахара, не меньше.

Я пошел обратно к кораблю. Говорун медленно шествовал сзади и был горд собой.

— А ты, глупышка, — обратился я к черепахе, — ты же так заблудишься. Кто тебя здесь будет кормить?

Ты забыла о том, что ты — редкое животное и принадлежишь Московскому зоопарку? И убегать тебе никуда нельзя...

Тут я услышал над собой шелест крыльев и в два прыжка подскочил к люку. Я уже научился угадывать птицу Крок по полету. Говорун влетел в люк вместе со мной, и мы захлопнули крышку. Потом уселись на пол перед люком, чтобы перевести дух, а птица Крок тем временем стучала в крышку люка своим железным клювом.

Алиса с Зеленым встретили нас в коридоре. Они встревожились, куда я мог деться.

— Все хорошо, что хорошо кончается, — сказал я им. — Оказывается, наш говорун — умница. Увидел, что алмазная черепашка опять отправилась в путешествие, догнал ее и вернул домой. Вот уже, наверно, черепашка перепугалась!

Черепашка отбивалась когтями и старалась вырваться из рук.

— А как же черепашка выбралась наружу? — удивилась Алиса. — Ведь люк был заперт.

— Ничего удивительного, — ответил я, — тот, кто поломал зеркала, и открыл люк.

— А откуда у него ключ от корабля? И вообще, где электронный ключ от «Пегаса»? Он же висел в кают-компании.

— В этой тайне не разобраться и Шерлоку Холмсу, — сказал Зеленый.

— А я разберусь, — ответила Алиса. — Я знаю.

— Ну, и что ты знаешь?

— Отгадка тайны у тебя в руке.

Я посмотрел на свои руки. Они были заняты алмазной черепашкой.

— Не понимаю, — сказал я.

— Погляди, что она прячет в клюве.

Голова черепашки была засунута под панцирь, но кончик электронного ключа от «Пегаса» выглядывал наружу. Я потянул за ключ. Черепашка сопротивлялась, держала его мертввой хваткой, и мне пришлось потрудиться, прежде чем я отобрал у нее ключ. Что-то в черепашке щелкнуло, и ее лапки, усеянные мелкими камушками, вывалились из-под панциря и безжизненно повисли.

— Ну-ка, — сказал Зеленый, — дайте мне эту черепашку. Посмотрим, как она чирикает.

Я, все еще не понимая, что же происходит, передал механику умершую черепашку и рассеянно повесил ключ на место. Зеленый положил черепашку на стол, достал из кармана комбинезона отвертку и, осмотрев черепашку со всех сторон, поддел отверткой под панцирем. Панцирь щелкнул, как крышка шкатулки, откинулся в сторону, и под ним обнаружилось скопище элементов, памятных ячеек, атомные батарейки — черепашка оказалась искусно сделанным миниатюрным роботом...

— Понятно теперь, почему она была такой шустрой, — сказала Алиса. — То в машинное отделение забраться хотела, то за нами бегала. Вспомни, папа, она ведь всегда под ногами крутилась, когда мы разговаривали о важных вещах.

— Чудо техники, — произнес с уважением Зеленый. — Здесь и передающее устройство, и даже маленький антигравитатор.

— Значит, толстяк знал о каждом нашем слове, — сказал я.

— Конечно, толстяк! — вспомнила Алиса. — Черепашка — его подарок.

— Но мне неудобно было отказать ему. Он так настойчиво дарил ее нашему зоопарку.

— Это просто здорово, что он не подарил зоопарку мину замедленного действия, — сказал мрачно Зеленый. — Вот тебе и внутренний враг. Она же в лаборатории слышала, что мы нашли способ заглянуть в прошлое, и тут же получила приказ помешать. Вот она и разбила остальные цветы в каютах-компаний. И я могу спорить на что угодно, что на поляне уже ни одного цветочка тоже не осталось. Хозяева черепашки постарались.

— Правильно, — сказала Алиса. — А потом она подхватила ключ от корабля и убежала.

— Да, — сказал я. — Но у нас есть теперь одно преимущество перед толстяком и Верховцевым.

— Какое?

— Они не знают, увидели мы что-нибудь в зеркале или ничего не увидели.

— Сейчас не это главное, — ответил Зеленый.

— А что?

— Самое главное — почему черепашка вдруг убежала с «Пегаса».

— Она сделала свое дело и убежала, — сказал я.

— Но ведь мы ее ни в чем не подозревали. Крутилась бы под ногами и дальше передавала наши разговоры своим хозяевам. А она вдруг убежала.

— Но, может быть, она нужнее сейчас в другом месте?

— Вряд ли, — сказал Зеленый. — Не нравится мне это. Вернее всего, она подложила в корабль мину замедленного действия, и в любой момент мы можем

взлететь на воздух. И сами взорвемся, и зверей погубим. Я предлагаю немедленно эвакуировать корабль.

— Погоди, — остановил я Зеленого. — Если бы им хотелось взорвать нас, они могли сделать это раньше.

В коридоре послышались быстрые шаги. В кают-компанию вбежал Полосков. Он сразу увидел на столе разобранную черепашку, и объяснять ему почти ничего не пришлось.

— Значит, они еще на планете, — сказал Полосков. — Без их приказа черепашка не стала бы губить зеркала. Она ведь только робот.

— Они приказали ей подложить мину, — повторил Зеленый, — и велели сматываться.

Мы все глядели на Полоскова, ждали, что скажет капитан.

— Чепуха! — сказал капитан.

— Но тогда почему она убегала?

— Ключ от корабля им несла, — сказал Полосков. — Зачем же им ключ от взорванного корабля?

— Ни зачем, — сказала Алиса. — Ну и умный у нас капитан!

— Я-то обыкновенных способностей... — сказал Полосков.

— ... а мы глупые! — обрадовалась Алиса. — Надо было догадаться, что черепашка не могла никакой мины подложить. Когда бы она успела за ней сбежать?

— Тоже правильно, — сказал Полосков. — Но главное сейчас не в этом. Толстяк и доктор Верховцев подозревают, что мы разгадали тайну Второго капитана, и они решили пожаловать к нам на «Пегас». Тайно

или явно, я не знаю, но нам надо ждать гостей. И приготовиться к их приходу.

— Но как же остальные цветы? В самом деле, мы же ничего не знаем.

Глава 19

ГДЕ ДЕВЧОНКА?

Это не так просто — поднять космический корабль и перебросить его всего на несколько километров в сторону. Это труднее, чем улететь с планеты. Не всякий капитан на это согласится.

Но Полосков решил перегнать «Пегас» на поляну. В корабле безопаснее, и без нашего разрешения никто в него не заберется.

Пока Полосков рассчитывал, как лучше прыгнуть «Пегасу», мы разошлись по кораблю, чтобы привязать раскиданные вещи, проверить клетки со зверями и убрать в шкаф посуду. В общем, через полчаса «Пегас» был готов к полету.

Мы собирались на мостице. Полосков сел к пульту управления, я — на место штурмана, Алиса — чуть сзади.

— Двигатели готовы? — спросил Полосков в динамик.

— К старту готов, — ответил из машинного отделения Зеленый.

Но Полосков не успел сказать: «Старт...»

Белая огненная полоса разрезала голубое небо. Рядом с нами спускался другой космический корабль. От толчка наклонились деревья и дрогнула земля.

— Погоди минутку, — сказал Полосков Зеленому, глядя в иллюминатор.

— Что там у вас? — спросил Зеленый.

— Соседи спустились.

— Кто?

— Не знаю еще. За деревьями не видно. Но будь готов стартовать немедленно. Может, это они.

— Верховцев? Толстяк?

— Да.

Мы привстали в креслах, не отрывая глаз от леса. Над деревьями торчал нос корабля. Совсем недалеко, метрах в двухстах. Мне даже показалось, что я слышу, как открывается люк на том корабле, как падает на землю трап... Вот они спускаются вниз, бегут через кусты. Друзья или враги?

Кусты раздвинулись, и на площадку перед «Пегасом» выбежал человек. На нем был скафандр, правда, без шлема. На поясе этого человека был пистолет. Человек поднял руку, приказывая нам остановиться. И тут мы все его узнали.

— Доктор Верховцев! — сказала Алиса. — Без шляпы.

— Верховцев, — повторил Полосков и склонился к динамику. — Зеленый, старт!

Наш корабль тут же отозвался на слова Полоскова, чуть покачнулся, загудели двигатели, и мы, набирая скорость, начали подниматься в воздух.

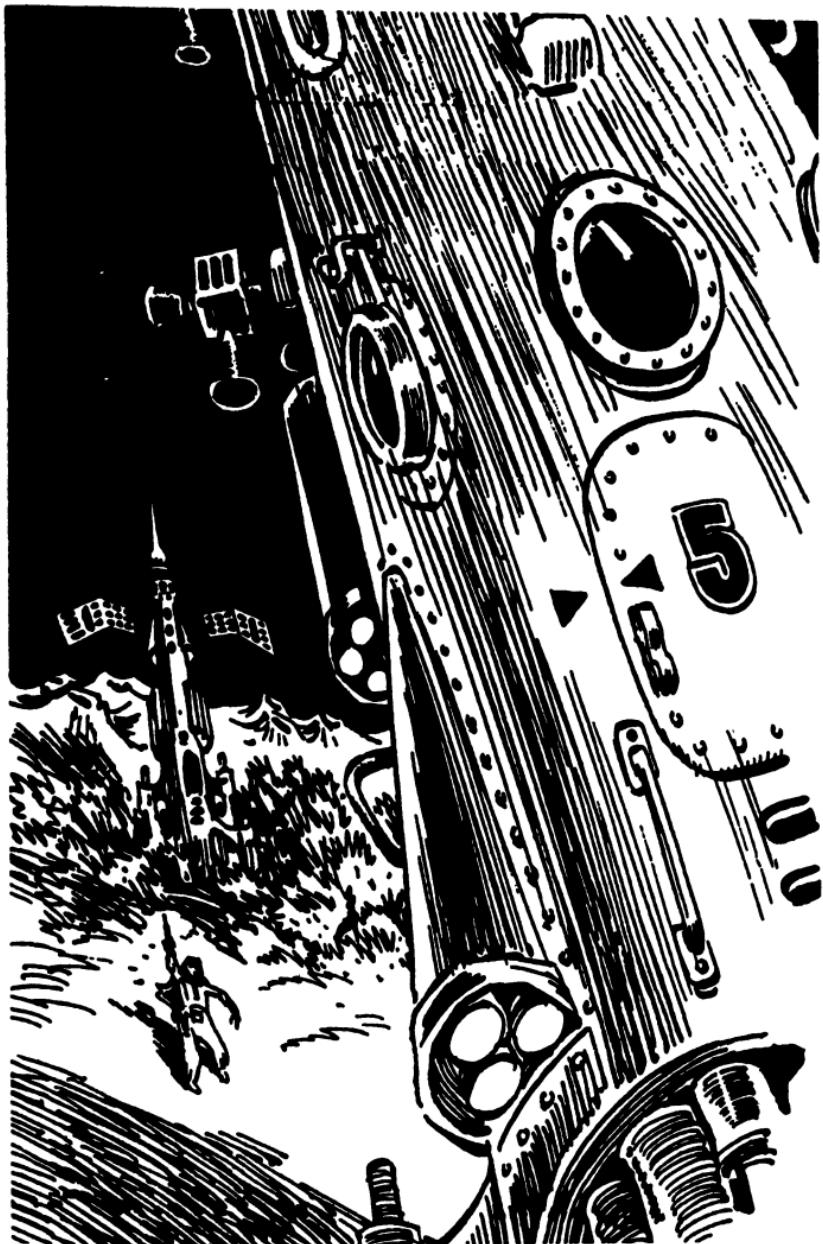
— Отлично, Зеленый, — сказал Полосков.

— Кто это был? — спросил Зеленый.

— Верховцев, — ответил Полосков.

«Пегас» завис на секунду над площадкой, и доктор Верховцев отступил назад, под защиту кустов.

Он махал руками и очень сердился.

Кусты раздвинулись, и на площадку перед «Пегасом» выбежал человек

— Что? — крикнула Алиса, хотя Верховцев не мог нас услышать. — Руки коротки?

— Алиса, — сказал я укоризненно, — разве можно так разговаривать со старшими?

Полосков засмеялся.

— А он без шляпы, — сказала Алиса, будто и не слышала моих слов. — Потерял шляпу. Спешил.

Корабль наклонился, беря курс к поляне, и вскоре наш враг превратился в муравьишку, и я заметил, как он поспешил обратно к своему кораблю.

— Теперь, — сказал Полосков, — у нас есть время в запасе. Пока они вернутся на свой корабль, задраят люки и заведут двигатели, пройдет полчаса. И за эти полчаса мы должны найти Второго капитана. Это трудная задача.

— Даже здорово, — сказала Алиса, — что они решили нас поймать. По крайней мере, мы знаем, что на поляне их нет.

Круглая поляна была уже под нами. Полосков осторожно посадил «Пегас» точно в ее середине. Пока мы спускались, я заметил множество ярких блесток, словно вокруг поляны искрился иней. А когда мы снизились, я понял, что это не иней, а осколки разбитых зеркал. Мы были правы — враги успели погубить все цветы.

«Пегас» снизился на траву, выпустил амортизаторы, и Алиса первой отстегнула ремень. Ей не терпелось выбежать на поляну. В этот момент «Пегас» вздрогнул, пошатнулся, Алиса покатилась к стенке. Зеленый закричал снизу:

— Куда мы летим?

Затем был удар, еще удар, треск амортизаторов — наш корабль падал в какую-то пропасть. Я хотел отстегнуть ремень, чтобы найти Алису и помочь ей, но

еще один, последний удар оглушил меня, и, когда я пришел в себя, наш корабль стоял, накренившись, в темноте.

И было очень тихо.

— Алиса, — спросил я, быстро отстегивая ремни и путаясь в застежках. — Алиса, как ты?

— Нормально, — спокойно ответила Алиса. — Немножко ушиблась.

Голос Зеленого донесся до нас издалека.

— Ох, — сказал Зеленый. — Куда ты нас посадил, Полосков? Теперь мы никогда отсюда не выберемся.

— Ты жив-здоров? — спросил Полосков.

— Здоров, — сказал Зеленый. — А все-таки, куда мы попали? С горы свалились?

— Хуже, — ответил Полосков и включил аварийное освещение мостика. Шкалы приборов на пульте загорелись, словно звездное небо. — Мы провалились сквозь землю.

И тут я понял, что во всем виноват я сам. Я должен был предупредить Полоскова, сказать ему о том, что мы видели в зеркале цветка.

— Голову мне оторвать мало! — сказал я в сердцах. — Ведь в зеркале четыре года назад на месте полянки была бетонная плита!

— Правильно, — сказала Алиса.

Она нашла меня в полутиме, подобралась по наклонному полу и взяла за руку.

— Конечно, там была плита, — сказала Алиса. — И мы забыли сказать о ней Полоскову.

— Какая плита? — спросил Полосков.

Я рассказал ему о том, что четыре года назад вместо травы на поляне была плита и даже можно было различить круглую щель по ее краям.

— Никогда бы не сел, если бы знал заранее, — сказал Полосков.

Он очень расстроился. Любой капитан расстраивается, когда с его кораблем случается несчастье.

— Ну ладно, плакать не будем, — сказал Полосков, который умел владеть собой. — Зеленый, ты меня слышишь?

— Слышу.

— Достань фонари из кладовки и проверь, насколько серьезны повреждения в машинном отделении.

— Я уже проверяю, — сказал Зеленый.

Полосков нажимал на кнопки, глядя, в каком состоянии находятся приборы и машины «Пегаса». Проверкой он остался доволен.

— Слушайте, — сказал он, — серьезных повреждений, по-моему, нет. Но при падении сломался один из амортизаторов. Так что придется выбраться наружу и посмотреть, как его починить. Я пойду, а остальные останутся на корабле.

— Ничего подобного, — сказал я. — Ты, Полосков, нужнее на корабле. Если что-нибудь случится, без тебя «Пегасу» не подняться. Пойду я.

— Я пойду, — сказал Зеленый из машинного отделения; он слушал весь наш разговор.

— И я тоже, — сказала Алиса.

Мы не смогли переспорить друг друга, и к люку вышли все вместе.

— Странно! — сказал Полосков, отпирая люк. — Если мы провалились в яму, то сверху должен падать свет. А здесь совсем темно.

— Может, мы очень глубоко упали? — спросила Алиса.

— Нет, если бы мы упали глубоко, то амортизатором бы не отделались. Яма неглубокая.

Полосков распахнул люк. За ним было совсем темно.

— Вот видите, — сказал Полосков. — Дай фонарь, Зеленый.

— Ой, — вскрикнул Зеленый, — я не могу, кто-то держит меня за ногу!

Зеленый, прежде чем я успел прийти к нему на помощь, включил фонарь и начал водить им из стороны в сторону, стараясь найти того, кто на него напал.

Но это оказался всего-навсего индикатор. Ему было страшно в темноте, он сумел отпереть свою клетку и догнать нас у люка. В луче фонаря индикатор был испуганного желтого цвета. Он дрожал и прижимался к ноге Зеленого.

Полосков взял у Зеленого фонарь и направил сильный луч света вперед. Там была темнота — видно, яма, в которую мы попали, была очень велика. Полосков направил луч света наверх, и он уперся в ровную поверхность.

— Как в чайнике, — сказал Полосков. — Попали внутрь, и крышка закрылась. — Он еще раз обвел лучом вокруг. — Здесь никого нет, — сказал он. — И давно не было.

Полосков спустил трап и сошел вниз. Он постучал каблуком по земле и сказал, обернувшись к нам:

— Камень. Ходить можно.

Мы спустились вслед за ним. Пока Полосков обходил вокруг корабля, осматривая, насколько серьезно сломался амортизатор, я посветил еще раз фонарем наверх. И вскоре нашел то, что искал: по потолку шла тонкая полоска, которая, закругляясь, обозначала край каменной плиты. Да, Полосков был прав — крышка

открылась, когда мы на нее опустились, и тут же захлопнулась за нами.

Я, светя перед собой фонарем, обошел корабль с другой стороны. Здесь было также темно. Я включил луч на полную мощность, и он уперся во что-то темное.

— Я пройду немного в эту сторону, — сказал я громко, чтобы Полосков услышал. — Там что-то есть.

— Погоди, папа, я с тобой, — сказала Алиса.

— Только далеко не отходите, — сказал Полосков.

Алиса подбежала ко мне. Она держала в руке большой фонарь.

Мы прошли шагов двадцать, светя перед собой, и тогда поняли, что в яме, кроме нас, стоит еще один космический корабль. А когда мы подошли поближе, Алиса прочла его название:

— «Синяя чайка».

— Полосков! — позвал я, и мой голос, отражаясь от стен, усилился и загремел, словно в бочке. — Полосков! Зеленый! Мы нашли Второго капитана!

Я услышал глухой топот — Полосков и Зеленый бежали к нам. Яркие белые пятна их фонарей колыхались на бегу.

— Где?

Корабль «Синяя чайка» возвышался над нами. Он был тусклый от пыли, покрывшей его за много лет. Он казался мертвым, покинутым людьми. На его люке висел большой замок.

— Вот, оказывается, что с ним случилось, — сказал я.

— Он попал в эту яму, — сказал Полосков, — и, видно, Второй капитан не смог выбраться отсюда.

— Вот и мы не сможем, — мрачно произнес Зеленый. — И придется нам доживать свои дни в этой пе-

щере. Я же говорил, что надо лететь за помощью. Я предупреждал.

— Без паники на борту, — строго сказал Полосков. — Мы обязательно отсюда выберемся. А сначала я предлагаю войти в «Синюю чайку». Раз уж мы его нашли, надо довести дело до конца.

— Но люк закрыт, — сказал я. — И трапа нет.

И вдруг над нашими головами вспыхнул яркий свет. Такой яркий, что мы все зажмурились. А когда я открыл глаза, то успел заметить, что с высокого потолка на нас опускается большая сеть. В следующую секунду мы были опутаны ею, как птенцы.

И когда мы попытались распутаться, барахтаясь и мешая друг другу, сверху раздался громкий голос:

— Не шевелиться! Вы в плену!

Прикрыв ладонью глаза от яркого света, я посмотрел в ту сторону, откуда раздавался голос. По ровному, блестящему полу громадной пещеры к нам шли толстяк, по произвищу Весельчак У, и доктор Верховцев, опять надевший свою шляпу. В руках у них были пистолеты, направленные на нас.

С другой стороны подходили еще два человека в черных кожаных мундирах.

— Бросить оружие! — приказал толстяк. — Ну, кому говорю?

— Слушайся его, — шепнул я Полоскову. Только у Полоскова был с собой пистолет.

Полосков вынул пистолет из кобуры и бросил на пол. Пистолет громко звякнул.

Сеть поднялась.

За несколько секунд, пока не подошли наши враги, я успел оглядеться. Ловушка, в которую попал наш «Пегас», была громадной, но невысокой пещерой. В

ней на некотором расстоянии друг от друга стояли два корабля — «Пегас» и «Синяя чайка». Между ними, освещенные ослепительным светом прожекторов, мы казались муравьями на полу большой комнаты.

Я посмотрел на моих друзей. Полосков глядел на подходивших врагов, и губы его сомкнулись в тонкую ниточку. Зеленый сжал кулаки и стал так, чтобы загородить спиной Алису. Алиса прижалась ко мне. А с другой стороны к моей ноге прислонился желтый от страха индикатор.

— Вот и попались, голубчики, — сказал Весельчак У. — И очень хорошо.

Он говорил без злости и даже улыбался при этом. Но у доктора Верховцева, который успел переодеться — снять скафандр и надеть свою шляпу, — лицо было совершенно неподвижно, как маска, и глаза казались пустыми.

Алиса отошла от меня на полшага.

— Ты куда? — спросил я ее.

— Я здесь, — шепнула Алиса.

Два человека в черных мундирах держали нас на прицеле, пока Верховцев по приказанию толстяка подошел к нам вплотную и подобрал пистолет капитана. Потом он быстро обыскал нас, проводя холодными руками по бокам и залезая в карманы.

— Все в порядке, — сказал он тихо, — больше у них оружия нет.

— Да и откуда быть оружию? — засмеялся толстяк. — Они же ловят бабочек. И не знали, что сами попадутся в ловушку. Как и этот вот. — Весельчак У показал толстым, словно составленным из трех сарделек, пальцем на «Синюю чайку». — Сами в ловушку

попались! Никто не звал! — и громко рассмеялся. Потом приказал: — Надеть на всех кандалы!

Видно, наручники были заготовлены заранее. Один из черных людей открыл сумку, висевшую у него на плече, и достал оттуда связку блестящих наручников.

Пока он возился, разбирая наручники по парам, толстяк подошел ко мне вплотную и сказал, тыча в меня жирным пальцем:

— Ну что, не хотел отдавать говоруна, профессор?

— Не хотел, — ответил я.

— Погляди на него, — обернулся толстяк к Верховцеву. — Пожалел говоруна для старого друга! А где теперь птичка?

— Не знаю, — сказал я, хотя, конечно, знал, что говорун остался на корабле.

Видно, говорун толстяку все равно был нужен. И он сказал Верховцеву:

— Пойди осмотри «Пегас».

Потом обернулся снова ко мне и добавил:

— За то, что ты, профессор, сказал мне неправду, ты будешь наказан. И очень больно. Мои помощники это умеют делать. Но не сейчас, не сейчас... Наденьте на них наручники. Никогда нельзя им доверять.

Человек в черном мундире подошел ко мне и щелкнул наручниками. Руки мои были скованы.

— Следующий! — приказал Весельчак У.

Его помощник подошел к Полоскову. Он двигался размеренно и действовал так точно и обстоятельно, что у меня появилось подозрение, не робот ли это.

— Следующий, — сказал толстяк.

Наручники щелкнули на руках Зеленого.

— Следующий!

Помощник наклонился к индикатору и остановился

в нерешительности. У индикатора десять ножек, и все такие тонкие, что их не заковать в наручники.

— Дурак! — сказал толстяк. — Девчонке надень! — Он оглянулся. — А где девчонка?

Алисы нигде не было.

Глава 20

В ПЛЕНУ

— Где девчонка? — суетился Весельчак У, и улыбка пропала с его лица, и странно было смотреть, как его короткие, толстые руки метались и суетились отдельно от тела.

— Какая девчонка? — спросил один из черных мундиров.

— Тут была девчонка! — кричал толстяк. — Ее звали... как ее звали? — Он достал из кармана записную книжку и прочел по складам: — «А-ли-са». Где Алиса? — На этот раз он смотрел на меня.

— Какая Алиса? — спросил я как можно спокойнее.

А в это время я ломал себе голову, как она сумела убежать. Ведь мы стоим на открытом месте, даже спрятаться негде.

— Была девчонка, — настаивал толстяк. — Я ее видел. Ты ее видел? — спросил он у Верховцева, который стоял, опустив руки, и будто спал с открытыми глазами.

Тот человек в черном, который ходил на «Пегас» за говоруном, вернулся обратно. Он тащил птицу, взяв ее за ноги, и голова говоруна болталась, чуть не доставая до пола.

— А, нашел, — обрадовался толстяк. — Открути ей голову.

— Чего? — спросил тот.

— Голову, говорю, ей открути. Она нам больше не нужна.

— Ни в коем случае! — возмутился я. — Нельзя говоруну голову скручивать. Это, возможно, последний говорун на земле.

Индикатор от возмущения посинел и бросился на тонких ножках к говоруну, желая, видно, его освободить. Но Весельчак У заметил это и рассмеялся.

— И ты туда же! — сказал он и ловко для такого толстого человека извернулся и подставил индикатору ножку.

Индикатор упал и почернел от обиды.

— Ну, — сказал толстяк, — ты чего время теряешь? Я же сказал, больше говорун нам не нужен. Отвинти ему голову.

Не знаю, понял говорун толстяка или нет, но он забился в руке черного человека и заговорил незнакомым мне голосом:

— Птица говорун охраняется законом планеты Блук как очень редкое и интересное создание. Охота на говорунов воспрещена, и нарушители этого правила подвергаются штрафу и общественному негодованию.

— Да заткни ты ему глотку! — завопил Весельчак У. — И без него хлопот полон рот!

И вдруг случилось совершенно непонятное происшествие. Человек в черном мундире поднял говоруна за ноги повыше, чтобы перехватить его за шею, и только протянул руку, как вдруг потерял равновесие и со всего маху упал на пол, ойкнул от неожиданности и

упустил говоруна. Говорун на лету перевернулся и взмыл к потолку.

— Стреляй! — крикнул толстяк, выхватывая пистолет.

Загремели выстрелы. Раз или два пули чуть было не попали в говоруна, но он увертывался от них и полетел в дальний, неосвещенный конец зала.

Люди в черном побежали было за говоруном, но Весельчак У их остановил:

— Нечего теперь бегать! Упустили, ротозеи! Ты чего вдруг упал?

— Я не упал, — сказал человек в черном мундире. — Меня уронили.

— Молчи! — обозлился толстяк, и его кисельные щеки затряслись. — Будешь еще придумывать — я тебя сам уроню, тогда не встанешь! И нечего гоняться. Он все равно теперь в туннелях заблудится. И времени мало у нас. Другое дело есть.

Толстяк обернулся к тихому, мертвому кораблю «Синяя чайка» и спросил, будто корабль мог ему ответить:

— Ты меня слышишь?

Корабль не отвечал.

— Ну и не отвечай, — сказал толстяк. — Ну и не надо. Все равно я знаю, что ты нас слышишь. Сидишь там и наблюдаешь, думаешь, чего это я «Пегас» сюда затащил. Да для того я его затащил, что тебе придется сейчас сдаться.

Весельчак У подошел к «Синей чайке» поближе и продолжал:

— Четыре года ты не сдаешься. Четыре года думаешь, что твои дружки тебя спасут. Четыре года не веришь, что никто не знает, где ты. Четыре года ты надеешься, что твоя паршивая птица долетела до Вене-

ры. Я уж думал, что ты так и умрешь в своей клетке. Но сегодня все изменилось. Сегодня ты откроешь дверь в корабль и отдашь мне то, что принадлежит мне по праву. Ты слышишь меня, капитан?

Никто не ответил толстяку. Голос его раскатывался по подземелью и отражался далеким эхом от стен. Эхо замолкло, и толстяк перевел дух.

— Где девчонка? — пробормотал он. — Мне очень нужна эта девчонка.

Доктор Верховцев стоял поодаль и смотрел в землю. Два других человека, в черных мундирах, отошли немножко в сторону и выставили перед собой пистолеты, готовые выстрелить в любой момент.

— Я знаю, что ты меня слышишь, капитан, — начал снова Весельчак У. — Ты затаился в своей норе, отсиживаясь. Погляди в иллюминатор. Перед тобой три человека с Земли: глупый профессор, который носится по Галактике и собирает зверье, как будто лучше занятия придумать не мог, тихоня капитан и дурак механик с рыжей бородой.

Хоть я слышал все, что происходит вокруг, на самом деле мои мысли были заняты Алисой. Куда она могла исчезнуть? Где она сейчас скрывается?

— Ты уже много лет ставишь мне палки в колеса, — продолжал толстяк, глядя на «Синюю чайку». — Но сегодня мой праздник. Сегодня ты отдашь мне формулу. Ты слышишь?.. Молчит, — сказал толстяк другим голосом, тихо. — Думает. Сейчас мы его потопропим. Жалко только, девчонка куда-то запропастилась. С девчонкой было бы легче.

Он достал из кармана большой носовой платок и вытер потный лоб.

— Слушай, капитан, — сказал он. — Если ты через

три минуты не откроешь люк и не вынесешь мне формулу, я прикажу убить всех моих пленников. Но не сразу. Нет, не сразу. Сначала мы отрежем уши глупому профессору. Я зол на него больше всех, потому что он отказался отдать мне говоруна. Потом мы...

— Погоди, толстый пират, — раздался вдруг голос Второго капитана. Это был знакомый голос: мы слышали его уже несколько раз — ведь говорун бесподобно подражал голосам.

— То-то, — сказал Весельчак У.

— Тебе все равно нет места в Галактике, — продолжал Второй капитан. — Тебя все равно найдут и поймают, где бы ты не прятался. Лучше послушайся меня — сдайся...

— Молчи! — перебил его толстяк. — Так мы не договоримся. По твоей милости и по милости твоих дружков я уже и так почти все потерял. И последнего тебе не отдам. Галактий будет моим.

— Стыдись, пират! — сказал Второй капитан. — Хоть и нет у тебя стыда.

Мы мало что понимали в этом разговоре. Ясно было только, что у Второго капитана было что-то такое, в чем толстяк был очень заинтересован. И не мог достать, не мог отнять. Слово «галактий» мне ничего не говорило. Я никогда раньше не слышал такого слова. А капитан «Синей чайки» отдать галактий не хотел.

— Не будем терять время, — сказал толстяк. — Меня не интересуют твои мысли и настроения. Стыд — это только для слабых. Мы, сильные, не знаем стыда. Говори: отдаешь формулу галактия?

— Мне надо поговорить с этими людьми, — сказал Второй капитан.

— Нет, — ответил толстяк, — говорить ты с ними не

будешь. А то вы придумаете что-нибудь, чтобы меня обмануть. Ты откроешь сейчас люк и вынесешь мне формулу галактия. А я обещаю отпустить тебя и этих людей на свободу. На все четыре стороны. И если ты не сделаешь того, что я тебе говорю, ты будешь много дней корчиться от их криков. Ведь у тебя есть и стыд, и совесть.

— Не получится, толстяк, — сказал Второй капитан. — С тех пор как четыре года назад я опустился на этой планете, ты придумывал уже много способов отнять у меня абсолютное топливо, но ничего не получилось. Не получится и сегодня. Ты знаешь, что я сделаю?

— Что?

— Я взорву «Синюю чайку». Погибну сам, но галактия ты не получишь. Нельзя давать тебе в руки абсолютное топливо, потому что ты тогда натворишь столько бед, что жителям Галактики не исправить и за десять лет.

— Правильно, — сказал Весельчак У. — Но если ты думаешь, что, взорвав «Синюю чайку», ты спасешь профессора и его людей, то ошибаешься. Даю тебе торжественное слово Черной Мглы, что они все равно погибнут. На что мне эти пленники? Как только я их отпущу, они расскажут о моей планете Службе галактической безопасности, и через месяц за мной будут охотиться все крейсеры Галактики. Нет уж, пускай до поры до времени они думают, что меня нет в живых.

— Тогда я все равно должен все рассказать этим людям. Я их не встречал раньше, но если они у тебя в плену, значит, они хорошие люди. И посмотрим, что они скажут, выслушав мой рассказ.

— Нет! — крикнул толстяк.

— Молчи, — сказал спокойно капитан. — Куда тебе спешить? Ты успеешь выполнить свою угрозу.

— Пускай говорит, — сказал вдруг доктор Верховцев. — Он все равно видел, что говорун был у них на корабле. Пускай говорит, это его и их не спасет.

Толстяк развел руками — пожалуйста.

— Слушай, профессор, и слушайте, люди. Нас было три капитана. Много лет назад мы узнали о том, что в Галактике появились пираты. Этим пиратам были нужны деньги и драгоценности, им была нужна власть. Они хотели стать господами Галактики. Мы узнали о пиратах, когда они напали на планету Триада и угнали оттуда корабль. Мы догнали пиратов тогда, когда они захватили другую планету и обратили в рабство ее жителей. Там они втайне начали строить военный крейсер, чтобы нападать на торговые корабли. Долго рассказывать о том, как мы выследили пиратов, как мы проникли на порабощенную планету и подняли на ней восстание против захватчиков.

— Вы взяли нас обманом, — проворчал толстяк.

Доктор Верховцев махнул рукой:

— Пускай говорит. Недолго ему говорить осталось.

— Так вот, — сказал капитан, подождав, пока пираты замолчат, — двум пиратам удалось убежать от нас. Несколько лет они скрывались здесь, на окраине Галактики, вдали от космических путей. Все забыли о пиратах.

— Но мы ничего не забыли, — сказал толстяк.

— Да, — согласился Второй капитан, — они не забыли и не отказались от своих планов. И больше всего на свете они хотели отомстить нам, трем капитанам.

— И мы отомстили, — сказал Весельчак У.

— Не спеши. Еще ничего не кончено. В конце кон-

цов проиграете вы. Вы не можете победить всю Галактику.

— Сможем, — сказал толстяк.

Второй капитан как будто не слышал его. Он продолжал:

— Прошли годы. Мы, три капитана, расстались. Первый капитан улетел на Венеру. Третий капитан решил перелететь в соседнюю галактику, чего еще никто до него не делал. Я занялся научными исследованиями. И вот однажды я получил послание от Третьего капитана. Он сообщал мне, что возвращается из своей экспедиции. Послание было очень неожиданным, потому что никто не ждал возвращения его так скоро. Мой друг просил меня встретить его на окраине Галактики, потому что у него есть для меня очень важные новости. И я, бросив все дела, поспешил к нему навстречу.

— Но он не знал, что мы перехватили послание, — хихикнул толстяк, потирая ладони, — и все узнали.

— Да, — сказал Второй капитан, — они перехватили послание Третьего капитана, потому что планета, на которой они скрывались, по печальному стечению обстоятельств, была той, куда спешили с разных сторон и я и мой друг. Мой друг был очень болен. Долгий полет, которого не предпринимал раньше ни один житель нашей Галактики, подорвал его здоровье, и он опасался, что не сможет долететь до Земли или до его родной планеты Фикс. А летел он с очень важными сведениями. Жители соседней с нами галактики подарили ему формулу галактия — абсолютного топлива. Если построить корабль с двигателями на галактии, он будет летать в сто раз быстрее, чем любой другой корабль в космосе. Планеты станут близкими, как соседние города. Жители другой галактики зарядили двига-

тели его корабля галактием и дали ему с собой формулу этого вещества, чтобы мы могли использовать это открытие. Третий капитан долетел до этой планеты, не подозревая, что она — приют пиратов, и здесь он остановился. Болезнь его зашла так далеко, что он не мог больше управлять кораблем. Пираты отлично видели его корабль и следили за ним, но не стали его трогать. Они решили дождаться моего прилета и узнать, что за важные новости привез Третий капитан. Когда Третий капитан был без сознания, они пробрались к нему на корабль, в котором он ждал моего прилета, и установили в корабле микрофоны, чтобы подслушать наши разговоры. А сам корабль осторожно перенесли на эту поляну.

— Но ты должен признать, что мы хорошо подготовились к твоему прилету, — сказал Весельчак У.

— Когда я опустился на планету рядом с кораблем Третьего капитана, я нашел друга в очень тяжелом состоянии. Капитан рассказал мне о своем путешествии и о формуле галактия. Я понимал, что самое главное сейчас — отвезти капитана на Землю, где его смогут вылечить. Но я знал, что он не перенесет космического путешествия, и решил остаться рядом с ним до тех пор, пока ему не станет немного легче. Я поспешил к себе на корабль за лекарствами, но, пока я подбирал нужные лекарства, пираты открыли заранее подготовленный люк, и наши корабли провалились в это подземелье.

— Здорово было придумано! — сказал толстяк.

— Конечно, — ответил Второй капитан. — Они боялись на меня напасть наверху. Когда я понял, что произошло, я увидел, что «Синяя чайка» в подземелье. Зажегся свет, и к ней подошел вот этот тип, который

стоит рядом с вами. И я его узнал и сразу догадался, что пираты меня перехитрили. Они обещали отпустить меня в обмен на формулу галактия. Они сразу сообразили, что, имея такое топливо, они будут летать так быстро, что их никто не сможет догнать, и им будут не страшны крейсеры Службы галактической безопасности, и все корабли Галактики могут стать их легкой добычей. И я тоже понял, что ни за что на свете я не отдам им формулу и не дамся им в руки живым. Я задраил люк и не впустил их на «Синюю чайку».

— А что случилось с Третьим капитаном? — спросил Полосков.

— Они попытались разрезать наши корабли, чтобы взять нас в плен. Им удалось это сделать с кораблем Третьего капитана, и капитан попал им в руки. Может быть, они его убили.

— Неправда, — сказал толстяк. — Неправда. Он сам умер. От болезни. Ты же знаешь, как тяжело он был болен. Когда мы распилили корабль, он был уже мертв.

— А «Синюю чайку» им распилить не удалось, — сказал капитан. — Она ведь сделана из алмазного сплава. А на борту у меня был говорун, подарок Первого капитана. И у меня был уговор с Первым капитаном: если что-нибудь случится, то я выпущу говоруна с наказом лететь на Венеру и отыскать Первого капитана. Первый капитан знает, как заставить говоруна рассказать, где я и что со мной.

— А мы не смогли, — сказал я. — Кое-что говорун нам сказал, но, к сожалению, этого было мало.

— А как же он попал к вам? — спросил Второй капитан.

— Его ранили, — сказал я. — Видно, за ним гнались пираты.

— Это точно, — согласился толстяк.

— Но говоруну удалось улететь. Ему починили крыло роботы на железной планете Шелезяке.

— Мы за это им все масло отравили — роботы теперь парализованные лежат, — засмеялся толстяк так, что все его подбородки затряслись.

— Роботов мы вылечили, — сказал я. — С роботами все в порядке.

— Как так?

— Мы были на той планете и вылечили роботов.

— Проклятье! — воскликнул толстяк.

— Но, к сожалению, с железным крылом говорун не смог долететь до Солнечной системы, — сказал я. — Он еле-еле добрался до своей родной планеты.

— Мы искали его там, — признался толстяк. — Мы вот с моим другом. — Он показал на доктора Верховцева.

— Предатель! — сказал мрачно Зеленый. — Мы еще до тебя доберемся!

— Молчи! — погрозил ему пальцем Весельчак У. — Мы с моим другом перебили всех говорунов на планете Блук. Мы их покупали, выменивали, крали. Мы хотели даже весь кислород уничтожить на планете.

— Червяками? — спросил я.

— Червяками. Но, к сожалению, нам не повезло. И совершенно случайно говорун попал в руки этим вот несмышленым, — сказал толстяк, — и они полезли сюда. Мы их предупреждали. Сами виноваты. А теперь вам придется погибнуть.

— Ничего, не волнуйтесь, — сказал Второй капитан. — Не посмеют они ничего с вами сделать. Они

ведь трусливые. Никогда бы всем пиратам мира не одолеть трех капитанов. Они и поодиночке нас победить не смогли.

— Нет, смогли! — крикнул толстяк. — Третий капитан уже умер. Ты четыре года сидишь в плену. А как только мы получим галактий, мы доберемся и до вашего Первого капитана.

— И вы четыре года живете в корабле? — спросил Полосков.

— Да, — ответил Второй капитан. — Я ведь упрямый. Я мог бы, конечно, уничтожить формулу. Но тогда она не досталась бы и остальным жителям Галактики. Но разумным существам очень нужно абсолютное топливо — тогда все планеты в сто раз приблизятся друг к другу. Я знал, что рано или поздно помочь придет.

— Пришла, да не та, — сказал толстяк. — Ты выговорился, капитан? А теперь придется тебе расстаться с формулой.

— Есть у меня и другой уговор с Первым капитаном, — сказал Второй капитан. — Если от меня нет вестей больше четырех лет, он сообщает об этом Службе галактической безопасности и отправляется меня искать. И уж если случайные люди нашли меня так скоро, то Первый капитан найдет меня еще быстрее. И вы это знаете.

— Ладно, хватит разговоров, — сказал глухо доктор Верховцев. — Начинайте. Он просто тянет время.

Тогда один из пиратов подошел ко мне и сильно рванул за скованные руки. Я потерял равновесие и упал. Он оттащил меня в сторону. Я пытался сопротивляться, но на помочь первому пирату подоспел второй, и они связали мне ноги.

Толстяк достал из-за пояса длинный нож.

— Ты знаешь, Второй капитан, — сказал он, оборачиваясь к кораблю, — я умею шутить, недаром меня прозвали Весельчаком. Но некоторые мои шутки кончаются слезами. — Он поднял нож.

Полосков с Зеленым рванулись мне на помощь. Но доктор Верховцев, который внимательно следил за ними, выстрелил в них сонным газом из баллончика, висевшего у него на запястье. Мои товарищи повалились на землю.

— Ну, — сказал Весельчак У.

Я почувствовал, как холодное лезвие ножа прикоснулось к моему горлу.

— Сними замок, — сказал Второй капитан.

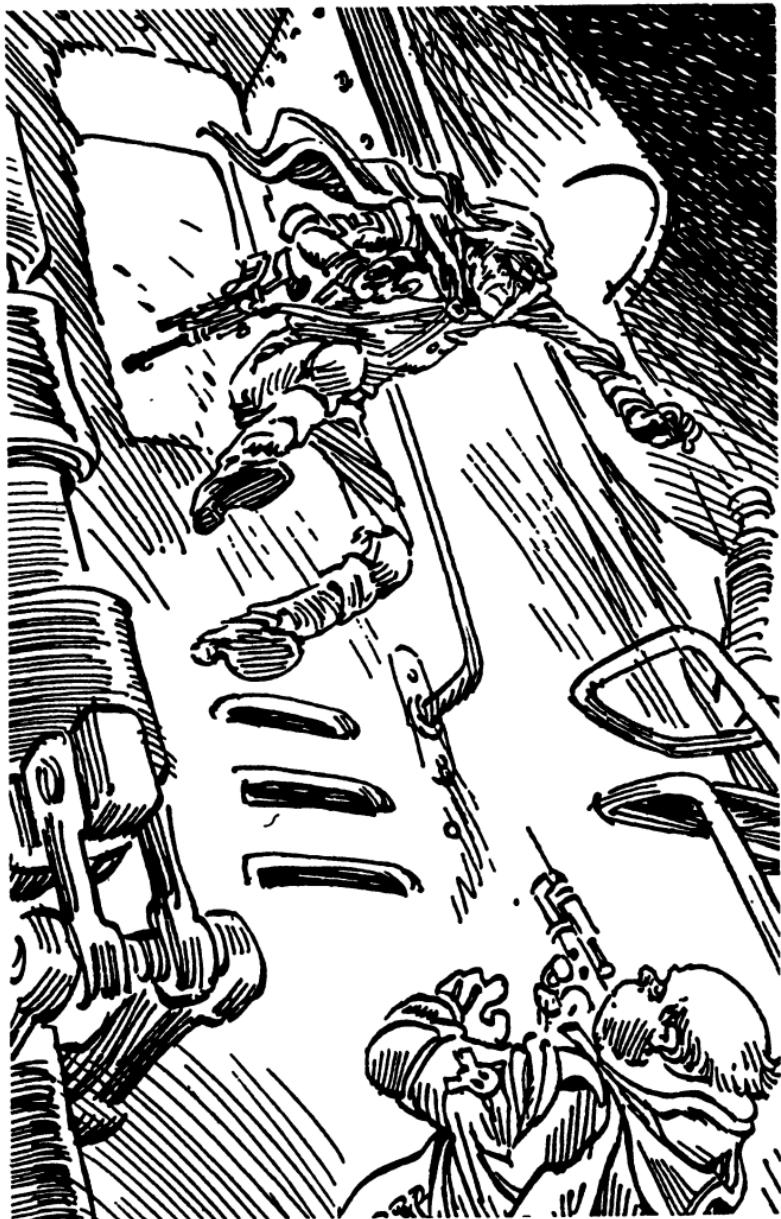
— Давно бы так.

Толстяк дал знак пирату, и тот, поднявшись по трапу к люку «Синей чайки», открыл тяжелый замок. Его пираты поставили давно, как только «Синяя чайка» упала в подземелье. Если Второй капитан не давал им проникнуть на корабль, то и они не хотели, чтобы он ушел с корабля без их разрешения.

Пират спустился с трапа и остановился в отдалении, направив на люк пистолет. Верховцев тоже поднял оружие. Они не хотели рисковать. Вчетвером они боялись одного капитана, которого не могли победить уже четыре года.

— Смотри, без шуток, — сказал Верховцев, — а то стреляем.

Люк внезапно распахнулся, и я даже не успел разглядеть капитана. Он прыгнул вниз, словно синяя молния. Одновременно прогремели два выстрела. Но капитан уже был на земле. Он откатился в сторону, и лучи пистолетов дробили камни у его головы. Еще

Люк внезапно распахнулся, и я даже не успел разглядеть капитана

мгновение — и капитан оказался под защитой широкого амортизатора «Синей чайки».

Пираты сразу разбежались и залегли за камнями.

— Спокойно, он от нас не уйдет, — раздался голос Верховцева. — Окружайте его.

В ответ грянул выстрел со стороны «Синей чайки».

Я понимал, что положение капитана почти безвыходное. Пираты медленно, скрываясь за камнями, окружали его.

— Не стреляй! — крикнул толстяк.

Голос его звучал совсем рядом. И я увидел, что он снова заносит над моим горлом нож.

— Если выстрелишь, профессору конец.

И в тот же момент со стороны нашего корабля послышался голос:

— Не двигаться с места! Вы окружены!

Рука толстяка с ножом замерла. Я кулаком вышиб нож, и он отлетел далеко в сторону.

— Вы слышите? — послышался другой голос из темноты с той стороны, куда улетел говорун. — Бросайте оружие.

Пираты медленно поднимались с земли, их пистолеты звякали о камни.

Я приподнял голову и увидел, что из-за амортизатора «Пегаса» вышел доктор Верховцев в скафандре, но без шлема.

Я в изумлении перекатился на другой бок.

Второй доктор Верховцев, в шляпе, поднял руки и стоял на коленях.

С другой стороны к пиратам направлялся Первый капитан. Точно такой же, как монумент на планете имени Трех Капитанов, только живой, загорелый, в

синем мундире капитана дальнего космического плавания.

Откуда-то вылетел говорун и, хлопая крыльями, опустился на плечо капитану. Потом из темноты вышла Алиса.

Глава 21

А В ЭТО ВРЕМЯ...

Алиса пропала в тот момент, когда мы очутились в плену. И случилось это так незаметно, что никто в подземелье не обратил внимания на ее исчезновение. И я в том числе.

Как это ей удалось сделать, я узнал потом. Но раз уж я рассказываю все по порядку, то придется рассказать, что случилось с Алисой, пока мы были в плену, и почему Первый капитан и доктор Верховцев (второй доктор Верховцев) нашли вход в подземелье и успели нас спасти.

А случилось вот что. Алиса получила в подарок на базаре в Палапутре шапку-невидимку. Ее подарил карлик, продающий рыб, которых не было, а он говорил, что их просто не видно.

Алиса сначала решила, что это шутка — шапка была такой легкой, что ничего не весила. Но когда Алиса вернулась на корабль, пришла к себе в каюту и стала разбирать марки, купленные на базаре, она нашла в сумке что-то. Это что-то было невесомым и невидимым. Тогда Алиса вспомнила о шапке-невидимке и попробовала это что-то расправить и надеть на голову. И стала невидимкой. Сначала Алиса хотела бежать ко

мне или к Полоскову и похвастаться шапкой, но тут она вспомнила, что невидимость — чепуха с точки зрения физики, и подумала, что если она расскажет нам о том, что шапка-невидимка действует, мы и смотреть на нее не захотим — не поверим. Она отложила шапку-невидимку в сторону до возвращения на Землю, потому что такая шапка обязательно пригодится в школе. Ведь если опоздаешь на урок, то всегда можно войти в класс и сесть на место так, что никто тебя не увидит. И даже можно (хотя Алиса, конечно, этим не занималась) подсмотреть в тетрадку к отличнице Скорняковой.

Шапку-невидимку Алиса всегда носила с собой в сумочке через плечо. И когда в подземелье загорелся свет и показались толстяк и его люди, Алиса незаметно надела шапку-невидимку и исчезла. Хотя никуда из подземелья не уходила. Она думала, что если нас запрут куда-нибудь, она сможет украдь ключ и выпустить нас на свободу.

Она отошла в сторонку и слушала все, что говорил толстяк. И она стояла бы и дальше, но тут появился пират, который нес за ноги говоруна. Толстяк велел пирату убить говоруна, потому что он больше пиратам был не нужен, и тут Алиса поняла, что ей пора действовать.

Она подошла на цыпочках к пирату и подставила ему ножку. Пират упал, выпустил говоруна, началась стрельба, и говорун улетел.

Что делать дальше? И тогда Алиса подумала: вот говорун улетел. А ведь он и раньше улетал отсюда. Второй капитан его выпустил из корабля, и говорун нашел дорогу из подземелья. Значит, говорун знает, как отсюда выбраться. И Алиса поспешила вслед за говоруном. Она думала, что, как только увидит, где выход,

сразу вернется обратно. Потом освободит нас из тюрьмы, выведет на свободу.

Сначала бежать было темно. Свет из главного зала слабо пробивался в длинный коридор. Говорун летел впереди, и Алиса не видела его, но слышала, как хлопают его крылья. Когда они были уже довольно далеко от пиратов, Алиса негромко позвала:

— Говорун, погоди.

Говорун услышал ее голос. И как раз в этот момент они были в следующем зале, меньше прежнего, посреди которого стоял небольшой черный корабль. Но Алиса забыла, что она невидимая, и не сняла шапку. Говорун сделал круг над Алисой, покачал недоверчиво короной и полетел дальше, в узкий лаз, который был спрятан за выступом скалы. Алиса добралась до лаза. Он круто уходил вверх, и вдалеке был виден белый кружок — дневной свет.

Алиса собралась было карабкаться по лазу, но тут услышала слабый стон.

Стон доносился из туннеля, черного, как безлунная ночь. Алиса осторожно подошла к туннелю. Стон слышался явственный. Но Алиса не взяла с собой фонаря, оставила в большой пещере, и потому ей приходилось идти вслепую. Она считала шаги. На тридцатом шаге ее рука уперлась в решетку.

Снова стон.

— Здесь есть кто-нибудь? — спросила Алиса шепотом.

Но, видно, тот, кто стонал, ее не услышал.

— Потерпите, — сказала Алиса. — Сейчас я освобожу наших, а потом и вас тоже. Если вы тоже пленник этих верховцевых.

Ответа не было.

Алиса повернула назад. Ведь нельзя было терять время — неизвестно, что там придумает толстяк.

Вернувшись к лазу, Алиса еще раз глянула внутрь. Светлое пятно — выход из подземелья — исчезло. Алиса не сообразила, что это наступила короткая ночь, и испугалась, что приняла за выход какой-то туннель. А может, она спутала? Может быть, говорун улетел в другой проход? И Алиса, хоть и очень беспокоилась обо мне и Полоскове с Зеленым, решила все-таки потратить еще несколько минут и проверить, выход это или нет. Ведь если это тупик, то она поведет нас сюда и погубит: пираты нас поймают.

Лезть было трудно. Лаз оказался скользким — сверху капала вода и не высыхала. Алисе казалось, что прошел целый час, а лаз все не кончался. Она решила повернуть назад, вдруг темнота начала проясняться, и оказалось, что Алиса почти добралась до выхода, только не видела его в темноте.

Последние метры ползти было труднее всего — сверху в лаз насыпалась земля и проникли длинные корни кустов. Алиса чуть не разревелась — решила, что пробраться наверх, к солнцу и чистому воздуху, не удастся. И в тот момент она даже забыла о нас, о пиратах, обо всем на свете — она мечтала лишь выбраться на свободу.

Но вот последний рывок, и Алиса поняла, что она победила, — лаз был позади. Позади осталось мрачное подземелье с пиратами и пленниками.

Быстро катилось по синему небу желтое солнце. Второе солнце уже забралось в зенит и начало припекать. У самого лица Алисы, не видя ее, ссорились два жука, налетали друг на друга, бились блестящими крыльями. Алиса посмотрела на жуков и с грустью

подумала, что пора возвращаться. И так она потеряла слишком много времени. По крайней мере она теперь знала, куда надо бежать, чтобы выбраться из подземелья.

Алиса в последний раз взглянула вперед, раздвинула густую траву и тут увидела совсем рядом, на вершине холма, тот самый космический корабль, который подлетел к «Пегасу» перед последним перелетом к предательской поляне. Корабль доктора Верховцева.

«Хорошо, что я поглядела туда, — подумала Алиса. — А то бы мы выбежали и попали к ним в лапы. Ведь, наверно, пираты оставили на корабле охрану».

Она собиралась уже спуститься снова в лаз, как увидела, что говорун сидит на трапе корабля и стучит клювом в закрытый люк.

Алиса чуть было не крикнула: «Говорун, назад!», но не успела. Да и не услышал бы говорун.

Люк раскрылся, и в нем показался высокий молодой человек, которого Алиса где-то видела раньше. Но где?

Говорун взлетел на плечо к этому человеку.

— Старина! — воскликнул человек. — Как ты нас нашел?

И тут, когда Алиса увидела этого человека с говоруном на плече, она поняла, кто это такой. Это был Первый капитан. Капитан прилетел на помощь! Но как он узнал, где надо искать? Алиса выскочила из лаза и бросилась к кораблю. Как хорошо, что капитан здесь! Теперь все будет в порядке.

Ей оставалось еще несколько шагов до корабля, и она старалась крикнуть, но не могла, потому что у нее не хватало дыхания. Тут второй человек вышел из люка и стал рядом с капитаном.

Это был доктор Верховцев. Но одет он был не так, как тот Верховцев, что внизу. На этом Верховцеве был скафандр и за поясом — пистолет.

Алиса остановилась, будто налетела на стену. Она ничего не могла понять. Предатель каким-то образом умел одновременно находиться в двух местах. Одно поняла Алиса: Первому капитану тоже угрожает опасность — ведь он еще не знает, что Верховцев на самом деле пират.

— Капитан, осторожнее! Опасность! Верховцев предатель! — крикнула Алиса.

Капитан и Верховцев оглянулись на ее голос. Но не увидели ее — она же все еще была невидимкой.

— Кто это сказал? — спросил капитан.

— Верховцев только что был в подземелье! — крикнула Алиса. — Он пират. Они захватили в плен Второго капитана и наш экипаж.

— Какой еще экипаж? — удивился капитан, стараясь понять, откуда же раздается детский голос.

— Экипаж «Пегаса», — сказала Алиса. — Осторожнее, капитан!

— Ты кто? — спросил капитан.

— Алиса, — ответила она, не спуская глаз с Верховцева.

Но Верховцев не выхватывал бластера, не нападал на капитана. И капитан тоже совершенно не боялся доктора.

— Ты ошибаешься, девочка, — сказал капитан. — Доктор Верховцев уже три дня не покидал нашего корабля. Мы с ним вместе прилетели на помочь вам и Второму капитану. А внизу, в подземелье, находится какой-то другой человек, который выдает себя за на-

шего друга, доктора Верховцева. Так что ты спокойно можешь подойти к нам.

— А вдруг вы тоже только выдаете себя за Первого капитана? — спросила Алиса.

— Я ни за кого себя не выдаю, — ответил капитан. — Ты же сама меня узнала. И посмотри на говоруна. Он тоже меня узнал. А птицу так легко не обмануть. Говорун, ты меня узнал?

— Спеши, капитан, — сказал говорун. — Формула галактия хранится в отсеке с образцами материалов. Если со мной что-нибудь случится, возьми формулы и передай Галактике. Это очень важно. Ради них погиб Третий капитан.

Говорун говорил голосом Второго капитана.

— Вот видишь, — сказал Первый капитан. — Теперь ты веришь? Ну, подойди сюда. Мы же теряем время. Как ты выбралась наружу? Как тебе удалось скрыться?

Алиса подошла к самому трапу.

— Я здесь, — сказала она. — Я пролезла за говоруном.

— Ничего не понимаю! — сказал доктор Верховцев. — Где же девочка? Что она, невидимая, что ли?

— Конечно, я невидимая, — сказала Алиса. — Неужели вы до сих пор не поняли? А то как бы мне удалось убежать от пиратов?

И тогда Алиса сняла шапку-невидимку, и даже Первый капитан, один из самых отважных людей во всей Галактике, вздрогнул от неожиданности.

Желтый комбинезон Алисы был измазан землей и разорван на рукаве, на лице царапины, волосы спутаны...

— Алиса, ты будешь сегодня на завтрак есть манную кашу? — спросил говорун голосом профессора.

— Молодец, девочка! — сказал Первый капитан. — Пошли. И по дороге ты все мне расскажешь.

И они побежали к лазу, потому что нельзя было терять ни минуты.

Глава 22

ТОЛСТЯК ВРЕТ

— Наручники пригодятся, — сказал Второй капитан. — Это такие коварные существа, что доверять им ни в чем нельзя.

— Даю вам слово, — сказал торжественно толстяк, — что не сделаю попытки к побегу.

— Сделает, — уверенно ответил капитан.

Тем временем доктор Верховцев подошел вплотную к своему двойнику. Зрелище было удивительное. Причем, если бы меня спросили, я бы сказал, что настоящий доктор Верховцев — это тот, который в шляпе. Ведь мы именно с ним познакомились на планете имени Трех Капитанов.

— Ну, самозванец, — сказал доктор Верховцев, который был в скафандре, — покажи нам, какое у тебя истинное лицо.

— Ничего не понимаю! — ответил доктор Верховцев, который был в шляпе, и отошел на шаг.

Зеленый, стоявший у него за спиной, подтолкнул его навстречу двойнику.

— Из-за тебя, голубчик, — сказал он, — мы черт знает что о хорошем человеке подумали. Из-за тебя чуть не погибли.

— Правильно, — сказала Алиса. — Ведь мы уже на-

столько не верили Верховцеву, что, когда он прилетел вместе с Первым капитаном и постарался нас остановить, мы быстренько улетели и провалились в яму.

— Нет, — сказал поддельный Верховцев, — вы не смеете меня трогать!

Весельчак У вдруг засмеялся.

— Плохо в чужой шкуре ходить, — сказал он. — Никуда не годится. У меня-то своя, мне ничего не будет: я никогда не обманывал. Я — честный пират.

Настоящий доктор Верховцев подошел к пирату в шляпе и присмотрелся к нему. Пирату некуда было отступать — сзади стоял Зеленый.

Вдруг доктор Верховцев протянул руку к своему двойнику и быстрым движением провел по его голове, лицу, груди.

И тут мы все увидели, как оболочка Верховцева упала с пирата, и под ней обнаружилось совсем другое существо — нечеловек. Оказывается Верховцев увидел тонкую застежку-«молнию», которая скрепляла оболочку пирата.

Шляпа откатилась в сторону. Одежда доктора валялась у наших ног. А из кучки тряпья, которое недавно было Верховцевым, возвышалось большое, метра в полтора высотой, насекомое с мохнатыми ножками, круглым хитиновым телом и большими острыми клешнями. Насекомое расправило короткие крылья, стараясь взлететь, но Зеленый успел схватить его. Насекомое обернуло к нему голову и угрожающе раскрыло клешни.

— Осторожнее! — крикнул Второй капитан. — Он ядовитый!

Зеленый отдернул руку, а Второй капитан поднял пистолет, взяв пирата на прицел.

И тогда пират, увидев, что деваться некуда, вдруг поднял длинный тонкий хвост с иглой на конце и вонзил его себе в грудь. И тут же упал, раскинув тонкие ножки.

— Он сам себя ужалил! — воскликнула Алиса. — Как скорпион.

— Скорпионы никогда себя не убивают. Это сказка, — ответил я. — Только разумные существа знают, что такое смерть.

— Не верьте ему, — сказал вдруг толстяк. — Я буду с вами сотрудничать, и поэтому лучше во всем признаться. Он главный пират. Он заставлял нас ему подчиняться, и он придумывал все злодейства. Его зовут Крыс, и он с мертвой планеты Крокрыс. Когда-то крокрысы перебили друг друга в войнах, и последние из них скрываются в подземельях. Но он не убил себя. Он слишком себя любит, чтобы убить. Он только потерял сознание. Он думает, что вы его бросите и тогда он придет в себя и убежит. Он так уже делал. Убейте его.

— Зачем нам его убивать? — сказал Первый капитан. — Его будут судить.

Он подошел к лежащему на кучке тряпья Крысу, нагнулся, поднял его легкое тело за ногу и передал пленным пиратам в черных мундирах.

— Отнесите его на «Пегас», — сказал капитан, — и заприте в клетку. У вас найдется пустая клетка, профессор?

— Есть пустая клетка. Даже не одна. Ведь мы собрали куда меньше животных, чем рассчитывали. Я пойду на корабль вместе с пиратами и прослежу, чтобы клетка была заперта надежно.

— А потом мы отвезем его на планету, где его давно ищут, и пусть его там судят.

— Правильно, — сказал толстяк. — Туда ему и дорога. Это ведь он придумал — притвориться Верховцевым. Он летал под видом доктора на базу разведчиков Арктура. Он надеялся найти там планы «Синей чайки», чтобы открыть корабль. Это он под видом Верховцева продавал червяков в Палапутре и уничтожал говорунов, чтобы ни один из них не добрался до Первого капитана и не смог позвать его на помощь. Это он заставил меня подарить профессору алмазную черепашку. Это он под видом Верховцева отравил масло у роботов. Нет ему пощады! Судить его, предателя и изменника!

— Спокойно, Весельчак У, — сказал Второй капитан. — Не надейся, что, загубив своего напарника, ты отделаешься от наказания. Тебя тоже будут судить. Ведь я гоняюсь за тобой по всей Галактике. И ты столько совершил преступлений, что новыми предательствами ты их никогда не искупишь.

Толстяк насупился и замолк.

Я проводил двух пиратов, которые тащили притворившегося мертвым Крыса на корабль. Со мной пошел и Полосков, потому что пиратам не доверял. Мы заперли Крыса в самую крепкую клетку и вернулись обратно. Там уже шел разговор о другом.

— Как теперь нам выбраться отсюда? — спросил Первый капитан у толстяка.

— Если мне обещают жизнь, я помогу вам отсюда выбраться, — сказал толстяк, — если нет, зачем я буду вам помогать? Никто, кроме меня, не знает, как открыть эту плиту. А она сделана из такого прочного камня, что ее не взорвешь даже гравитационной бомбой.

— Не хочешь говорить, не надо, — улыбнулся Пер-

вый капитан. — Мы подождем, пока очнется твой друг Крыс, и он нам с удовольствием поможет.

Оба капитана стояли рядом, и хоть один из них был загорелый, здоровый, одет в новый скафандр, а второй истощенный, усталый и исхудалый, они все равно были похожи, как братья, и я ими залюбовался. Они были куда лучше, чем монументы на планете имени Трех Капитанов. Первый капитан обнял своего товарища за плечо, и они возвышались над толстяком, словно над большой жабой.

— Нет, — сказал толстяк, — ни за что! Погибайте здесь!

— Мы все равно не погибнем, — сказал Второй капитан. — Теперь, когда мои друзья, — он обвел рукой всех нас, потому что не только Первый капитан и доктор Верховцев были его друзьями, но и мы, экипаж «Пегаса», тоже были его друзьями: мы ведь тоже пришли к нему на помощь, хотя и не видели его никогда раньше, — теперь, когда мои друзья со мной, мне не страшны никакие пираты. В крайнем случае мы все вместе улетим на корабле Первого капитана, а потом вернемся и достанем наши корабли.

Весельчак У заколебался. Он понял, что торговаться ему не приходится, и уже готов был заговорить, но все испортил Зеленый.

— Нет, — сказал он. — Во-первых, я никогда не брошу свой корабль. Уж лучше я останусь здесь и подожду. Да и зверей кормить надо. Ведь нам их на другой корабль не втиснуть. Нет, так не пойдет. Вы уж, пожалуйста, скажите нам, как открыть люк.

Нельзя было разговаривать с толстяком так, как говорил Зеленый. Нельзя ничего просить у пиратов, потому что они сразу наглеют.

И толстяк, услышав слова Зеленого, взбодрился.

— Нет, — сказал он, — дайте мне письменное обязательство, что я останусь в живых, тогда выпущу вас отсюда.

Капитаны только посмотрели на Зеленого, но ничего ему не сказали.

— Ладно. Если так, — произнес Первый капитан, — мы подождем. Мы даем тебе, Весельчак, десять минут на размышление. Время у нас есть.

— Правильно, — поддержал его Второй капитан. — А пока ты, Первый капитан, расскажешь, как ты нас нашел. Ведь говорун к тебе не прилетел.

— А я пока приготовлю бутерброды, — сказал виноватым голосом Зеленый. — Ведь все мы проголодались.

— Хорошо, — сказал капитан.

— Я бы тебе помогла, Зеленый, — сказала Алиса, — но мне так интересно узнать про Первого капитана, что я не могу оторваться.

— Оставайся, Алиса, — сказал Первый капитан. — Без тебя мы не спасли бы своих друзей.

— Без вас я ничего бы не сделала, — сказала Алиса и покраснела от гордости.

— Алиса, — сказал я строго, — иди вымой руки и приведи себя в порядок. Ты грязна, как болотный крот с планеты Вуканату.

— Ладно, — не стала со мной спорить Алиса. — Крот так крот.

Она побежала к кораблю, крикнув на бегу:

— Только без меня ничего не рассказывайте!

Первый капитан обернулся к Весельчаку У и спросил его равнодушно:

— Ну, не передумал еще?

Пират заискивающе улыбнулся. Его глазки спрятались в щеках.

— Давайте поторгуемся, капитан, — сказал он. — Будем оба деловыми людьми.

Капитан отвернулся от него.

Через две минуты возвратилась Алиса. Я заметил, что руки она вымыла кое-как, но вместо желтого комбинезона надела другой, голубой.

За Алисой семенил индикатор. Он прямо разрывался на части, так ему хотелось повсюду успеть. Прямо не зверь, а живая радуга. А за ними не спеша вышагивал вечно занятый паук-ткач-троглодит. Он вязал одновременно три варежки, но все на правую руку.

— Пришли? — улыбнулся Первый капитан, глядя на необычное шествие. — Ну, тогда я с самого начала должен признаться, что моя роль в этой истории скромная. Все четыре года я был занят на Венере. Оказалось, что превратить большую планету в космический корабль и передвинуть ее на новую орбиту — задача почти невыполнимая. Ну, а раз она оказалась почти невыполнимой, то ее обязательно надо было выполнить.

— Правильно, — сказала Алиса. — Очень жалко, что у меня не такой сильный характер.

— Характер воспитывается, — усмехнулся капитан. — Погляди на паука-ткача-троглодита. Вот уж за видное упорство! Если он еще научится отличать правую сторону от левой, цены ему не будет.

— Тоже мне пример! — отмахнулась от паука Алиса. — Он же глупый.

— В том-то и дело, что одно упорство еще ни о чем не говорит. За все четыре с лишним года Венера не сдвинулась со своей орбиты ни на сантиметр, а мы думали, спорили и готовились к решающему моменту. И я

надеюсь, что успею вернуться к началу перелета планеты поближе к земной орбите. Осталось недолго ждать.

— И тогда на Венере изменится климат?

— Сильно изменится. Настолько, что через несколько десятилетий люди смогут жить на ней так же, как на Земле.

— И мы ее станем называть Земля-два, — сказала Алиса.

— Зачем же? Она останется Венерой. Разве плохое название?

Алиса ничего не ответила. По-моему, ей название не очень нравилось. Она как-то говорила мне, что ни к чему называть планеты именами вымерших богов, которые ничем себя не прославили.

— Я был так занят работой, — продолжал свой рассказ Первый капитан, — что четыре года пролетели совершенно незаметно. И надо признаться, что я не очень беспокоился о своих друзьях, потому что знал, как далеко забрасывает судьба капитанов. Третьему было еще рано возвращаться из соседней галактики, а ты, Второй, дал мне срок — четыре года.

— А вы не жалели, — спросила Алиса, — что сидите на одной и той же планете, а не летаете к другим звездам?

— Это сложный вопрос, Алиса, — ответил серьезно Первый капитан. — Да, мне хотелось снова стать на капитанский мостик и снова снижаться на неизвестных планетах. Но я знал, что мой опыт и мои знания очень нужны в Солнечной системе. А кроме того, я же говорил тебе, что люблю неразрешимые задачи и невыполнимые проекты.

— А ваша жена, — не отставала от капитана Алиса, —

тем временем летает по всей Галактике и ищет живую туманность. Вы ей, наверно, страшно завидовали.

— Конечно, завидовал, — признался капитан. — И еще больше буду завидовать, когда она отыщет свою туманность.

— Ничего подобного, — вмешался я в разговор. — Живой туманности не существует. Все равно как не существует живых планет.

— А вот в этом вы, профессор, ошибаетесь, — сказал Второй капитан. — Мне пришлось как-то увидеть живую планету. Еле успел убежать. Она питается тем, что затягивает из космоса. Хорошо еще, что на «Синей чайке» такие мощные двигатели.

— Очень любопытно, — сказал я. — Мы поговорим об этом попозже. Хотя мне не приходилось слышать о таком чуде.

— Папа, не спорь, — сказала Алиса. — Не станет же капитан говорить неправду.

— Нет, — улыбнулся капитан. — Мы всегда говорим правду. Даже врагам.

И он посмотрел на Весельчака У, который тут же отвернулся и сделал вид, что рассматривает стену пещеры.

— Ну вот, — закончил свой рассказ Первый капитан, — неожиданно я получил телеграмму — летит доктор Верховцев, наш старый друг. Он прилетел и рассказал мне, что беспокоится о судьбе Второго капитана. И когда он мне все рассказал, я попросил разрешения немедленно покинуть Венеру. А дальше пускай продолжает доктор.

— Ну, что вы! — смутился вдруг доктор Верховцев, сскутился и заморгал. — Я ничего не сделал. Ровным

счетом ничего... В общем, вы, с «Пегаса», были последней каплей, переполнившей чашу моих подозрений.

— Вот спасибо! — сказал Зеленый, который раздавал нам бутерброды с сыром. — Это вы вели себя странно.

— Но я-то ничего еще не знал, вернее, почти ничего не знал о вас.

Верховцев переступил с ноги на ногу и погладил индикатора, который даже посинел от любопытства.

— Я с самого начала не поверил в версию о том, что смелый и находчивый Второй капитан пропал без вести. Я знал и его «Синюю чайку» и понимал, что вряд ли найдется во всей Галактике сила, способная погубить Второго капитана.

— Спасибо за комплимент, — сказал Второй капитан.

— Не стоит благодарности. Комплимент имеет в своей основе трезвый научный расчет.

— Ну прямо как наш учитель математики! — прошептала мне Алиса.

— Подготавливая музей имени Трех Капитанов, я изучал их биографии, и в этом мне помогал Первый капитан, который никогда не отказывался присылать мне фотографии и записки и уточнять подробности. Но когда я поделился с ним своими сомнениями о судьбе Второго капитана, он ответил мне очень уклончиво. Столь уклончиво, что я предположил, что Первый капитан знает о «Синей чайке» больше, чем хочет или может сказать.

— Ничего я особенного не знал, — перебил его Первый капитан. — Просто у нас был уговор: если не прилетает говорун, я жду четыре года и ничего не

предпринимаю. Но после письма Верховцева я немногого обеспокоился, хотя и виду не подал.

— А я не знал об уговоре капитанов, — продолжал Верховцев, — и не знал, что Второй капитан собирался улететь навстречу Третьему капитану. Меня насторожило другое: ведь во всех документах говорилось, что капитаны полностью избавили Галактику от космических пиратов. Но, судя по всему, это было не так. Ко мне поступали сведения, что пираты все-таки существуют и иногда нападают на корабли. И среди пиратов видели этого самого толстяка.

— Я не участвовал в этом, — сказал обиженно Весельчак У. Это все Крыс. У него было несколько оболочек. В этом числе, наверное, и моя. Он в моей оболочке грабил другие корабли.

— Ну уж, разрешите вам не поверить, — сказал доктор Верховцев. — Да-да, не поверить. Но однажды, когда я отсутствовал на планете имени Трех Капитанов, кто-то побывал в музее. Музей тщательно обыскали, но ничего важного не взяли, кроме снимков «Синей чайки». Ага, подумал я тогда, кому-то эта информация нужна. Потом мне вдруг сообщают, что на пиратском корабле, который ограбил пассажирский лайнер с планеты Фикс, был человек, так похожий на меня, что, если бы в это время у меня в гостях не находился сам президент этой планеты, про меня могли бы черт знает что подумать. И тут на планету прилетает «Пегас». Эти люди говорят мне, что ловят зверей, а сами начинают меня расспрашивать о трех капитанах. Это меня немного удивило. И может быть, я забыл бы об этом — разве мало людей интересуются героической биографией капитанов, — но вдруг они мне заявляют, что я, оказывается, прилетал к развед-

чикам Малого Арктура и просил у них план «Синей чайки».

— Но это в самом деле так, — сказал я. — Это был поддельный доктор.

— Сейчас столь прискорбный факт не вызывает сомнений, — сказал Верховцев, — но в тот момент я был совершенно огорожен. Когда «Пегас» улетел, я тут же отправился к разведчикам, и они подтвердили: «Да, именно вы, доктор Верховцев, прилетали к нам месяц назад и интересовались планами «Синей чайки». Вот тогда-то я и понял, что Второму капитану грозит опасность. И, вернее всего, от рук пиратов. И я немедля отправился на Венеру.

— Прилетел ко мне, волнуется, — улыбнулся Первый капитан. — Я сначала даже понять ничего не мог. Один Верховцев, второй Верховцев... Но когда разобрался, то понял, что надо спешить на помощь. Но куда лететь? Мы заподозрили, что «Пегас» — пиратский корабль, и решили проследить за вами. Мы побывали в Палапутре. Там нам Крабакас с Баракаса рассказал о том, что вы купили говоруна, и о том, как кто-то пытался убить всех говорунов на планете. И мы нашли того ушана, который вам продал говоруна, и поняли, что это тот самый говорун, который раньше был у Второго капитана. Больше того, нас чуть не посадили на Палапутре в тюрьму, потому что ложный доктор Верховцев побывал там и торговал червяками. Еле-еле мы убедили ушанов-стражников, что червяками торговал не настоящий Верховцев, а его двойник. Крыса ждет заслуженное наказание за попытку убить всех говорунов и уничтожить воздух на планете. А наказание за это ушаны еще не придумали, но обязательно придумают.

— Ой! — вырвалось у толстяка.

— А дальше просто, — сказал Первый капитан. — Мы опросили все маяки Галактики, и нам сообщили, что «Пегас» держит курс к системе Медузы. А на планете роботов мы узнали, что вы здесь побывали и даже вылечили роботов, сменив им масло. А потом мы прилетели сюда. И чуть было не опоздали.

— А когда вы поняли, что мы не пираты? — спросила Алиса.

— Уже в Палапутре. А кроме того, мы встретили в космосе корабль археологов. На нем летел Громозека. И он с таким пылом защищал профессора, что мы ему поверили. Стали беспокоиться, что вам грозит опасность — ведь вы не умеете обращаться с пиратами.

— Не умеем, — вздохнул Полосков. — В следующий раз будем умнее.

— Следующего раза не будет, — сказал Первый капитан.

Он подошел к сидящему на каменном полу толстяку и сказал:

— Время истекло, Весельчак У. Или ты открываешь плиту, или мы с тобой вообще больше не будем разговаривать. Считаю до десяти: раз, два, три...

— Все скажу! — заторопился толстяк. — Все скажу. Я с первой минуты хотел сказать, но до содрогания боялся Крыса. Я и сейчас его боюсь. Ведь он отомстит мне. Обязательно отомстит. Лучше всего, если вы его убьете. Пожалуйста, убейте его!

— Но ведь он твой друг, — сказал Верховцев. — Как же ты можешь желать смерти другу, с которым вместе совершил преступления столько лет?

— Он мне не друг! — вскричал толстяк. — Он мой

злейший враг! Я честный пират, а не бандит и не предатель!

— Не теряй времени, — сказал Второй капитан. — Открывай плиту.

Толстяк поднялся. На него было противно смотреть. Ноги его не держали, подгибались, и живот трялся. Он заковылял к стене и, подойдя к ней, нажал невидимую для посторонних кнопку. Часть стены отошла в сторону, и за ней обнаружился пульт управления.

— Сейчас, — бормотал толстяк, — одну минутку... я все сделаю.

Он нажимал на кнопки дрожащими толстыми пальцами, и наконец плита сдвинулась с места и отъехала в сторону.

Путь наверх был открыт.

— По кораблям! — сказал Первый капитан. — Сначала поднимается «Пегас». Затем он отлетает в сторону, и начинаем подъем «Синей чайки». Экипаж «Пегаса» прошу занять свои места.

Пошел дождь. Крупные капли залетали в светлый круг и звонко стучали по каменному полу.

Толстяк нажал еще одну кнопку, и из пола выросла тонкая лестница, досталась до края белого круга и уцепилась за край металлическими когтями.

— Вот это правильно, — сказал Второй капитан. — Верховцев, прошу тебя, отведи вместе с профессором пленников наверх. Пусть нас там подождут.

Полосков и Зеленый заняли места в «Пегасе», убрали трап и закрыли люк. Все остальные отошли в сторону и смотрели, как «Пегас» медленно поднялся в воздух и, закрыв на несколько секунд свет, выплыл наверх.

— Ну что ж, — сказал Первый капитан, — все здесь, никого не забыли?

— Все, — сказал я.

Верховцев повел по лестнице двух пиратов, а я подошел к толстяку.

— Больше пиратов нет? — спросил капитан у толстяка. — На вашем корабле нет никого?

— Клянусь всем святым, что больше здесь не осталось ни одного человека! Можно спокойно уходить, — ответил Весельчак У. — Совершенно спокойно. А потом мы взорвем это подземелье вместе с проклятым кораблем Крыса. И следа не оставим от пиратского гнезда. Я правильно говорю?

— Правильно, — успелся Второй капитан. — Дай-ка я взгляну в последний раз на мою тюрьму. Как-никак четыре года здесь просидел.

— Погодите! — крикнула вдруг Алиса. — Он же врет!

— Кто врет? — удивился Первый капитан.

— Толстяк врет. Когда я бежала за говоруном, я слышала стон.

Глава 23

ПЛЕННИК В ПОДЗЕМЕЛЬЕ

— Не может быть.. — ахнул толстяк и осекся.

— Где пленники? — спросил капитан. И так спросил, что никакого сомнения не было: сейчас толстяк все расскажет.

И толстяк тут же засеменил к туннелю. Он бормотал:

— Я совсем забыл.. это все Крыс... Я всегда говорил... и всегда был против.

— Простите, капитан, — сказала Алиса, спеша за ними. — Я бы обязательно вспомнила, но было так много событий, что я забыла. Но я бы обязательно вспомнила...

— Не расстраивайся, девочка, — сказал Первый капитан и положил ей на макушку широкую ладонь. — Ты молодец, и никто тебя не обвиняет. А с этим пиратом мы поговорим особо.

— Вот тут, — сказал толстяк. — Сейчас я свет зажгу. Все будет отлично... Как я мог забыть! Это все Крыс.

Вспыхнул свет, и мы увидели за небольшим залом, в котором стоял пиратский корабль, еще один длинный туннель, перегороженный недалеко от входа толстой решеткой. Толстяк подбежал к решетке и не послушными пальцами старался вставить ключ в замочную скважину. Первый капитан отобрал у него ключ и отодвинул в сторону решетку. Решетка ушла в нишу в стене.

— Я сам... я сам... — бормотал толстяк, но его никто не слушал.

Не удивительно, что толстяк не хотел, чтобы мы увидели этот туннель. По обе стороны его шли комнаты, заваленные награбленным добром, драгоценностями и другими трофеями.

— Нет, — сказал я, заглядывая на ходу в одну из комнат, — взрывать это место мы не будем: здесь столько ценностей, что можно построить сто городов.

— Погодите, — сказал Первый капитан.

Мы остановились, прислушались.

Далеко, откуда-то снизу, донесся еле слышный жалобный стон.

Мы поспешили в ту сторону. Дверь в одну из комнат была заперта.

— Ключ! — приказал капитан.

Толстяк уже держал ключ наготове.

Комната оказалась лестничной площадкой. Отсюда вниз вела крутая лестница, вырубленная в скале. В конце ее была еще одна решетка. Капитан направил в ту сторону луч фонаря, и мы увидели, что за решеткой на куче тряпок на каменном полу сидит прикованное к стене странное существо, в котором я с трудом узнал жителя планеты Фикс, хрупкого большеглазого фиксианца.

Фиксианец умирал. Мне достаточно было одного взгляда, чтобы понять это. Он был на последнем пределе истощения. А кроме того, он был истерзан пытками.

— Я его сейчас убью! — сказал Первый капитан, глядя на толстяка.

— Всеволод, — прошептал Второй капитан, — ты не узнаешь...

— Не может быть!

И Первый капитан вдруг с такой силой рванул вбитую в камень стальную решетку, что она согнулась и вылетела из пазов. Он отшвырнул в сторону путаницу стальных брусьев и бросился к умирающему фиксианцу. Он поднял его на руки и понес к выходу.

— Кто это? — спросила тихо Алиса.

Я покачал головой. Я не знал.

Рядом всхлипывал толстяк. Он сдержал на секунду слезы и ответил мне:

— Это Третий капитан. Они думали, что он давно мертв.

И тут же, словно вспомнив об очень важном, толстяк заспешил по коридору за капитаном, визжа:

— Это все он! Это все Крыс!

Третий капитан был без сознания. Первый положил его на пол и обернулся ко мне.

— Скажите, профессор, — спросил он, и голос его дрожал, — скажите, можно ли что-нибудь сделать?

— Не знаю. Сомневаюсь, — сказал я. Я наклонился над фиксианцем. — Они морили его голодом и пытали.

— Они пытали его четыре года, — сказал Второй капитан. — А мы были уверены, что он давно мертв! И если бы не Алиса, оставили бы его здесь. И он им ничего не сказал. Профессор, я умоляю вас, сделайте все возможное, чтобы его спасти!

— Меня не надо просить об этом, — сказал я. — В первую очередь нужны укрепляющие уколы. Алиса, беги, милая, на «Пегас» и принеси оттуда аптечку.

Алиса стрелой побежала по коридору.

— Я с ней, — сказал Первый капитан.

— Не надо! — отзывалась Алиса на бегу. — Я лучше вас знаю, где искать.

— Послушай, Третий, — сказал Второй капитан. — Слушай. Не сдавайся. Так мало осталось терпеть. Неужели ты сдашься в последнюю минуту? Ведь мы пришли.

И вдруг фиксианец открыл глаза. Ему было очень трудно это сделать, потому что его тело уже умирало. Лишь мозг боролся со смертью.

— Все хорошо, — сказал он, — все в порядке. Я ничего не сказал. Спасибо, друзья, что пришли. — Он закрыл глаза, и его сердце остановилось.

Я тут же начал делать фиксианцу искусственное дыхание. Но это не помогало. Положение было безвы-

ходное — у меня не было ни хирургических инструментов, ни диагностической машины, ни лечебных автоматов. И мне пришлось поступить так, как делали врачи сто лет назад.

— Я рискну, — сказал я капитанам. — Боюсь, что иного выхода нет.

— Мы вам верим, профессор, — ответили мне капитаны.

Тогда я разрезал ножом грудь Третьему капитану, взял в руку остановившееся сердце и начал его массировать. Мне казалось, что прошел час, рука онемела. Я не заметил, как подбежала Алиса с аптечкой и инструментами. Первый капитан сам ввел в вену своему другу оживляющую смесь. И не знаю, что помогло, мои ли усилия или действия Первого капитана, но сердце Третьего дрогнуло, еще раз... и забилось.

— Еще живительного раствора! — приказал я.

Алиса передала ампулы капитанам.

— Он очень могучий фиксианец, — сказал я. — Любой другой на его месте давно бы умер.

Я достал из аптечки сшиватель, и в минуту этот маленький аппаратик сшил ему все сосуды и зашил грудь. Мы осторожно перенесли фиксианца на «Синюю чайку», где я мог оказать ему настоящую врачебную помощь. Там ко мне присоединился доктор Верховцев, и через полчаса мы могли уже сказать, что жизнь Третьего капитана вне опасности.

Мы оставили Второго капитана дежурить у его постели, а сами спустились вниз, в пещеру, нам надо было отдохнуть. Первый капитан вышел с нами.

У входа сидел на корточках толстяк под охраной Зеленого.

— Он будет жить? — спросил с робкой улыбкой Весельчак У, словно речь шла о его любимом брате.

— Да, — коротко ответил Верховцев. — Хотя ты сделал все, чтобы он умер.

— Нет, нет, что вы! — засуетился толстяк. — Это все Крыс. Неужели вы до сих пор не поняли, какую роковую роль он сыграл в моей жизни, как обманом и послами он втянул меня в отвратительные авантюры? Ведь мне что нужно было? Весело жить и иметь все, чего душа захочет. А ему? Ему нужна была власть. Как другие люди пытаются супом и котлетами, так он питался властью. Если он в течение дня ни над кем не проявит власти, то для него этот день потерян. И ему нужна была власть над планетами, над всей Галактикой. А мне что? Мне бы только повеселиться. Я ведь, по существу, безобидный человек, попавший под дурное влияние.

Мы отвернулись от толстяка, и он продолжал говорить, обращаясь к Зеленому, будто хотел и в самом деле убедить нас, что он веселый, безобидный ягненок.

— Ну вот, — сказал доктор Верховцев, улыбаясь так, что, казалось, все его лицо состоит из тысячи добрых морщинок, — наконец-то все три капитана снова встретились. Как в добрые старые времена. Некоторое время вы были достоянием истории, извините — историческими реликвиями, а теперь...

— Да, — согласился с ним Первый капитан, — все как в старые добрые времена.

И я, глядя на него, подумал, что он совсем не стар. И, может быть, даже вернется снова в космос. Тем более, что проект «Венера» завершается.

И Первый капитан угадал мои мысли:

— Снова придется привыкать. Я, пока летел сюда, понял, что мои руки многое забыли.

— Вы все-таки собираетесь вернуться в космос? — обрадовался доктор Верховцев.

— И еще, — продолжал капитан, не отвечая прямо на вопрос доктора, — надо обязательно переменить название планеты и музея. Неудобно как-то: мы живы, здоровы, ничем особенным не прославились, а наши каменные копии стоят в музее, словно мы умерли давным-давно.

Глава 24

КОНЕЦ ПУТЕШЕСТВИЯ

Через два часа Третьему капитану стало настолько лучше, что мы смогли поднять его на поверхность. Затем капитаны вывели из подземелья и «Синюю чайку». Каменную плиту, закрывавшую вход в подземелье, поставили на место.

Теперь вокруг поляны, среди разбитых зеркальных цветов, стояли три космических корабля: «Пегас», «Синяя чайка» и служебный корабль с проекта «Венера», у которого не было названия — только длинный номер.

— Пап, — сказала Алиса, — можно, я в лес схожу?

— Зачем?

— Поищу целых зеркал. Нельзя нам на Землю возвращаться без нового букета.

— Только осторожнее, — предупредил я. — Теперь на тебе не желтый комбинезон, а голубой, и птица Крок тебя не спутает со своим птенцом.

Пока корабли готовились к дальнему полету, я выпустил склисса попастись на лужайку. Склисс тяжело прыгал от радости по траве, высоко подбрасывая копыта, мотал крыльями, но летать наотрез отказывался.

— Это самая веселая корова, каких мне приходилось видеть, — признался доктор Верховцев. — Но в хозяйстве такая корова неудобна.

— Нам уже говорили, что их трудно пасти, — согласился я. — Зато склиссы могут перебираться через глубокие реки, если пастбище на другом берегу.

Толстяк все еще сидел на земле около «Пегаса» и уверял нас, что у него больное, старое сердце, которому требуется свежий воздух. И никому не хотелось с ним спорить и даже разговаривать, особенно после того, как Третий капитан рассказал, что именно Весельчак У пытал его, чтобы добыть секрет галактия.

— Зеленый, — сказал я, — присмотри, пожалуйста, за коровой, пока я покормлю остальных зверей, а то как бы ее птица Крок не унесла.

И тут я увидел, что на планету спускается еще один космический корабль.

Это уж ни на что не похоже! Не планета, а космодром! Откуда ему здесь взяться?

Я решил было, что это подкрепление пиратам, и хотел поднять тревогу, но тут же сообразил, что корабль терпит бедствие.

Он летел не прямо, а переворачивался, как-то странно кособочился, а за его хвостом тянулась какая-то серая масса, которая тормозила его и мешалаnormally снижаться.

На мой крик все выбежали из кораблей и глядели, как спускается новый корабль.

— Включи радио, Зеленый, — сказал Полосков.

Зеленый бросился к «Пегасу», настроился на волну корабля и включил радио на полную мощность, чтобы мы снаружи тоже все слышали.

— Корабль! — вызывал Зеленый. — Что с вами? Вы терпите бедствие? Отзовитесь!

Приятный женский голос ответил:

— Бедствия меня не касаются. Главное — не упустить, а остальное пустяки.

— Какой знакомый голос, — сказал я. — Где-то я его слышал.

— Когда заблудились у Пустой планеты, — подсказала Алиса.

— Стойте, — прервал нас Первый капитан. — Могу поклясться, что это моя жена Элла.

Капитан побледнел и со всех ног бросился в радиорубку к Зеленому. И тут же мы услышали его голос:

— Элла, это ты? Что случилось?

— Кто это говорит? — спросил женский голос строго. — Это ты, Сева? А почему ты не на Венере? Ты же знаешь, как я беспокоюсь, когда ты улетаешь в космос.

Второй капитан улыбнулся.

— Она никак не может привыкнуть, — сказал он мне, — что у нее муж — космический капитан, хотя сама искалечила всю Галактику.

— Да не в этом дело, — сказал Первый капитан. — Ты забыла, что твой корабль терпит бедствие? Тебе нужна помощь? Что ты за собой тащишь?

— Ну разве ты не видишь? — удивилась Элла. — Это же живая туманность. Я за ней гонялась три недели, поймала в сеть, а теперь она хочет вырваться и улететь. Вот и приходится опускаться на первую по-

павшуюся планету, чтобы ее укротить. Сева, милый, у тебя нет под рукой какого-нибудь корабля?

— Ну конечно, есть, — ответил Первый капитан. — И не спеши опускаться: боюсь, с таким хвостом тебе не удастся это сделать.

— Вот и хорошо. Поднимись на минутку, и мы вместе ее опустим.

Первый капитан еще не кончил разговор, как Второй капитан был уже на мостице корабля, и еще через три минуты капитаны подняли его в воздух, где Элла боролась с непокорной живой туманностью, о которой в космосе ходит столько легенд, но которую никому еще не удавалось увидеть.

Два корабля справились наконец с сетью, и через полчаса живая туманность, надежно сжатая двумя кораблями, лежала на траве неподалеку от нас. Мы побежали к ней. Я, надо признаться, бежал первым, потому что понимал, какое великое открытие в биологии совершила Элла.

Туманность нас разочаровала. Она, наверно, очень эффектна в межзвездном пространстве, когда расстилается на миллионы километров, но здесь, на траве, она казалась чуть пульсирующим серым сгустком тумана.

Люк в корабле Эллы распахнулся, и она вышла к трапу. К ней уже бежал ее муж, Первый капитан. Он протянул сильные руки, и Элла прыгнула сверху. Капитан поймал ее в воздухе и осторожно опустил на землю.

— Ты не ушиблась? — спросил он.

— Нет, — ответила Элла и улыбнулась. — И вообще все это неважно.

Элла была настоящая красавица и всем нам очень

понравилась. Даже индикатор от переполнивших его чувств стал прозрачным.

— Все неважно, — повторила Элла, поправляя светлые волосы. — Туманность поймана, и теперь осталось только довезти ее до Земли, чтобы скептики убедились, что она существует.

Я промолчал, потому что под скептиками она подразумевала, конечно, меня. И я даже вспомнил, что как-то встречался с ней на конференции и высмеял за увлечение фантастикой. Существует на свете множество реальных, обыкновенных животных, изучению которых стоит посвящать время и усилия, — это и Малый дракончик, и кустики, и индикатор. Но ведь живая туманность казалась мне выдумкой. Так я тогда и сказал.

— Кого я вижу! — воскликнула Элла, увидев Второго капитана. — Я вас несколько лет не видела. Как вы себя чувствуете? Все еще летаете?

— Нет, — ответил Второй капитан, — в основном я сидел на одном месте.

— Это правильно, — поддержала его Элла. — И на одном месте можно найти массу дел. А чей это очаровательный ребенок?

— Меня зовут Алиса, — ответил очаровательный ребенок.

— Алиса. Необычное имя.

— Самое обычное. Алиса Селезнева.

— Погоди-ка. А твой отец не в Московском зоопарке работает?

— В зоопарке, — ответила Алиса, которая не знала о наших научных разногласиях.

— Так вот, Алиса, когда увидишь своего отца, передай ему, пожалуйста, что живая туманность — не био-

логический бред, и не фантастика, и не сказочная выдумка, как он любит повторять, а самая настоящая реальность.

— Кстати, — сказала Алиса, — мой отец здесь. Вот он.

Мне ничего не оставалось, как выйти вперед и поздороваться.

— Простите, — сказал я. — Я признаю свою ошибку.

— Ну и отлично, — ответила Элла. — Вы мне поможете потом исследовать туманность?

— С удовольствием.

Тогда Элла обернулась к своему мужу:

— Расскажи, почему ты здесь оказался?

— Второй попал в беду, — коротко ответил Сева, — и надо было его выручать. Вот мы и сделали это. С помощью наших новых друзей.

— А в какую беду вы попали, капитан?

— В плен к пиратам.

— К пиратам? Но ведь вы их победили давным-давно.

— Победили, но не до конца. Знаете, как бывает, если оставишь один сорняк на грядке?

— Все-таки не понимаю, — развела руками Элла. — Ну кто в наши дни сидит по четыре года в плену?

Элла прилетела к нам словно из другого мира. Из того мира, в котором мы привыкли жить, но от которого оторвались за последние дни. И в самом деле, ей трудно было бы поверить, если бы мы начали рассказывать ей о пытках, подземельях и предательстве. И поэтому никто не стал с ней спорить.

— А что вы сделали с пиратами? — спросила Элла.

— Один сидит в клетке. Два — в трюме. А самый толстый и хитрый только что был здесь, — ответил Второй капитан. — Кстати, где он?

Толстяк пропал. Только что сидел на траве, робко улыбался — и пропал.

Мы облазили все заросли вокруг, осмотрели каждый куст — уйти далеко он не успел. Да и говорун поднял бы тревогу.

— Ну вот, — с укоризной сказала Элла, — не могли уберечь одного пирата! Разве это настоящая прополка?

И тут я заметил, что туманность колышется сильнее, чем прежде. Я пригляделся. Несколько ячеек сети были разрезаны.

— Я знаю, где он! — крикнула Алиса, которая побежала за мной к сети. — Он в туманность залез.

— Ты здесь, Весельчак У? — спросил Верховцев, наклоняясь.

Туманность зашевелилась, словно копна сена, в которую забрался бродячий пес.

— Сейчас выпустим туманность и увидим, — решительно сказал Сева.

— Ни в коем случае! — возмутилась Элла. — Второй такой не найдем!

Нервы у толстяка не выдержали. Из туманности показалась его голова. Глаза были выпучены, и он быстро дышал, — видно, в туманности было плохо с воздухом.

И вдруг толстяк резко вылетел из туманности и бросился бежать по поляне.

— Куда ты? — крикнул вслед ему Второй капитан. — Все равно поймаем. Не торопись, у тебя же больное сердце!

Но толстяк не слышал. Он несся между кустов, перепрыгивал через ямы, спотыкался, размахивал руками.

И птица Крок, лениво кружившая в высоте, увидела его сверху и спикировала на него, как коршун на зайчонка.

Еще секунда — и толстяк уже болтался в воздухе

Еще секунда — и толстяк уже болтался в воздухе, будто продолжал бежать, а птица поднималась так быстро, что, когда Второй капитан выхватил пистолет, она поднялась на полкилометра.

— Не стреляй, — остановил его Первый капитан. — С такой высоты он разобьется...

И как будто сглазил. Толстяк как-то извернулся в когтях птицы, забился, и она выпустила его. Словно тряпочная кукла, толстяк летел к земле. И скрылся за холмом.

Мы молчали. Потом Зеленый сказал:

— Он сам себя наказал. И лучше придумать было нельзя.

И все с ним согласились.

А туманность между тем потихоньку выползала из сети. Она вытекала как кисель, расположилась во все стороны, и когда мы опустили глаза, то увидели, что стоим по колени в сером киселе.

— Держите ее! — крикнула Элла. — Она же убежит!

И туманность убежала. Она окутала нас непроницаемой мглой, а когда мгла рассеялась, над нашими головами реяло большое серое облако.

— Все равно собирались стартовать, — сказал Второй капитан, — так что попрошу поторопиться.

Мы быстро загнали на корабль склисса, завели двигатели и взлетели. Вслед за нами поднялись остальные три корабля. И все мы, построившись цепью, погнались за живой туманностью.

Догнали мы ее только у планеты Шелезяка. К тому времени туманность рас простерлась уже на несколько тысяч километров, и мы три дня гоняли ее так, чтобы она уместилась в наши сети.

Наконец туманность закутали в тройную сеть и

крепко привязали между двумя кораблями. В таком виде и отвезли к Солнечной системе, где каждый может полюбоваться ею в кратере Архимеда на Луне. Хотя любоваться нечем — нет более скучного экспоната, чем живая туманность.

Элла настаивала, чтобы туманность поместили в зоопарк на Земле, но земной климат для нее вреден, да и кто придет в зоопарк смотреть на серый туман? Куда интереснее поглядеть на индикатора, получить в подарок шарф от паука-ткача-троглодита, полить кустик лимонадом или отличить склисса от коров, в стаде которых он пасется.

На центральной лунной базе, в гостинице «Лунход», мы в последний раз собрались все вместе.

— Пришла пора прощаться, — сказал Второй капитан.

Капитаны сидели в ряд на большом диване и совсем не были похожи на свои памятники. Первый капитан был задумчив и с трудом скрывал печаль. Оказалось, что перевод Венеры на новую орбиту начался, пока он был в системе Медузы, и он опоздал к торжественному моменту.

Третий капитан себя плохо чувствовал, его била лихорадка, которой он заболел в подземелье у пиратов, но, когда Верховцев принес ему лекарства, капитан отказался.

— Эта лихорадка пока не излечима земными лекарствами. Справлюсь с ней сам. Не обращайте внимания. Как только я снова выйду в космос, все пройдет. Для меня лучшая больница — мостик космического корабля.

Лишь Второй капитан был оживлен и весел. Он только что передал прилетевшим с Земли физикам формулу галактия. Физики заняли уже половину гос-

тиницы, и с каждым новым кораблем прилетали их коллеги из разных университетов и институтов. Было получено сообщение, что на Луну спешат ученые с Фикса и линеанцы, а на космической верфи Плутона начали закладку кораблей, рассчитанных на новое топливо.

— Вы все время улыбаетесь, — сказала Второму капитану Элла, которая не любила сидеть на месте и нервно ходила по комнате. — Вы довольны, что подняли такую суматоху среди физиков?

— Страшно доволен, — признался Второй капитан. — Я, честно говоря, опасался, что вдруг формула галактия не так уже и нужна нам. Все те годы я думал: может быть, галактий уже изобретен на Земле?

— Но вы ведь все равно не отдали бы формулу пиратам? — спросил я.

— Нет, не отдал бы. Ну хорошо, какие у кого планы? Надеюсь, что мы еще не раз встретимся. В конце концов, космос не так уж и велик. Мне жаль только, что профессор Селезнев не собрал столько зверей, сколько хотел. Но зато он помог нам спастися, и мы обещаем ему, где мы ни будем, отовсюду привезем птиц и зверей для зоопарка.

— Спасибо, друзья, — сказал я. — Но должен сказать, что я не расстраиваюсь. Ведь будущим летом мы снова полетим в экспедицию на «Пегасе». Если, конечно, Полосков и Зеленый не откажутся лететь со мной.

— Не откажемся, — сказал Полосков.

— Я бы полетел, — сказал Зеленый, — если обстоятельства сложатся благополучно.

Нет, все-таки Зеленый неисправим! Я знал, что он

полетит. Он сам знает, что полетит, но обязательно должен высказать какие-нибудь сомнения.

— И я полечу, — сказала Алиса.

— Посмотрим, — ответил я. — Тебе еще целый год в школе учиться.

— А куда вы теперь собираетесь? — спросил Полосков капитанов.

— Я спешу на Плутон, где будут строить корабли на галактических двигателях, — ответил Второй капитан. — И надеюсь, что один из первых доверят мне.

— Я сначала слетаю домой, на планету Фикс, — сказал Третий капитан. — Я очень давно не был дома. А потом тоже начну строить корабль на новом топливе.

— А я сейчас на Венеру, — сказал Первый капитан. — Венера уже движется на новую орбиту. Еще несколько месяцев — и моя работа будет закончена. И тогда я тоже присоединюсь к моим друзьям.

— И вы все полетите в дальний космос? — спросила Алиса.

— Да, — сказал Первый капитан.

— Да, — сказал Второй капитан.

— Разумеется, — сказал Третий капитан.

— А я собиралась лететь на живую планету, — сказала Элла. — Это даже интереснее, чем живая туманность. Но боюсь, что придется попросить слетать туда профессора Селезнева.

— А почему? — спросил я. — Это вы ведь теперь у нас специалист по сверхбольшим животным.

— Я полечу с капитанами.

— Но мы летим в другую галактику. Это долгий и трудный полет.

— Не спорьте со мной, — сказала решительно Эл-

ла. — Я все обдумала. Нельзя нам расставаться так на-долго.

— Но как же дети? — спросил Первый капитан.

— Дети останутся с бабушкой. Она не каждый день танцует в Большом театре. Будет брать их на субботу и воскресенье из детского сада.

Тогда Первый капитан смущенно взглянул на своих друзей.

И Второй капитан в знак согласия наклонил голову.

И Третий капитан в знак согласия поднял одну из шести рук.

— Не забудьте, — сказала мне Элла, которая, помоему, и не сомневалась, что уговорит трех капитанов, — что вы обещали мне найти живую планету. А я привезу вам самое удивительное животное, которое мы встретим в соседней галактике...

«Пегас» первым стартовал с Луны. Мы спешили, потому что зверей надо было как можно скорей привезти в зоопарк и создать им нормальные условия. Капитаны и Элла проводили нас до корабля и пожелали доброго пути. «Пегас» поднялся над Луной и взял курс на Землю.

Я спустился в трюм посмотреть, как себя чувствуют наши звери. Большинство клеток стояло пустыми. Зверей было маловато. Пустовала и клетка, в которой раньше сидел пират Крыс. Мы высадили его и двух его помощников на планете, где он натворил столько бед. Там-то уж знают, как наказать пирата.

Я протянул склиссу последнюю охапку сена. Склисс прижался боком к решетке, чтобы я его почесал.

В трюм вошла Алиса. За ней вереницей семенили кустики.

— Ну как, — спросил я, — будет о чем рассказать в школе?

— Разве обо всем расскажешь? — пожала плечами Алиса. — Все равно не поверят.

Она взяла швабру и стала помогать мне мыть клетки.

— Да, — согласился я, — кое-чему не поверят.

— Ты недоволен путешествием? — спросила Алиса. — Мало зверей?

— Нет, честное слово, доволен. У нас появились новые друзья. И какие!

— Молодец! — похвалила меня Алиса. — А знаешь, капитаны обещали взять меня в другую галактику. Нет, не бойся, не в первое путешествие, а потом, когда я подрасту.

— Ну что ж, — сказал я, — в добрый путь.

— Не расстраивайся, папа, может, мы и тебя возьмем. Биологи в любой экспедиции нужны.

— Спасибо, Алиса, ты настоящий друг.

Мы с ней кончили чистить клетки и напоили зверей, потому что к посадке на Земле все должно быть в полном порядке.

СОДЕРЖАНИЕ

Девочка, с которой ничего не случится.	
<i>Фантастическая повесть</i>	3
Настоящее кино. <i>Рассказ</i>	47
Это ты, Алиса? <i>Рассказ</i>	56
Ржавый фельдмаршал.	
<i>Фантастическая повесть</i>	61
Путешествие Алисы.	
<i>Фантастическая повесть</i>	159

**Кир Булычев
(Игорь Всеволодович Можейко)**

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

**Серия «Детская фантастика»
Путешествие Алисы**

Составитель А.В. Алексеев

Художник К.А. Сошинская

Ответственный редактор Т.В. Бобрынина

Технический редактор А.Н. Аникеев

Корректор Т.Л. Сологуб

Подписано в печать 20.03.95. Формат 84×108½. Бумага книжн.-журн.
Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 29,0. Уч.-изд. л. 26,9. Печать офсетная.
Тираж 25 000 экз. Заказ № 262. Цена договорная.

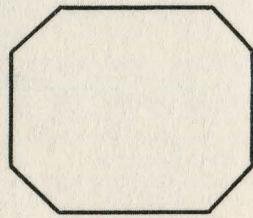
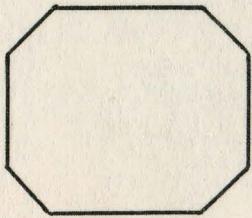
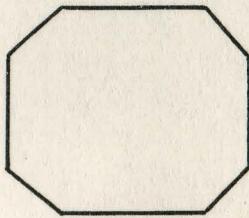
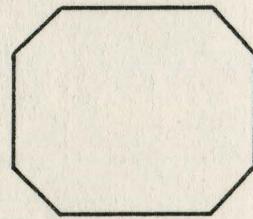
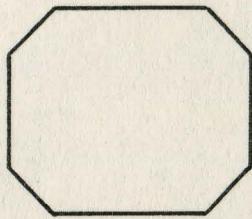
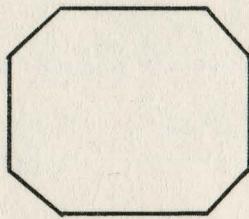
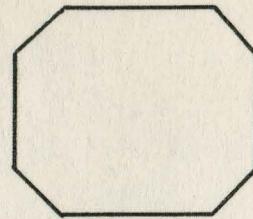
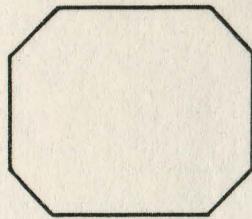
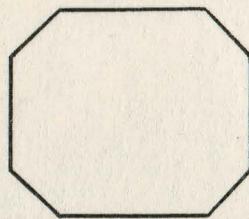
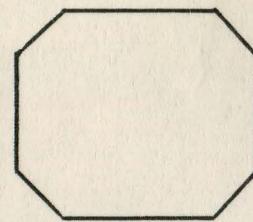
ПРИ УЧАСТИИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «АРМЭ»

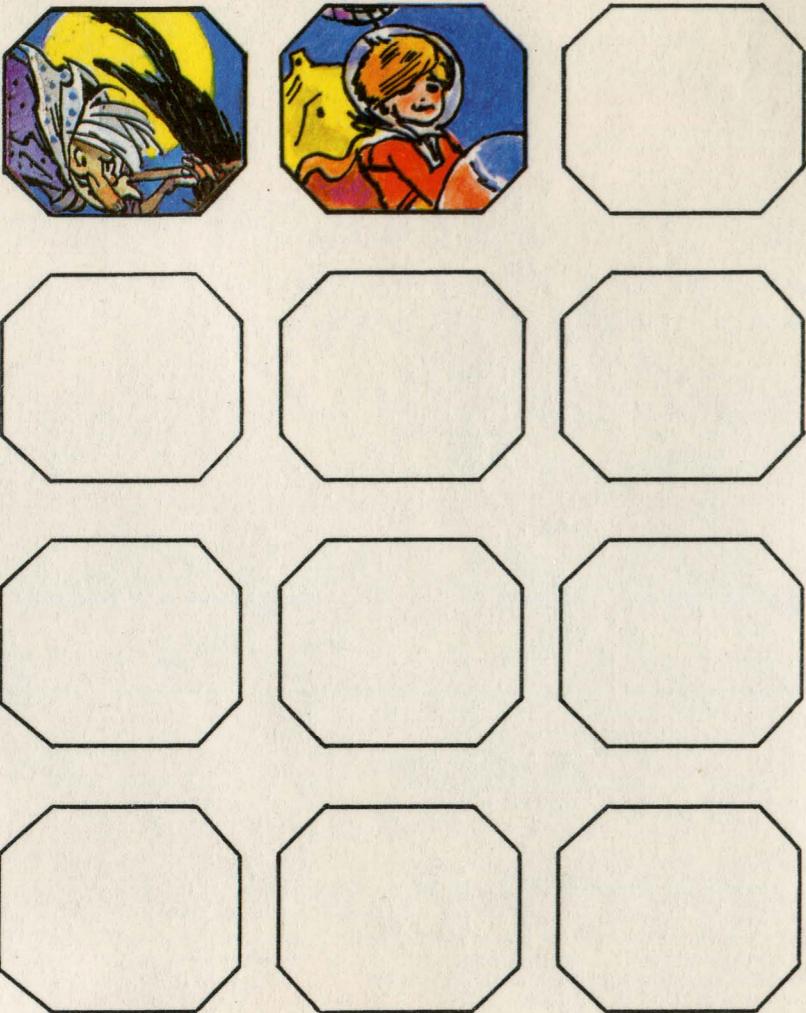
Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии издательства «Пресса»,
125865, ГСП, А-137, ул. «Правды», 24.

**Сканирование и обработка:
Алексей Н. (Lion)**

КИР БУЛЫЧЕВ

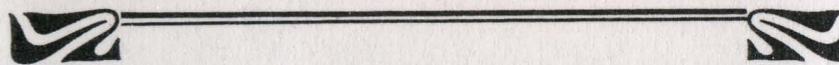
КИР БУЛЫЧЕВ

КИР БУЛЬЧЕВ

КИР
БУЛЬЧЕВ

ПУТЕШЕСТВИЕ
АЛИСЫ

